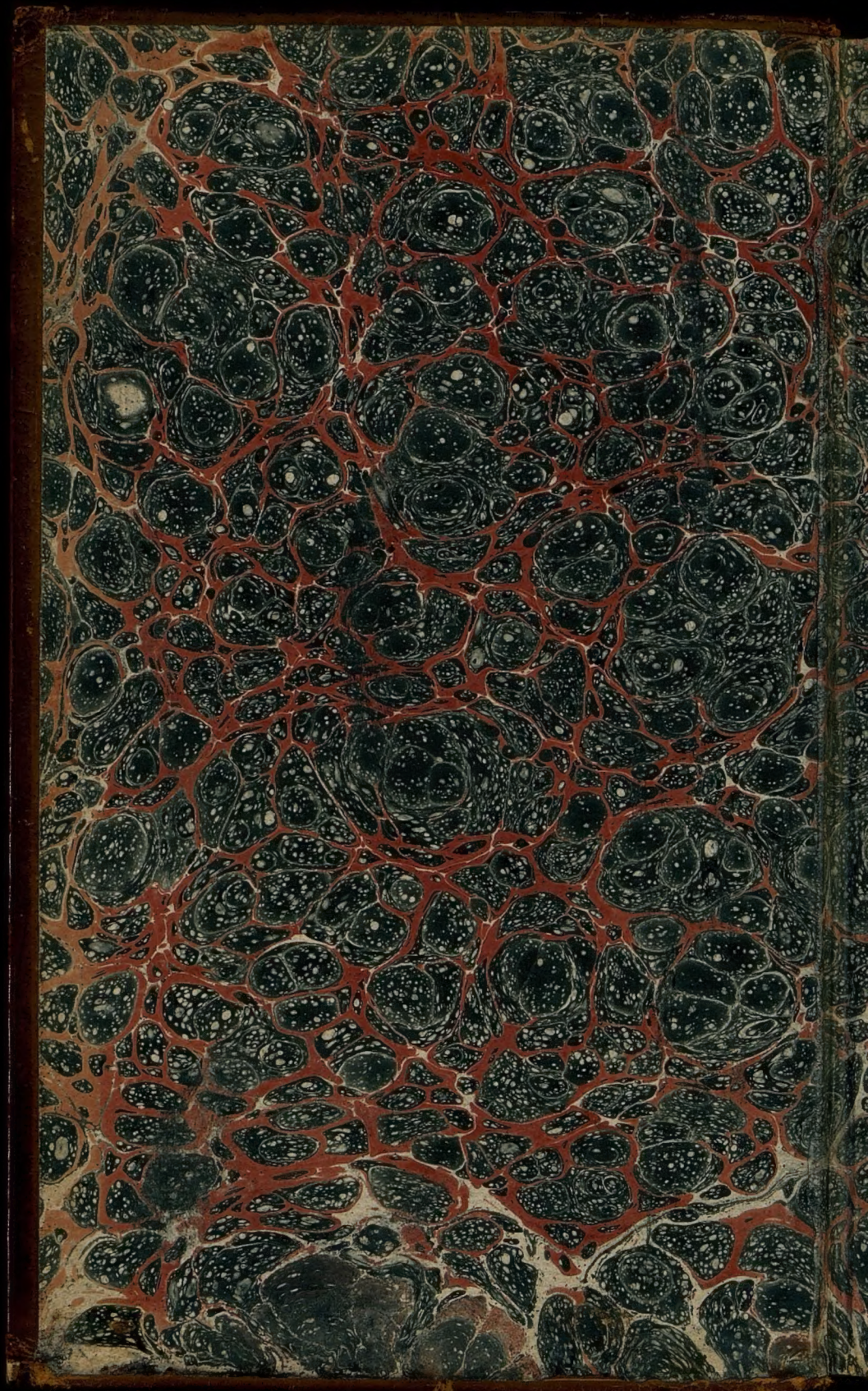

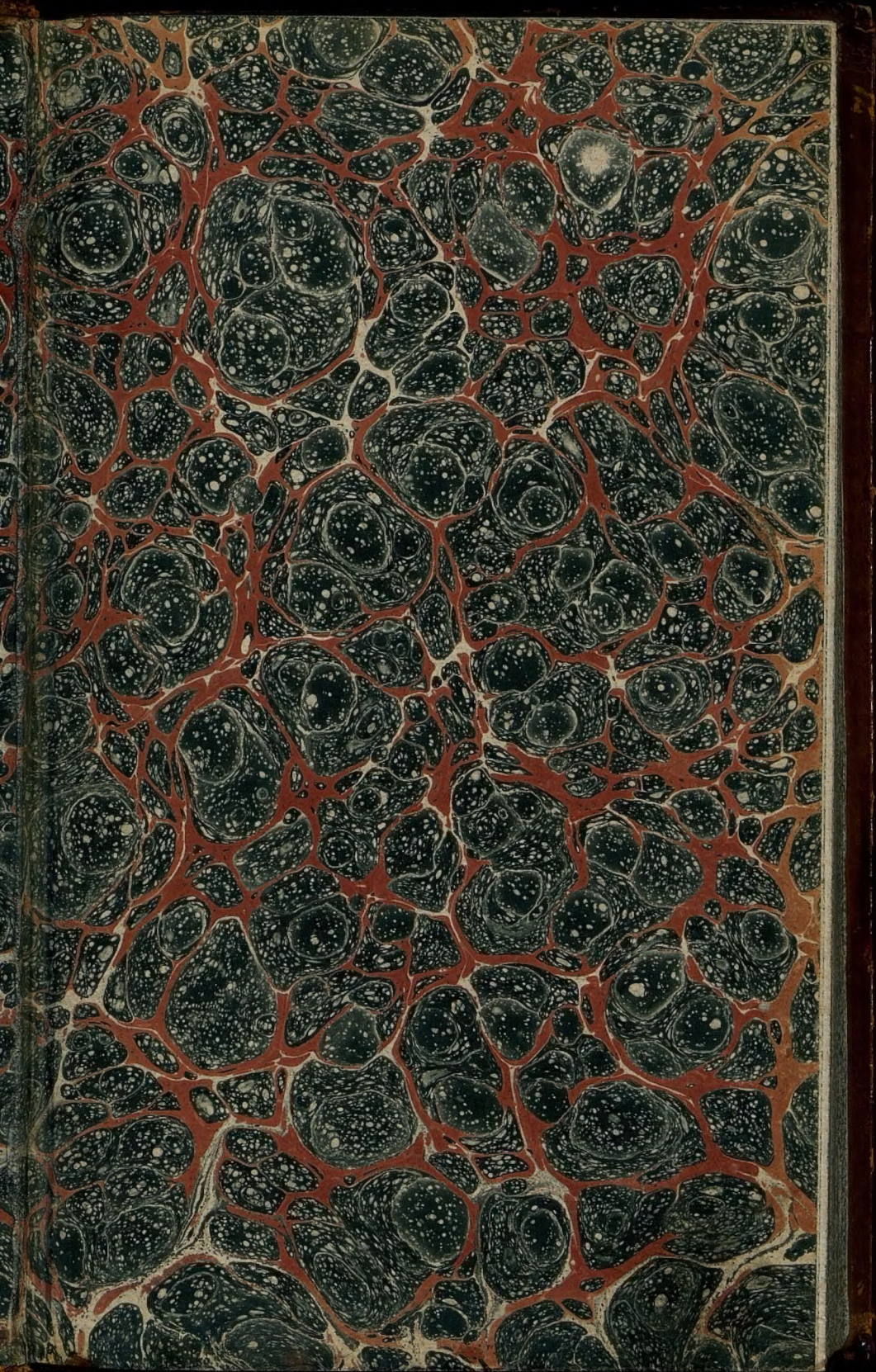
283381

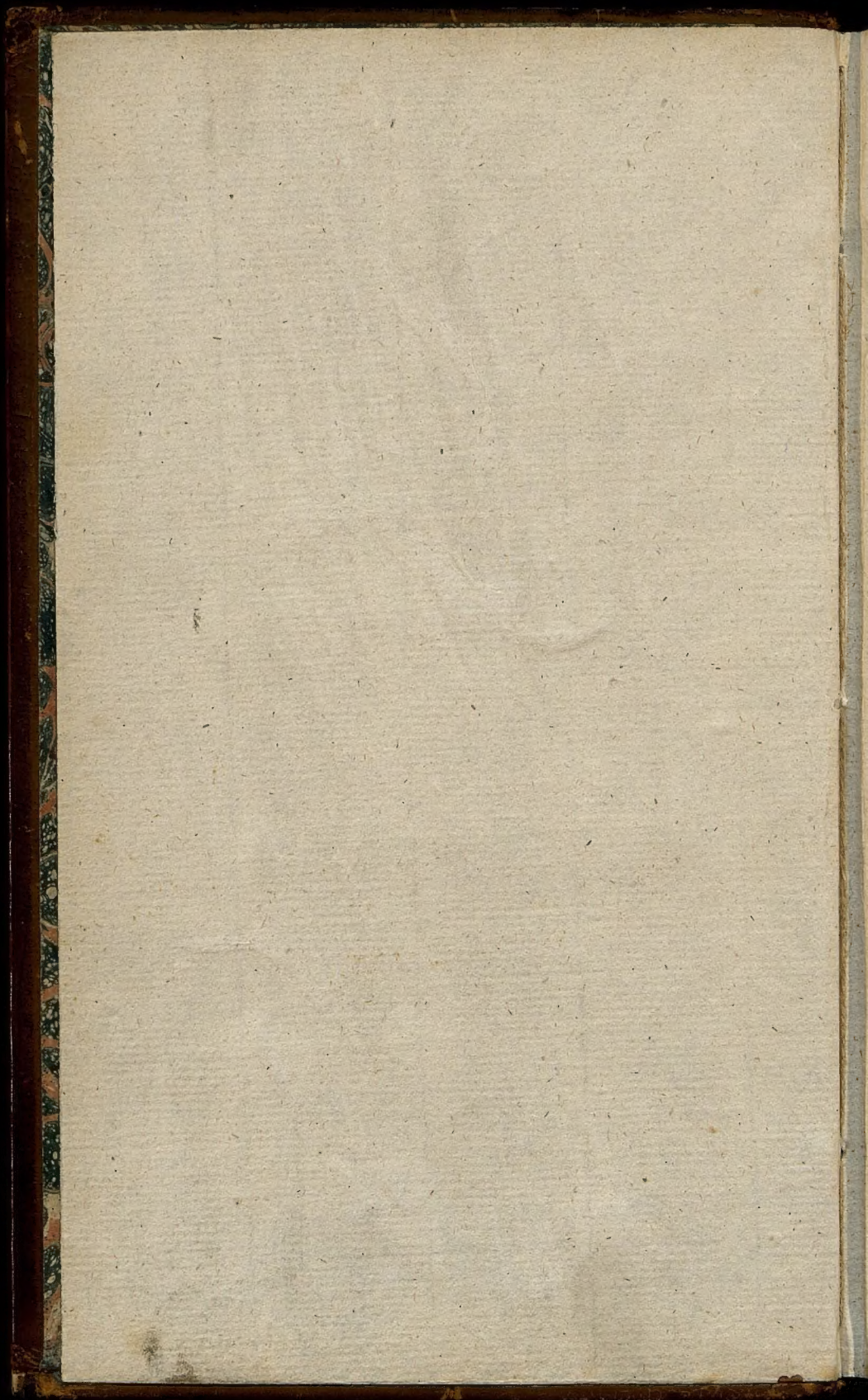
РР V Р

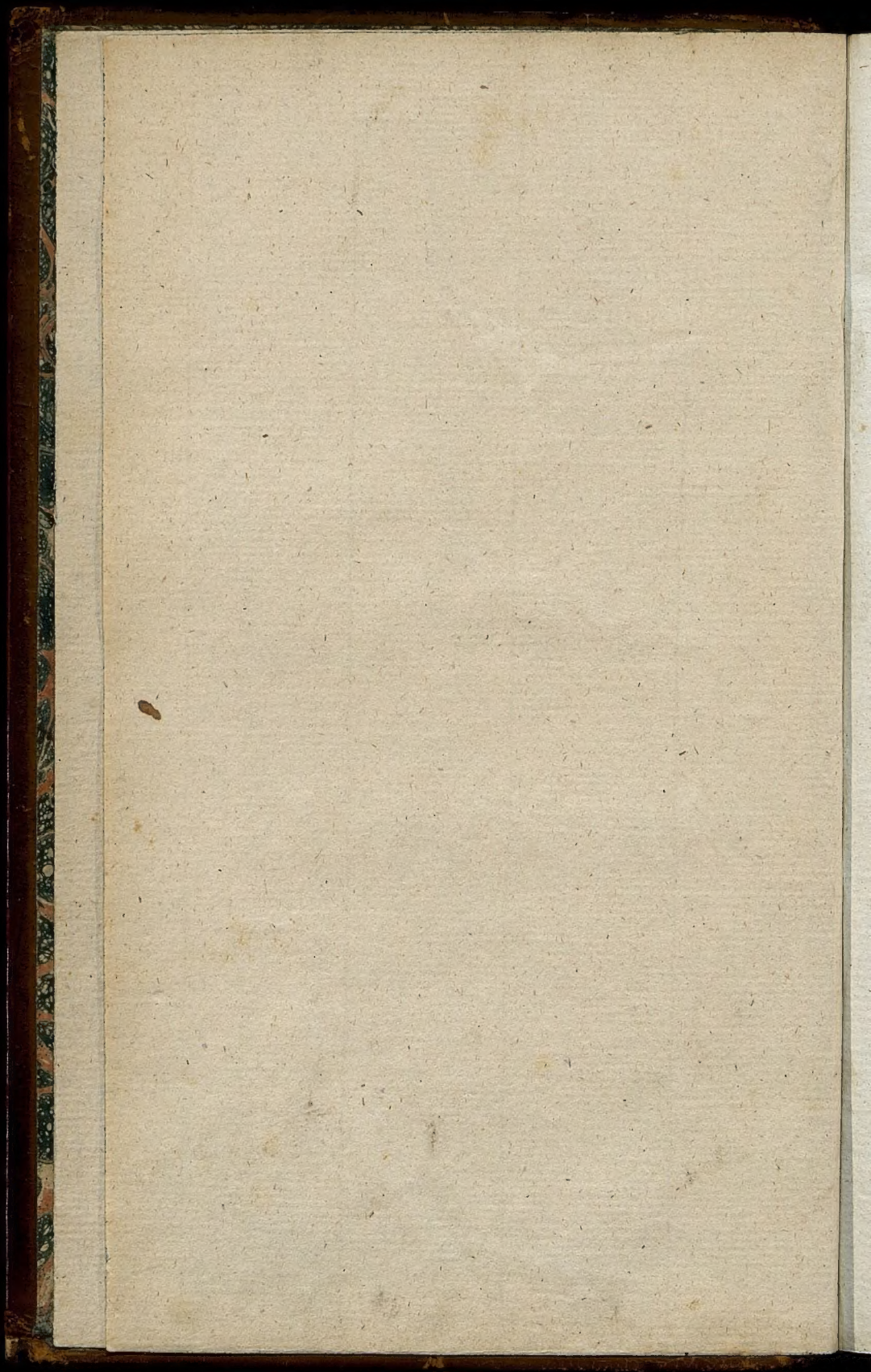
Карамзин
Сочинения
Карамзина
Том. IХ.
М., 1890

381

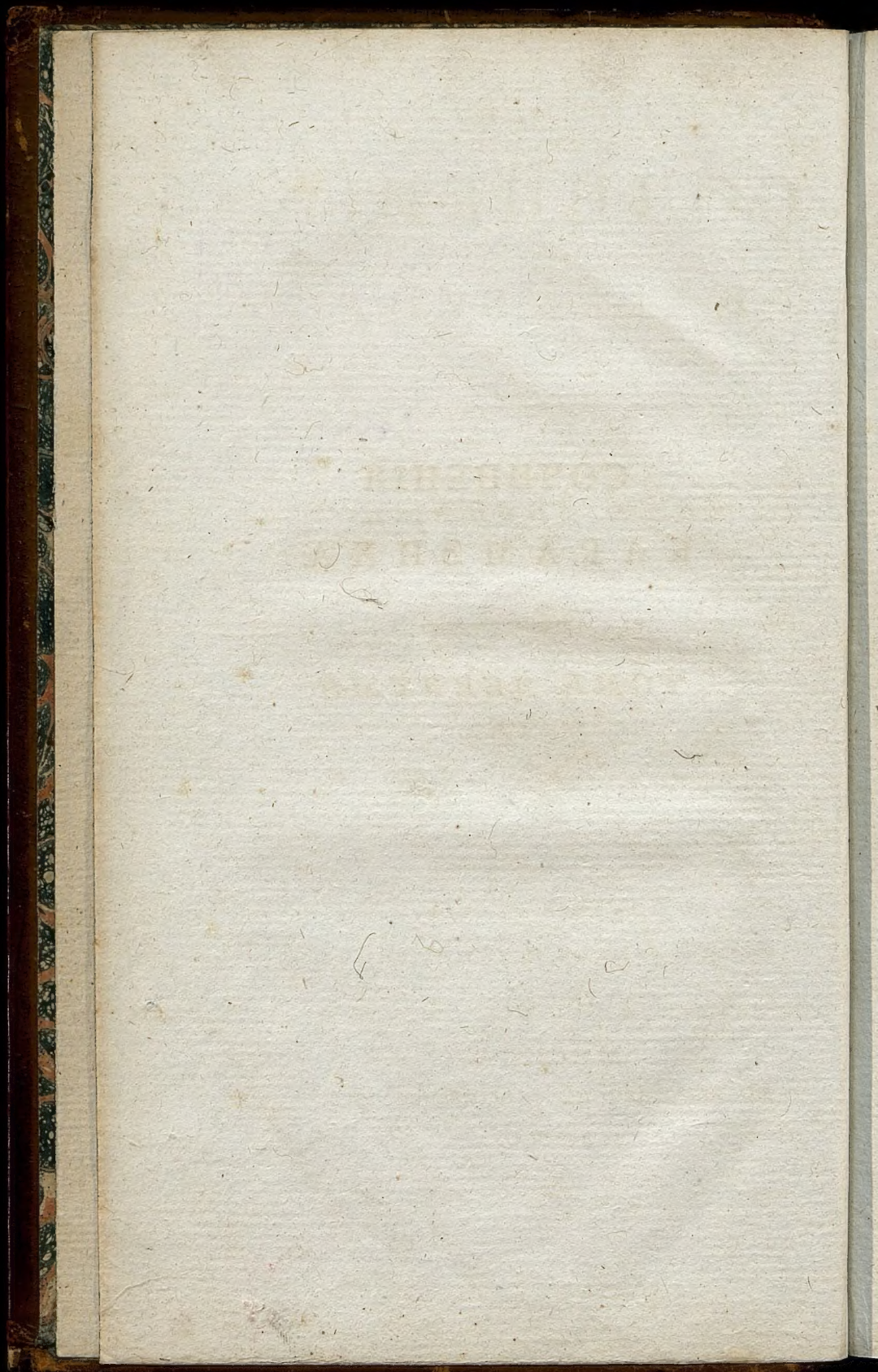

БИБЛИОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.

КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

№ 7028.
4628.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

БИБЛИОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

СНИМКИ ИЗЪ СОБРАНИИ
П. К. СИМОНИ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ,
исправленное и умноженное.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1820.

Красная Библиотека
№ 285381
Книгохранилище
Куйбышевскаго края

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ
Типографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цен-
зурнаго Комитета, другой для Департамента Ми-
нистерства Народнаго Просвѣщенія, два экзе-
мпляра для Императорской Публичной Библіотеки
и одинъ для Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, Сентября 25 дня 1818 года.

Цензоръ Штабскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Тимковскій.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

РЫЦАРЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Съ нѣкошораго времени вошли въ моду историческіе романы. Неугомонный родъ людей, который называется *Авторами*, превознося священный прахъ Нумбъ, Авреліевъ, Альфредовъ, Карломановъ, и пользуясь изспари присвоеннымъ себѣ правомъ (едва ли *правымъ*), вызываетъ древнихъ Героевъ изъ ихъ *тѣснаго домика* (какъ говоритъ Оссіанъ), чшобы они, вышедши на сцену, забавляли насъ своими разсказами. Прекрасная кукольная комедія! Одинъ вспаеъ изъ гроба въ длинной Римской *Тогѣ*, съ сѣдою головою; другой въ корошенькой Гишпанской епанчѣ, съ черными усами—и каждой, проширая себѣ глаза, начинаеъ свою

повѣсть сѣяицъ Леды. Только привыкнувъ къ глубокому могильному сну, они часто зѣваюшъ; а съ ними вмѣстѣ... и чашапели сихъ историческихъ небылицъ. Я никогда не былъ ревностнымъ послѣдователемъ модъ въ нарядахъ; не хочу слѣдовать и модамъ въ авторствѣ; не хочу будить усоншихъ великановъ челоѣчества; не люблю, чѣмъ мои чашапели зѣвали — и для того, вмѣсто историческаго романа, думаю разсказать романтическую исторію одного моего пріятеля. Впрочемъ не любю не слушай, а говоришь не мѣшай: вотъ мое невинное правило!

ГЛАВА I.

Рожденіе моего Героя.

Если спросите вы, кто онъ? то я... не скажу вамъ. Имя не челоѣвъ, говорили Рускіе въ старину. Но такъ живо, такъ живо опишу вамъ свойства, всѣ качества моего пріятеля — черты лица, ростъ, походку его — что вы засмѣетесь и укажете на него пальцомъ... «Слѣдственно онъ живъ?» Безъ сомнѣнія; и въ случаѣ нужды можете доказать, что я не лжецъ и не выдумалъ на него ни слова; ни дѣла — ни печальнаго ни смѣшнаго.

Однакожь . . . надобно какъ нибудь назваць его; частыя мѣстоименія въ Рускомъ языкѣ непріятны: назовемъ его — Леономъ.

На луговой споронѣ Волги, шамъ, гдѣ впадаетъ въ нее прозрачная рѣка Свѣта, и гдѣ, какъ извѣстно по Исторіи Нашалы, Болрской дочери, жилъ и умеръ изгнанникомъ невинный Бояринъ Любославскій — шамъ, въ маленькой деревенькѣ, родился праѣдѣ, дѣдѣ, оѣцѣ Леоновъ; шамъ родился и самъ Леонъ, въ то время, когда Природа, подобно любезной кокешкѣ, сидящей за шуалепомъ, убиралась, наряжалась въ лучшее свое весеннее плашье; бѣлилась, румянилась . . . весенними цвѣтами; смотрѣлась съ улыбкою въ зеркало . . . водѣ прозрачныхъ, и завивала себѣ кудри . . . на вершинахъ древесныхъ — то естъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, и въ самую шу минушу, какъ первый лучъ земнаго свѣта коснулся до его глазной перепонки, въ орѣховыхъ кушочкахъ заѣбли вдругъ соловей и малиновка, а въ березовой роцѣ закричали вдругъ филинъ и кукушка: хорошее и худое предзнаменованіе! по которому осьмидесятилѣтняя повивальная бабка, принявшая Леона на руки, съ веселою усмѣшкою и съ печальнымъ вздохомъ предсказала ему щасіе и нещасіе въ жизни, ведро и ненащіе,

богатство и нищету, друзей и непріятелей, успѣхъ въ любви и рога при случаѣ. Читатель увидишь, что мудрая бабка имѣла въ самомъ дѣлѣ даръ пророчества. . . . Но мы не хотимъ заранѣе открывать будущаго.

Ощецъ Леоновъ былъ Руской коренной дворянинъ, израненной опшпанной Капитанъ, человекъ лѣтъ въ пятьдесятъ, ни богатой, ни убогой; и — что всего важнѣе — самой доброй человекъ; однакожь ни мало не сходный характеромъ съ извѣстнымъ дядею Тристрама Шанди. — добрый по-своему, и на Рускую спашь. Послѣ Турецкихъ и Шведскихъ кампаній возвратившись на свою родину, онъ вздумалъ жениться — то есть, не совсѣмъ во время — и женился на двадцатилѣтней красавицѣ, дочери самаго ближняго сосѣда, которая, не смогши на молодья лѣта свои, имѣла удивительную склонность къ меланхоліи, такъ что цѣлые дни могла просиживать въ глубокой задумчивости; когда же говорила, то говорила умно, складно и даже съ разительнымъ краснорѣчіемъ; а когда взглядывала на человека, то всякому хошлось остановиться на себѣ глаза ея: такъ они были привѣтливы и милы! . . . Красавицы нашего времени! будьте покойны: я не хочу сравнивать ее съ вами — но дол-

женѣ, въ извѣсненіе душевной ея любезности, открывъ за шайну, что она знала жестоку; жестокая положила на нее печать свою — и мать героя нашего никогда не была бы супругою отца его, естли бы жестокой въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сорвалъ первую фіялку на берегу Свѣти!... Чипашель уже догадался; а естли нѣтъ, то можешъ — подождашъ. Время снимаешъ завѣсу со всѣхъ темныхъ случаевъ. Скажемъ только, что сельская наша красавица вышла за-мужъ непорочная душою и тѣломъ; и что она искренно любила супруга, во первыхъ за его добродушіе, а во вторыхъ и по тому, что сердце ея никѣмъ другимъ не было... уже занято.

ГЛАВА II.

КНИГА ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

Каковъ онъ родился.

Юные супруги, съ милымъ неперѣнѣемъ ожидающія плода отъ брачнаго, нѣжнаго союза вашего! естли вы хошите имѣть сына, то какимъ его воображаете? Прекраснымъ? шаконъ былъ Леонъ. Бѣленькимъ, полненькимъ, съ розовыми губками, съ Греческимъ носикомъ, съ черными глазками, съ кофейными волос-

ками на кругленькой головѣ: не правда ли? таковъ былъ Леонъ. Теперь вы имѣете объ немъ идею: поцѣлуйте же его въ мысляхъ, и ласковою улыбною ободрите младенца жить на свѣтѣ, а меня бытъ его историкомъ!

ГЛАВА III.

Его первое младенчество.

Но что говоришь о младенчествѣ? оно слишкомъ просто, слишкомъ невинно, а по тому и совсѣмъ нелюбопытно для насъ, испорченныхъ людей. Не спорю, что въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать его щасливымъ временемъ, истинною Аркадіею жизни; но пошому-то и нечего писать объ немъ. Спроси, спроси! какъ вы ни жестоки, какъ ни пагубны для нашего спокойствія, но безъ васъ нѣтъ въ свѣтѣ ничего прелестнаго; безъ васъ жизнь наша есть прѣсная вода, а человѣкъ кукла; безъ васъ нѣтъ ни пропагандельной исторіи, ни занимательнаго романа. Назовемъ младенчество прекраснымъ лужкомъ, на кошорой хорошо взглянуть, кошорой хорошо похвалить двумя, тремя словами, но кошораго описывать подробно не совѣшую никакому стихо-

творцу. Страшные дикія скалы, шумныя рѣки, черныя лѣса, Африканскія пустыни, дѣйствующія на воображеніе сильнѣе долинъ Темпейскихъ. Какъ? для чего? не знаю; но знаю то, что самой нѣжной другъ дѣшей, хваля и хваля ихъ невинность, ихъ счастье, скоро будешь зѣвать и задремлешь, ешьли глазамъ или мыслямъ его не представится что нибудь совсѣмъ прошивное сей невинности, сему счастью.

Однакожь чипашель обидишь меня, ешьли подумаешь, что я такимъ опзывомъ хочу закрытьъ песчаную безплодность моего воображенія и скорѣе поспавишь потчку. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь Аполлономъ, что я могъ бы набрать довольно цвѣшковъ для украшенія этой главы; могъ бы, не отходя отъ исторической истины, описать живыми красками нѣжность Леоновой родительницы; могъ бы, не нарушая ни Аристошелевыхъ, ни Горациевыхъ правилъ, десять разъ перемѣнить слогъ, быстро паря вверхъ и плавно опускаясь внизъ, — то рисуя карандашемъ, то расписывая кистью — мѣщая важныя мысли для ума съ прогашельными чертами для сердца; могъ бы, на примѣръ, сказать:

«Тогда не было еще Эмиля, въ кошомъ Жанъ Жакъ Руссо такъ красно-

«рѣчиво, такъ убѣдительно говоришь о
 «священномъ долгѣ машерей, и, чистая ко-
 «шораго, прекрасная Эмилія, милая Ли-
 «дія, отказывающагося нынѣ отъ блестя-
 «щихъ собраний, и нѣжную грудь свою
 «открывающаго не съ намѣреніемъ прель-
 «щать глаза молодыхъ сластолюбцевъ, а
 «для того, чтобы питать ею своего мла-
 «денца; тогда не говорилъ еще Руссо,
 «но говорила уже Природа, и мать Героя
 «нашего сама была его кормилицею. И
 «такъ не удивительно, что Леонъ на за-
 «рѣ жизни своей плакалъ, кричалъ и не-
 «могъ рѣже другихъ младенцевъ: молоко
 «нѣжныхъ родительницъ есть для дѣ-
 «шей и лучшая пища и лучшее лекарство.
 «Отъ колыбели до маленькой кроватки,
 «отъ жестяной гремушки до маленькаго
 «раскрашеннаго конька, отъ первыхъ не-
 «спроинныхъ звуковъ голоса до вняшнаго
 «произношенія словъ, Леонъ не зналъ не-
 «воли, принужденія, горя и сердца. Любовь
 «питала, согрѣвала, шѣшила, веселила его;
 «была первымъ впечатлѣніемъ его души,
 «первою краскою, первою чертою на бѣ-
 «ломъ листѣ ея чувствительности (*). Уже
 «вышніе предметы начали возбуждать
 «его вниманіе; уже и взоромъ, и движені-

(*) Локкъ говоритъ, кажется, что душа рожденнаго
 младенца есть бѣлый листъ бумаги,

«емъ руки, и словами часто спрашивалъ
 «онъ у матери: *что вижу? что слышу?*
 «уже научился онъ ходить и бѣгать —
 «но ничто не занимало его такъ, какъ
 «ласки родительницы; никакого вопроса
 «не повторялъ онъ столько часто, какъ:
 «*маменька! что тебѣ надобно?* нигдѣ не
 «хотѣлъ итти отъ нее, и только ходя
 «за нею, ходить научился.»

Не правда ли, что это могло бы иному
 полюбиться? Тутъ есть и живопись и
 анимизмы и пріятная игра словъ. Но я
 могъ бы итти еще далѣе; могъ бы при-
 бавить:

«Вотъ основаніе характера его! Первое
 «воспитаніе едва ли не всегда рѣшилъ и
 «судьбу и главные свойства человѣка.
 «Душа Леонова образовалась любовью и
 «для любви. Теперь обманывайте, шер-
 «зайте его, жестокіе люди! онъ будетъ
 «воздыхать и плакать; но никогда — или
 «по крайней мѣрѣ долго, долго сердце его
 «не отвыкнетъ отъ милой склонности
 «наслаждаться собою въ другомъ сердцѣ;
 «не отстанетъ отъ нѣжной привычки
 «жить для кого нибудь, не смотря на
 «всѣ горести, на всѣ свирѣпыя бури,
 «которыя волнуютъ жизнь чувствитель-
 «ныхъ. Такъ вѣрный подсолнечникъ не
 «перестаетъ никогда обращаться къ
 «солнцу; обращается къ нему и тогда,

«какъ грозныя облака затмѣваютъ свѣ-
 «шло дня — и поутру и ввечеру — и
 «тогда, какъ самъ онъ начинаетъ уже
 «вянуть и сохнуть; все, все къ нему об-
 «ращается, до послѣдней минушны распи-
 «сельнаго бытія своего!»

Надѣюсь, что одинъ Зоилъ не похва-
 лилъ бы сего мѣста, особливожь новаго,
 разительнаго сравненія чувствительныхъ
 сердецъ, которыя всегда стремятся къ
 любви, съ цвѣткомъ подсолнечникомъ,
 всегда клонящимся къ солнцу. Надѣюсь,
 что нѣкоторые милыя мои чипашель-
 ницы вздохнули бы изъ глубины сердца
 и велѣли бы вырѣзать сей цвѣтокъ на
 своихъ печатяхъ.

«Конецъ главѣ!» скажетъ чипашель.
 Нѣтъ, я могъ бы еще многое придумать
 и раскрасить; могъ бы наполнить де-
 сять, двадцать страницъ описаніемъ Лео-
 нова дѣшества; на примѣрѣ, какъ мать
 была единственнымъ его лексикономъ;
 то есть, какъ она учила его говорить, и
 какъ онъ, забывая слова другихъ, замѣ-
 чалъ и помнилъ каждое ея слово; какъ
 онъ, зная уже имена всѣхъ пшичекъ,
 которыя порхали въ ихъ саду и въ рощѣ,
 и всѣхъ цвѣшковъ, которые росли на лу-
 гахъ и въ полѣ, не зналъ еще, какимъ
 именемъ называютъ въ свѣтѣ дурныхъ
 людей и дѣла ихъ; какъ развивались пер-

вья способности души его ; какъ быспро она вбирала въ себя дѣйствія внѣшнихъ предметовъ, подобно весеннему лужку , жадно впивающему первый весенній дождь ; какъ мысли и чувства рождались въ ней подобно свѣжей Апрѣльской зелени ; сколько разъ въ день , въ минушу , нѣжная родительница цѣловала его , плакала и благодарила Небо ; сколько разъ и онъ маленькими своими рученками обнималъ ее , прижимаясь къ ея груди ; какъ голосъ его шверже и шверже произносилъ : *люблю тебя, маменька!* и какъ сердце его время ошъ времени чувствовало это живѣе !

Слова мои шекли бы рѣкою , ешъли бы я шолько хощѣлъ войши въ подробности ; но не хочу , не хочу ! Мнѣ еще многое надобно описывать ; берегу бумагу , вниманіе чипателя и . . . конецъ главѣ !

ГЛАВА IV.

Которая написана только для пятой.

Государи мои ! вы чипаете не романъ , а былъ : слѣдственно Авторъ не обязанъ вамъ давать ошчеша въ происшествіяхъ . *Такъ было точно ! . . .* и болѣе не скажу ни слова . Кшати ли ? у мѣста ли ? не мое

дѣло. Я иду только съ перомъ въ слѣдъ за Судьбою, и описываю, что шворитъ она по своему всемогуществу — для чего? спросите у нее; но скажу вамъ напередъ, что оповѣща не получите. Семь тысячъ лѣтъ (если вѣришь Хронографамъ) чудеситъ она въ мірѣ, и никому еще не извѣстила чудесъ своихъ. Заглянемъ ли въ Историю, или посмотримъ, что вокругъ насъ дѣлается: вездѣ Сфинксовы загадки, которыхъ и самъ Эдипъ не опгадаетъ. — Роза вянетъ, шернѣе оспаешся; сполѣшнѣй дубъ, благодѣшель спранниковъ, падетъ на землю отъ громоваго удара: ядовитое дерево спойтъ не вредимо на своемъ корнѣ. Петръ Великій, среди благодѣшелей замысловъ для опечесства, хладѣетъ въ обѣщаніяхъ смерти; ничтожный человекъ не рѣдко два раза изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. Юный щасливецъ, котораго жизнь можно назвать улыбною судьбы и Природы, угасаетъ въ минушю какъ метеоръ: злополучный, не нужный для свѣта, шягосшный для самого себя, живетъ, и не можетъ дожидаться конца своего... Чтожь намъ дѣлать? Плакать, у кого есть слезы, и хошя изрѣдка утѣшаться мыслію, что здѣшнѣй свѣтъ есть только Прологъ Драмы!

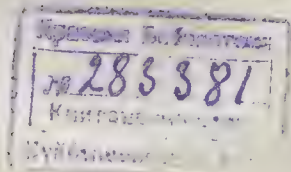
ГЛАВА V.

Первый ударъ Рока.

Дунулъ сѣверный вѣтеръ на нѣжную грудь нѣжной родительницы, и Геній жизни ея погасилъ свой факелъ! Да, любезный чашатель, она проспудилась, и въ девятый день съ мягкой постели переложили ее на жесткую: въ гробъ — а шамъ и въ землю — и засыпали, какъ водихся — и забыли въ свѣтѣ, какъ водихся. . . Нѣшъ, поговоримъ еще о послѣднихъ ея минушахъ.

Герой нашъ былъ тогда семи лѣтъ. Во всю болѣзнь матери онъ не хотѣлъ итти прочь отъ ея постели; сидѣлъ, стоялъ подлѣ нее; глядѣлъ безпрестанно ей въ глаза; спрашивалъ: «лучше ли тебѣ, милая?» *Лучше, лучше*, говорила она, пока говоришь могла — смотрѣла на него: глаза ея наполнялись слезами — смотрѣла на небо — хотѣла ласкать любимца души своей, и боялась, чтобы ея болѣзнь не пристала къ нему — то говорила съ улыбкою: *сядь подлѣ меня*; то говорила со вздохомъ: *поди отъ меня!* . . . Ахъ! онъ слушался только перваго; другому приказанію не хотѣлъ повиноваться.

Надобно было силою ошпащить его отъ умирающей. *Постойте, стойте!*

кричалъ онъ со слезами: *маменька хочетъ мнѣ что-то сказать; я не отойду, не отойду! . . .* Но маменька отошла между пѣмъ онъ здѣшняго свѣта.

Его вынесли, хотѣли утѣшать: напрасно! . . . Онъ швердилъ одно: *къ милой!* вырвался наконецъ изъ рукъ няни, прибѣжалъ, увидѣлъ мершвую на столѣ, схватилъ ея руку: она была какъ дерево — прижался къ ея лицу: оно было какъ ледъ. . . . *Ахъ, маменька!* закричалъ онъ, и упалъ на землю. Его опять вынесли, больного, въ сильномъ жару.

Отецъ рвался, плакалъ: онъ любилъ супругу, какъ только могъ любить. Сердцу его извѣсны были горести въ жизни; но сей ударъ Судьбы казался ему первымъ несчастіемъ. . . .

Съ блѣднымъ лицомъ, съ распущенными сѣдыми волосами стоялъ онъ подлѣ гроба, когда опивали усопшую; рыдая прощался въ нею; съ жаромъ цѣловалъ ея лицо и руки; самъ опускалъ въ могилу; бросилъ на гробъ первую горсть земли; спалъ на колѣни; поднялъ вверхъ глаза и руки; сказалъ: *на небесахъ душа твоя! мнѣ не долго жить остается!* и тихими шагами пошелъ домой. Сынъ его лежалъ взабыши; онъ сѣлъ подлѣ кровати и думалъ: *не уже ли и ты пойдешь въ слѣдъ за матерю? не уже ли вы меня одного оста-*

вите? . . . Да будетъ воля Всевышняго! — Леонъ открылъ глаза, всмалъ и пропѣнулъ къ ошцу руки, говоря: *гдѣ она? гдѣ она?* — «Св Ангелами, другъ мой!» — И не будетъ къ намъ назадъ? — «Мы къ ней будемъ.» — Скоро ли? — «Скоро, другъ мой; время летишь и для печальныхъ.» — — Они обнялися, заплакали: спарецъ лилъ слезы вмѣстѣ съ младенцемъ! . . . имъ спало легче.

И ты, о благошворное время! спѣши излить цѣлебный свой бальзамъ на рану ихъ сердца! И ты, подобно Морфею, рассыпаешь маковые цвѣшны забвенія: брось нѣсколько цвѣточковъ на юнаго моего Героя: ахъ! онъ еще не созрѣлъ для глубокой, непрестанной горести; и много, много еще будетъ ему случаевъ поскокаться въ жизни! Пощади его младенчество! Не забудь ушѣшишь и спарца: онъ былъ всегда добрымъ человѣкомъ; рука его, вооруженная люшымъ долгомъ воина, убивала гордыхъ непріятелей, но сердце его никогда не участвовало въ убійствѣ; никогда нога его, въ самомъ пылу сраженія, не спупала безчеловѣчно на шрупы нещасныхъ жершвъ: онъ любилъ погребать ихъ и молишься о спасеніи душъ. Благошворное время! успокой спарца; дай ему еще нѣсколько мирныхъ лѣтъ, хошя для того, чшобы онъ могъ посвяшшь ихъ

на воспитаніе сына. Пусть иногда воспоминають они о любезной, но безъ шокски и спраданія; пусть ударъ горести изрѣдка опдаеся въ ихъ сердцѣ, но шие и шие, подобно эху, которое повшоряеся слабѣ, слабѣ, и наконецъ... замолкаетъ.

Чишатель! я хочу, чшобы мысль о покойной осшалась въ душѣ швоей: пусть она пришаишся во глубинѣ ея, но не исчезнешъ! Когда нибудъ мы дадимъ шебѣ въ руки маленькую шешрадку — и мысль сія оживишся — и въ глазахъ швоихъ сверкнушъ слезы — или я... не Авшоръ.

г. 1799.

ГЛАВА VI.

УСПѢХИ ВЪ УЧЕНІИ, ВЪ ОБРАЗОВАНІИ
УМА И ЧУВСТВА.

И шакъ летящее время обшerlo своими крылами слезы горестныхъ, и всякой снова принялся за свое дѣло: ошецъ за хозяйштво, а сынъ за часовникъ. Сельской дѣячкѣ, славнѣйшій грамошей въ ошолодкѣ, былъ первымъ учишелемъ Леона, и не могъ нахвалишся его поняш-

емб. «Въ три дни» — рассказывалъ онъ за чудо другимъ грамотеямъ — «въ три дни зашвердишь всѣ буквы, въ недѣлю всѣ склады; въ другую разбирашь слова и пишлы: эшаго не видано, не слыхано! Въ ребенкѣ будешь пушь.»

Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ необыкновенное понятіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ читашъ всѣ церковныя книги какъ *Отче нашъ*; такъ же скоро выучился и пишашъ; такъ же скоро началъ разбирашъ и печашъ свѣтскую, къ удивленію сосѣдственныхъ дворянъ, при которыхъ отецъ не рѣдко заставлялъ читашъ Леона, чѣмъ бы радовашся въ душѣ своей ихъ похвалами. Первая свѣтская книга, которую маленькой Герой нашъ, читая и пишая, наизустъ вышвердилъ, была Езоповы Басни: ошъ чего во всю жизнь свою имѣлъ онъ рѣдкое уваженіе къ безсловеснымъ шварямъ, помня ихъ умныя разсужденія въ книгѣ Греческаго мудреца, и часшо, видя глупоспи людей, жалѣлъ, что они не имѣюшъ благоразумія скошовъ Езоповыхъ.

Скоро ошдали Леону ключъ ошъ желшаго шкапа, въ которомъ хранилась библиотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, анапрешей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца!

Даира, восточная повѣсть, Селимъ и Дамасина, Мирамондъ, Исторія Лорда Н.: все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ, которое могло бы испугать инаго воспитателя, но кошорымъ отецъ Леонъ не могъ нарадоваться, полагая, что охота къ чтенію, какихъ бы то ни было книгъ, есть хорошій знакъ въ ребенкѣ. Только иногда по вечерамъ говаривалъ онъ сыну: «Леонъ! не испорти глазъ. Завтре день будетъ; уснешь начнешься.» А самъ про себя думалъ: «весь въ мать! бывало изъ рукъ не выпускала книги. Милой ребенокъ! будь во всемъ похожъ на нее; только будь долговѣше!»

Но чѣмъ же романы плѣняли его? Не уже ли картина любви имѣла столько прелестей для осьми-или десятилѣтняго мальчика, чтобы онъ могъ забывать веселыя игры своего возраста и цѣлой день просиживать на одномъ мѣстѣ, впиваясь, такъ сказать, всѣмъ дѣтскимъ вниманіемъ своимъ въ нескладницу Мирамонда или Даиры? Нѣтъ, Леонъ занимался болѣе происшествіями, связію вещей и случаевъ, нежели чувствами любви романической. Натура бросаетъ насъ въ міръ какъ въ шемный, дремучій лѣсъ, безъ всякихъ идей и свѣдѣній, но съ большимъ запасомъ любо-

пытства, которое весьма рано начинается действовать во младенца, шибко ранне, чѣмъ природная основа души его нѣжнѣе и совершеннѣе. Вотъ то бѣлое облако на зарѣ жизни, за которымъ скоро является свѣтило знаній и опытовъ! Если положить на вѣсы, съ одной стороны шибко мысли и свѣдѣнія, которыя въ душѣ младенца накапливаются въ теченіи десяти недѣль, а съ другой идеи и знанія, приобретаемыя зрѣлымъ умомъ въ теченіи десяти лѣтъ: то перевѣсъ окажется безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ первыхъ. Благодѣтельная Натура спѣшивъ надѣлили новорожденного всѣмъ необходимымъ для мірскаго существованія: разумъ его лещивъ орломъ въ началѣ жизненнаго пространства; но тамъ, гдѣ предметомъ нашего любопытства становится уже не истинная нужда, но только суемудріе, тамъ полетъ обращается въ пѣшеходство, и шаги дѣлаются часъ отъ часу труднѣе.

Леону открылся новый свѣтъ въ романахъ; онъ увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множествомъ разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній — игру Судьбы, дошолъ ему всеобщій неизвѣстную... (но тайное предчувствіе сердца говорило ему: *ахъ! и ты, и ты будешь нѣкогда ея жер-*

твою! и тебя схватитъ, унесетъ сей вихоръ... куда? ... куда?)... Передъ глазами его безпрестанно поднимался новой занавѣсъ: ландшафтъ за ландшафтомъ, группа за группою, являлись взору. — Душа Леонова плавала въ книжномъ свѣтѣ, какъ Христофоръ Колумбъ на Атлантическомъ морѣ, для опирышя... сокрытаго.

Сіе чтеніе не только не повредило его юной душѣ, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ нравственнаго чувства. Въ Даирѣ, Мирамондѣ, въ Селимѣ и Дамасинѣ (знаешь ли ихъ чишатель?) однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желтаго шкапа Герои и Героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣннымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: «и такъ любезность и добродѣтель одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!» Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служишь оно для доброй нравственности, итъ нужды доказы-

дашь. Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣ-
тахъ часто увидишь прошивное, но серд-
це его не расплещется съ своею ушѣши-
тельной системою; вопреки самой оче-
видности онъ скажетъ: «нѣтъ, нѣтъ!
поржество порока есть обманъ и при-
зракъ!»

Нѣтъ, нѣтъ! не буду ослабленъ
Симвъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыщенъ,
Но самый сонъ его ужасенъ!
Злодѣй на Эшии строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами
(Тама лава ушла цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ).
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ недостоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло шворитъ безъ сожалѣнья!

Съ какимъ живымъ удовольствіемъ ма-
ленькой нашъ Герой, въ шесть или семь
часовъ дѣшняго ушра, поцѣловавъ руку у
своего отца, сѣвшилъ съ книгою на вы-
сокой берегъ Волги, въ орѣховые кусточ-
ки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ, въ
бѣленькомъ своемъ камзолчикѣ бросаясь
на зеленъ, среди полевыхъ цвѣтовъ самъ
онъ казался прекраснѣйшимъ, одушев-
леннымъ цвѣткомъ. Русые волосы, мягкіе
какъ шелкъ, развѣвались въ шеркомъ по
розамъ милого личика. Шляпка служила

ему столикомъ: на нее клалъ онъ книгу свою, одною рукою подпирая голову, а другою перевертывая листы, въ слѣдъ за большими, голубыми глазами, которые летѣли съ одной страницы на другую, и въ кошорыхъ, какъ въ ясномъ зеркалѣ, изображались всѣ спрасши, художли хорошо описываемыя въ романѣ: удивленіе, радость, страхъ, сожалѣніе, горестъ. Иногда, оставляя книгу, смотрѣлъ онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на спаницы рыболововъ, которые изъ-подъ облаковъ дерзко опускающся въ пѣну волнъ, и въ то же мгновеніе снова парящъ въ воздухъ. — Сія картина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ кипѣннй спрасшей, въ пламенной дѣятельности сердца, не могъ безъ особливаго, радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, лежащихъ рыболововъ: Волга, родина и безпечная юность потчасъ представлялись его воображенію, шогали душу, извлекали слезы. Кто не испыталъ нѣжной силы подобныхъ воспоминаній, потъ не знаетъ весьма сладкаго чувства, Родина, Апрѣль жизни, первые цвѣты весны душевной! какъ вы милы всякому, кто рожденъ съ любезною склонностію къ меланхоліи!

ГЛАВА VII.

П р о в и д ѣ н і е.

Въ сіе же лѣто Леоново сердце вкусило живое чувство Міроправителя, при такомъ случаѣ, о которомъ онъ послѣ всю жизнь свою не могъ воспоминашь равнодушно. Мысль о Божествѣ была одною изъ первыхъ его мыслей. Нѣжная родительница наилучшимъ образомъ спаралась утвердить ее въ душѣ Леона. Срывая для него весенній луговой цвѣшокъ или садовый лѣпный плодъ, она всегда говорила: «Богъ даетъ намъ цвѣты, Богъ даетъ намъ плоды!» — *Богъ!* повторилъ однажды любопытный младенецъ: *кто Онъ, маменька?* — «Небесный отецъ всѣхъ людей, Которой ихъ питаетъ, и дѣлаетъ имъ всякое добро; который далъ мнѣ тебя, а тебѣ меня.» *Тебя, милая? Какой же Онъ доброй!* *Я стану всегда любить его!* — «Люби, и молись Ему всякой день.» — *Какъ же Ему молиться?* — «Говори: Боже! будь къ намъ милосливъ!» — *Стану, стану, милая!* ... Леонъ съ того времени всегда молился Богу. Ахъ! онъ молился Ему со слезами въ болѣзнь родительницы своей! Но судьбы Вышняго неисповѣдимы. — Такова была Религія нашего Героя до сего лѣта и до случая, который теперь описать желаю.

Въ одинъ жаркой день онъ, по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію древняго дуба; старикъ дядька сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ отъ него. Вдругъ нашла туча, и солнце закрылось черными парами. Дядька звалъ домой Леона. «Погоди,» отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дождикъ. Старикъ непременно хотѣлъ итти домой. Леонъ завернулъ книгу въ платокъ, всматривался на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи, и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣсу выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбежной смерти: онъ задумался, и не видѣлъ опасности; еще секунда, двѣ — и несчастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грянулъ спрашный громъ, . . . какого Леонъ никогда не слыживалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнія обвилась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: «Господи!» черезъ подминуты взглянулъ — и видѣлъ передъ собою убитаго громомъ медвѣдя. Дядька на силу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудес-

нымъ образомъ Богъ спасъ его. Леонъ стоялъ все еще на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ устремилъ глаза на небо, и не смотря на черныя густыя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога-спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился во глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, необыкновенною во младенцѣ; и молитва его была... благодарность! — Леонъ не будетъ уже никогда атеистомъ, естли прочитаешь и Спинозу и Гоббеса и *Систему Натуры*.

Читатель! вѣрь или не вѣрь: но этогъ случай не выдумка. Я превратилъ бы медвѣдя въ благороднѣйшаго льва или шигра, естли бы они... были у насъ въ Россіи.

ГЛАВА VIII.

Братское общество провинціальныхъ дворянъ.

Знаю, что все идетъ къ лучшему; знаю выгоды нашего времени, и радуюсь успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи; однакожь съ удовольствіемъ обращаю взоръ и на тѣ времена, когда наши дворяне, взявъ отсдавку, возвращались на свою родину съ

лѣмъ, чтобы уже никогда не разставашься съ ея мирными Пенапами; рѣдко заглядывали въ городъ; доживали въкѣ свой на свободѣ и въ безопасности; правда иногда скучали въ уединеніи, но за то умѣли и веселиться при случаѣ, когда сбѣзжались вмѣстѣ. Ошибаюсь ли? но мнѣ кажется, что въ нихъ было много характернаго, особеннаго — чего шеперь уже не найдемъ въ провинціяхъ, и что по крайней мѣрѣ занимательно для воображенія. — Просвѣщеніе сближаетъ свойства народовъ и людей, равняя ихъ какъ деревья въ саду регулярномъ.

Капитанъ Радужинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ пріятелей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякой разъ съ великимъ удовольствіемъ бѣжалъ сказать ему: «башюшка! бдутъ гости!» а Капитанъ нашъ отвѣчалъ: «добро пожаловать!» надѣвалъ круглой парикъ свой, и шелъ къ нимъ на встрѣчу съ лицомъ веселымъ. Способъ наскучить людьми есть быть съ ними безпрестанно; способъ живо наслаждаться ихъ обществомъ есть видѣться съ ними изрѣдка. Провинціалы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь Полиціа и Лицшерашура, а рассуждали, спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя пляббы въ Гу-

берніи, анекдоты старины, служили богатою матеріею для разсказовъ и примѣчаній. . . . Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, вишняи С**скаго уѣзда, вѣрные друзья Капишана Радушина! Лебрюнъ и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ Авторъ Леоновой исторіи: зеркало памяти моей ясно. Какъ теперь смотрю на себя, заслуженный Маіоръ Ѳадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ корпикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ Ташарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпочкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, спучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, кошорому нѣкогда рота Ландмилиціи повиновалась, и кошорый въ яркихъ звукахъ своихъ не рѣдко ужасалъ дурныхъ Воеводъ провинціи! Вижу и себя, сѣдовласый Роммиспръ Буриловъ, просрѣбленный на сквозь Башкирскою стрѣлою въ шепяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но швердый душою; ходившій на клякахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ швоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь

недостойнаго дворянина въ вашемъ убѣдѣ! Гляжу и на важную осанку швою, бывшій Воеводскій Товарищъ Прямодушинъ, и на орлиный носъ швой, за который не могъ водить тебя Секретарь провинціи, ибо совѣсть умѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, рассказывая о Биронѣ и Тайной Канцеляріи, опираешься на длинную простъ съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ тебѣ Фельдмаршалъ Минихъ.... вижу всѣхъ васъ, достойные мажандоры провинціи, которыхъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего Героя; и чтобы представить разительнѣе все благородство сердецъ вашихъ, сообщаю здѣсь условія, заключенныя вами между собою въ домѣ отца Леонова, и написанныя рукою Прямодушина...

ДОГОВОРЪ БРАТСКАГО ОБЩЕСТВА.

«Мы нижеподписавшіеся клянемся честию благородныхъ людей жить и умереть братьями, стояя другъ за друга и горою во всякомъ случаѣ, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ для услугъ взаимныхъ, поступая всегда единодушно, на блюждая общую пользу дворянства, вступающаго за приписанныхъ и поминать Рускую пословицу: тотъ дворянинъ,

«кто за многихъ одинъ; не бояться ни
 «знатныхъ, ни сильныхъ, а только Бога
 «и Государя; смѣло говоришь правду Гу-
 «бернашорамъ и Воеводамъ; никогда не
 «бышь ихъ прихлебателями, и не шакашь
 «противъ совѣсти. А кто изъ насъ не
 «сдержитъ своей кляпвы, тому будетъ
 «стыдно, и того выключитъ изъ браш-
 «скаго общества.» — Слѣдуетъ восемь
 именъ.

Хотя тайная Хроника говоритъ мнѣ
 на ухо, что сей дружеской союзъ на-
 шихъ дворянъ заключенъ былъ въ день
 Леонова рожденія, которое отецъ всегда
 праздновалъ съ великимъ усердіемъ и съ
 опимѣнною роскошью (такъ, что посы-
 лалъ въ городъ даже за свѣжими лимона-
 ми); хотя чипашель догадается, что въ
 такой веселой день, особливо къ вечеру,
 хозяинъ и гости не могли быть въ обык-
 новенномъ расположеніи ума и сердца; хотя

Въ восторгахъ Бахуса намъ море по колѣно,
 И съ рюмкою въ рукѣ мы всѣ богатыри;

однакожь Исторія, которая лжетъ толь-
 ко изъ году въ годъ (первое Апрѣля и
 еще 29 Февраля), увѣряетъ, что они,
 проснувшись на другой день, снова чипали
 шпрашавъ свой, снова ушвердили его
 и (что не всегда дѣлаютъ и великія Дер-
 жавы Европейскія) старались исполнять

во всей точности. Одна смерть разрушила ихъ брагскую связь. . . . Здѣсь хочется мнѣ заглянуть впередъ. Долго еще ждаль времени; а можеть быль тогда, въ богашествѣ случаевъ, и забуду сію любезную чершу. И пакъ скажу. . . . Когда Судьба, нѣсколько времени игравъ Леонѣмъ въ большѣмъ свѣтѣ, бросила его опяшь на родину, онъ нашель Маіора Громилова сидящаго надъ больнымъ Прямоушинымъ, который лежалъ въ параличѣ и не владѣлъ руками — (всѣ прочіе друзья ихъ были уже на томъ свѣтѣ). Громиловъ кормилъ больного изъ рукъ своихъ, плакалъ горько и сказалъ Леону: *тошно, тошно быть сиротою на старости!* . . . *Добрые люди! миръ вашему праху!* Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣшствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словоохотную, онъ васъ заимствоваель Руское дружелюбіе, онъ васъ набрался духу Рускаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знашнихъ боярахъ; ибо спесь и высокомеріе не замѣняють ее; ибо гордость дворянская естъ чувство своего достоинства, которое удаляель человека онъ подлости и дѣла презрительныхъ. — *Добрые спарики! миръ вашему праху!*

ГЛАВА IX.

МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ И СКЛОННОСТЬ КЪ
МЕЛАНХОЛИИ.

И такъ Леонъ читаетъ книги, отъ времени до времени бѣгаетъ встрѣчашъ гостей, вѣдитъ иногда и самъ въ гости къ добрымъ провинціаламъ, слушаетъ ихъ разговоры, и проч. Довольно занятія; но онъ еще имѣетъ время задумываться и мечтать. Не смотря на маленькую слабость мою къ романамъ, признаюсь, что ихъ можно назвать щеплицею для юной души, которая отъ сего чтенія зрѣетъ прежде времени; а это, если вѣришь Философическимъ Медикамъ, бываетъ вредно. . . по крайней мѣрѣ для здоровья. «Губите себя вашими книгами и романами!» восклицаетъ одинъ важный Докторъ: «но оставьте въ покоѣ недовершенное произведеніе Нашуры; не воспалите воображенія дѣшей; дайте укрѣпиться молодымъ нервамъ, и не приводите ихъ въ напряженіе, если не хотите, чтобы равновѣсіе жизни разстроилось съ самаго начала!» Леонъ на десятомъ году отъ рожденія могъ уже часа по-два играть воображеніемъ и спроигать замки на воздухъ. *Опасности и героическая дружба* были любимую его мечтою. Достойно примѣчанія то, что онъ

въ опасностяхъ всегда воображалъ себя *избавителемъ*, а не *избавленнымъ*: знакъ гордаго, славолюбиваго сердца! Герой нашъ *мысленно* летѣлъ во мракъ ночи на крикъ путешественника, умерщвляемаго разбойниками; или бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его. Такое Дон-Кихотство воображенія заранѣе опредѣляло нравственный характеръ Леоновой жизни. Вы безъ сомнѣнія не мечтали такъ въ своемъ дѣшствѣ, спокойные Флегматики, которые не живете, а дремлете въ свѣтѣ, и плачете только отъ одной зѣвоты! и вы благоразумные Эгоисты, которые не *привязываетесь* къ людямъ, а только съ осторожностію за нихъ *держитесь*, пока связь для васъ полезна, и свободно отводите руку, какъ скоро они могутъ чѣмъ нибудь васъ попревратить! Герой мой снимаетъ съ головы маленькую шляпку свою, кланяется вамъ низко и говоритъ учтиво: «Милостивые государи! вы никогда не увидите меня подъ вашими знаменами съ буквою П и Я!»

Сверхъ того онъ любилъ грустить, не зная, о чемъ. Бѣдной!... Ранняя склонность къ меланхоліи не есть ли предчувствіе житейскихъ горестей?... Голубые глаза Леоновы сіяли сквозь какой-то флеръ, прозрачную завѣсу чувствитель-

ности. Печальное сиротство еще усилило это природное расположение ко грусти. Ахъ! самый лучший родитель никогда не можешь замѣнить матери, нѣжнѣйшаго существа на земномъ шарѣ! Одна женская любовь, всегда внимательная и ласковая, удовлетворяешь сердцу во всѣхъ отношеніяхъ!... Такимъ образомъ Леонъ былъ приготовленъ Натурою, Судьбою и романами къ слѣдующему.

ГЛАВА X.

Важное знакомство.

Въ сосѣдствѣ у Капитана Радущина поселился Графъ Миронъ, житель столицы, богатой человѣкъ, который нѣкогда служилъ вмѣстѣ съ нимъ и хотѣлъ возобновить старое знакомство... Капитанъ пріѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ сыномъ. Леонъ въ первый разъ увидѣлъ огромный домъ, множество лакеевъ, пышность, богатое украшеніе комнатъ, и шелъ за ошцомъ съ робкимъ видомъ. Не мудрено, что онъ дурно поклонился хозяину, переступалъ съ ноги на ногу, не зналъ, куда глядѣть, куда дѣвать руки. Суровой видъ Графа (человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ) еще умножилъ его робость;

но взглянув на милостивую Графиню, Леонъ ободрился... взглянулъ еще и вдругъ переѣвился въ лицѣ: заплакалъ, хотѣлъ скрыть слезы свои, и не могъ. Это удивило хозяевъ; желали знать причину, спрашивали — но онъ молчалъ. Отецъ велѣлъ ему говорить, и тогда Леонъ ошѣчалъ тихимъ голосомъ: «Графиня похожа на мамушку.» Капишанъ посмотрѣлъ — сказалъ: «это правда; извините насъ, милостивая государыня» — и самъ залился горькими слезами. Леонъ все забылъ, и бросился къ нему въ объятія... Графъ былъ холоденъ; но Графиня, не даромъ похожая на мать Леонову, утирала себѣ глаза платкомъ. Обыкновенная блѣдность лица ея покрылась свѣжимъ румянцемъ... О женщины! какое движеніе чувствительности не находить въ сердцѣ вашемъ вѣрнаго отзыва? ... Леонъ смотрѣлъ на Эмилию (имя Графини) съ прогашельною, живѣйшею благодарностію, а Эмилія на Леона съ нѣжною ласкою. Все разстояніе между двадцати - пяти лѣтнею свѣтскою дамою и десятилѣтнимъ деревенскимъ мальчикомъ исчезло въ минушу симпатіи... но эта минуша обратилась въ часы, дни и мѣсяцы. Я долженъ теперь рассказывать странности... Не мудрено было полюбить нашего Героя, пре-

краснаго личикомъ, миловиднаго, чувствительнаго, умнаго; но привязавшись къ нему безъ памяти, со всѣми знаками живѣйшей страсти, къ невинному ребенку: вошъ что называю неизвѣстною странностью!... Но развѣ женщины когда нибудь были *извѣстны*?... Между шѣмъ надобно познакомить чашаеля съ Графиней.

ГЛАВА XI.

Отрывокъ Графининой исторіи.

L'histoire d'une femme est toujours un roman — *Исторія женщины есть всегда романъ*, сказалъ одинъ Французъ въ шакѣ смыслъ, который всякому понятенъ. Любовь конечно есть главное дѣло ихъ жизни: правда, что и мужчинамъ не весело жить безъ нее; но они имѣютъ разсѣянiя, могутъ забываться, обманываться и средства принимаютъ за цѣль; а красавицы безпрестанно стремятся къ одной мѣшѣ, и приема: *жить-любить*, есть для нихъ математическая истина. Никто не удивится, еслили скажу, что Графъ былъ для Графини — только мужемъ, то есть; человекомъ иногда сноснымъ, иногда

нужнымъ, иногда скучнымъ до крайности; но ешлы примолвлю, что Графиня, будучи прелестною и милою, до прїѣзда въ деревню умѣла сохранить шишину сердца своего, и не *случайно* (ибо случай бываетъ не рѣдко попечительнымъ дядькою невинности), но по системѣ и разсудку: то самой легковѣрной чинашель улыбнешся. . . . Тѣмъ хуже для нравовъ нашего времени! Герой мой, вошедши въ свѣтъ, спрашивалъ о Графинѣ: всѣ говорили объ ней съ почтеніемъ. Пятидесятилѣтнія дѣвицы увѣряли его, что Московскія *лѣтолиси злословія* упоминали объ ней весьма рѣдко, и то мимоходомъ, приписывая ей одно кокетство минувшее или — (техническое слово, неизвѣстное профанамъ!) — *кокетство отъ разсѣянїя*, исчезавшее отъ перваго движенїя разсудка и не имѣвшее никогда слѣдствїй. Не знаю, какъ другіе — а я послѣ такого свидѣтельства расположень въришь слѣдующему письму Графини, писанному въ день отбѣзда ея къ одной вѣрной прїятельницѣ, которая послѣ сама отдала его Леону. Оно, за неимѣніемъ другихъ біографическихъ матеріаловъ, послужитъ намъ *эскизомъ* Графининой исторїи.

«Прости, милая! . . . Черезъ два часа мы ѣдемъ. Бога ради не шути обо мнѣ

«и не брани мужа моего, кошорой взду-
 «малъ сдѣлаться эконоомъ въ Генварѣ
 «мѣсяцѣ! Клянусь тебѣ, что не жалѣю
 «о Москвѣ, гдѣ не оставляю ничего любез-
 «наго, и гдѣ со времени швоего отъ-
 «ѣзда мнѣ было даже скучно. Ты не въ-
 «ришь моему равнодушію къ свѣтскимъ
 «удовольствіямъ, говоря: Пусть безобраз-
 «ныя женщины ненавидятъ зеркало; кра-
 «сота и любезность охотно въ него загля-
 «дываютъ — а свѣтъ есть для насъ зеркало!
 «Но я, право, не думаю тебя обманы-
 «вать. Какъ скоро женщина не хочешь
 «быть кокеткою, то блестящіе ужины
 «и балы не цѣнятъ ее. Вопреки зло-
 «словію мужчинъ, мы иногда разсужда-
 «емъ, имѣемъ правила и слѣдуемъ имъ.
 «Все, что я видѣла въ свѣтѣ, еще болѣе
 «увѣрило меня въ необходимости обуз-
 «дывать движенія вѣтреннаго сердца и са-
 «молюбія нашего. Вѣрю, что пылкія
 «страсти имѣютъ райскія минушы —
 «но минуты! а я хотѣла бы жить въ
 «раю: иначе не желаю и знать его.
 «Замужняя женщина должна или нахо-
 «дитъ щастіе дома, или великодушно
 «отъ него отказаться: судьба не дала
 «мнѣ перваго — и такъ надобно ушѣ-
 «шишься великодушіемъ. То и другое ви-
 «димъ рѣдко: не правда ли? слѣдственно
 «могу чѣмъ нибудь хвалишься въ жизни.

« Не будучи, къ щастію, Руссовою Юлією,
 « я предпочла бы нѣжнаго Сен-Прё слиш-
 « комъ благоразумному Вольмару, и, не
 « смооря на розницу въ лѣтахъ, умѣла
 « бы обожать своего мужа, естли бы
 « онъ былъ... *хотя* Вольмаромъ! Но
 « Графъ мой совершенной Споику: не
 « привязывается душою ни къ чему
 « шлбному, и не стыдился говорить,
 « для чего онъ на мнѣ женился!... Такой
 « мужъ, оставляя сердце безъ дѣла, даетъ
 « много труда уму и правиламъ. Въ пер-
 « вые два года я была съ нимъ несчастлива;
 « испытала безъ успѣха всѣ способы вы-
 « вести его изъ *убивственнаго равнодушія*
 « — даже самую ревность — и наконецъ
 « успокоилась. Естли Провидѣніе испол-
 « нишь единственнаго желаніе моего сердца:
 « бышь машерью, то оставлю дѣтямъ въ
 « наслѣдство непорочное имя. По крайней
 « мѣрѣ я была достойна щастія, и ничто
 « не мѣшало бы мнѣ имъ наслаждаться;
 « не боялась ни пронцательныхъ глазъ
 « злословія, ни мнѣія людей строгахъ!...

« Однакожь передъ отбѣздомъ нашимъ
 « я была — едва не въ опасности! Вооб-
 « рази, что шомной Н*, побывавъ шесть
 « или семь разъ у насъ въ домъ, вздумалъ
 « написать ко мнѣ любовное письмо!...
 « Бѣдной молодой человѣкъ!... Онъ шакъ
 « хорошо умѣетъ говорить съ женскимъ

«сердцемъ; такъ хорошо льстилъ моему
 «самолюбію, не говоря ни слова, а только
 «смошря на меня и на другихъ женщинъ!
 «Можно иногда сносить нескромные взо-
 «ры, но дерзкое письмо требовало *рѣши-*
 «*тельныхъ мѣрѣ*: ему опказано отъ дому
 «(*)! По обыкновенію своему я принесла
 «къ Графу *новое* любовное объявление,
 «написанное, какъ водится, на розовой
 «бумажкѣ (**): по обыкновенію своему
 «онъ не читалъ его, а спряталъ въ бюро,
 «сказавъ, что даешь мнѣ слово прочесть
 «въ деревнѣ, отъ скуки, всѣ нѣжныя эпи-
 «столы моихъ несчастныхъ Селадоновъ,
 «Пушка не дурна! Графъ иногда заба-
 «венъ, и съ нѣкотораго времени бываетъ
 «почти ласковъ. Можно сказать, что мы
 «живемъ съ нимъ душа въ душу, съ той
 «минутой, какъ я переспала искашь въ
 «немъ души! . . . Онъ хотѣлъ въ удоволь-
 «ствіе мое взять съ собою въ деревню
 «Испанскаго пѣвца и еще двухъ или
 «трехъ музыкантовъ: я отказалась —
 «музыка приводить меня въ меланхолію;
 «а въ уединеніи это дѣйствіе можешь
 «быть еще сильнѣе. . . Думаю бросишь

(*) Надобно вспомнить, что это было въ старину;
 по крайней мѣрѣ очень давно.

(**) Опять старинное! нынѣ уже не пишу въ
 такихъ случаяхъ на розовыхъ бумажкахъ.

«даже и романы: начпо волновашь меч-
«шамн сердце и воображеніе, когда спо-
«койствіе должно бышь моимъ благопо-
«лучіемъ?».....

Послѣднихъ десяти спрокъ мы никакъ
не могли разобрать: онѣ почти совсѣмъ
изгладилась отъ времени; такія бѣды
случающіяся не рѣдко съ нами, Аншиква-
ріями! Но чипашели имѣютъ уже легкую
идею о характерѣ, умѣ и правилахъ Эми-
ліи. Надобно сказать что нибудь объ ея
наружности: въ женщинахъ это не по-
слѣднее. Онѣ сами въ томъ увѣрены — и
добродушная изъ нихъ проситъ всякое
злословіе, кромѣ неосторожнаго слова на
счетъ ея красоты.... Я видѣлъ милый
портретъ Графини... «Но живописцы та-
кіе льстецы!»... У меня есть другое
свидѣтельство. Герой мой донинѣ гово-
ритъ съ восторгомъ о голубыхъ Ангель-
скихъ глазахъ ея, нѣжной улыбкѣ, Діа-
ниной стройности, длинныхъ волосахъ
кашпановаго цвѣта.... Чипашели опять
могутъ остановить меня замѣчаніемъ,
что воображеніе романическихъ головъ
стоитъ всякаго льстеца-живописца... И
то правда; но я рѣшу сомнѣніе, объ-
являя наконецъ, что самъ графъ Миронъ,
который въ глубокой старости позна-
комился со мною, хваля какую нибудь
прелестницу, всегда говаривалъ: «она

почти такъ же хороша, какъ была моя Графиня въ молодости.» Свидѣтельство мужа о красотѣ жены принимается во всѣхъ судахъ: и такъ чисттели — въ добавокъ къ голубымъ глазамъ, къ нѣжной улыбкѣ, стройному стану и длиннымъ волосамъ каштановаго цвѣта — могутъ вообразить полное собраніе всего, что насъ плѣняетъ въ женщинахъ, и сказать себѣ въ мысляхъ: «такова была Графиня Мировая!» Имѣю довѣренность къ ихъ вкусу.

ГЛАВА XII.

ВТОРАЯ МАМЕНЬКА.

Мы уже назвали привязанность Эмилии къ Леону *неизъяснимою*; однакожь замѣшимъ исторически нѣкоторыя обстоятельства, служащія къ *объясненію* дѣла. Славный Маіоръ Фаддей Громиловъ, который зналъ людей не хуже Военнаго Устава, и Воеводскій Товарищъ Прямоушинъ (*), котораго длинный орлиный носъ былъ неоспоримымъ знакомъ наблюдательнаго духа, часто говаривали Капишану Радушину: «Сынъ швой родился

(*) Объ нихъ говорено было въ предшедшихъ главахъ.

въ сорочкѣ: что взглянешь, то полюбишь его!» Это доказываетъ между прочимъ, что старики наши, не зная Лафатера, имѣли уже понятіе о Физиогномикѣ, и считали дарованіе нравився людямъ за великое благополучіе (горе человеку, который не умѣетъ цѣнить его!)... Леонъ вкрадывался въ любовь какимъ-то привѣшливымъ видомъ, какими-то умильными взорами, какимъ-то мягкимъ звукомъ голоса, который пріятно отзвучивалъ въ сердцѣ. Графиня же видѣла его въ прелестную минушу чувствительности, — въ слезахъ нѣжнаго воспоминанія, котораго она сама была причиною: сколько выгодъ для нашего Героя! Надобно также сказать, что Эмилія, не смотря на ея мудрыя правила и великое благоразуміе, начинала шомиться скукою въ деревнѣ, проводя дни и вечера съ глазу на глазъ съ хладнокровнымъ супругомъ. Какъ пріятно обласкать хорошенькаго мальчика! Онъ выросъ въ деревнѣ, застѣнчивъ, не ловокъ: какъ весело взять его на свои руки!... «Бѣдной сиротка! у него нѣтъ матери! а онъ такъ любитъ ее! Она же была на меня похожа! Я пригошовлю деревенскаго мальчика бытъ любезнымъ человекомъ въ свѣтѣ, и мое удовольствіе обратится для него въ благодѣяніе!»... Такъ могла думать

Графиня, стараясь ласками привязать къ себѣ Леона, который едва вѣрилъ своему щастію, и съ такою чувствительностію принималъ ихъ, что Эмилиа въ другое свиданіе сказала ему сквозь слезы: «Леонъ! я хочу заступить мѣсто швоей маменьки! Будешь ли любить меня, какъ ты ее любилъ?»... Онъ бросился цѣловать ея руку и заплакалъ отъ радости; ему казалось, что маменька его въ самомъ дѣлѣ воскресла!...

И такъ Эмилиа объявила Леона нѣжнымъ другомъ своимъ; сперва черезъ день, а наконецъ всякой день присылала за нимъ карету; сама учила его по Французски, даже Исторіи и Географіи: ибо Леонъ (между нами будь сказано!) до того времени не зналъ ничего, кромѣ Езоповыхъ Басенъ, Даиры и великихъ швореній Федора Эмина. Графиня старалась также образовать въ немъ пріятную наружность: показала, какъ ему надобно ходить; кланяться, быть ловкимъ въ движеніяхъ — и Герой нашъ не имѣлъ нужды въ шанцмейстерѣ. Разумѣется, что его одѣли уже по модѣ: маленькая слабость женщинъ! Любя наряжались, онъ любилъ и наряжать все, что имѣетъ щастіе имъ нравиться. Черезъ двѣ недѣли сосѣди не узнавали Леона въ модномъ фракѣ его, въ Англійской шляпѣ, съ Эмилиною про-

спочкою въ рукѣ и совершенно городскою осанкою. «Что за чудо!» разсуждали они — но чудо изъяснялось тѣмъ, что любезная свѣтская женщина занималась нашимъ деревенскимъ мальчикомъ. Отецъ говорилъ ему: «Леонъ! я съ тобою почти не вижусь; но мнѣ пріятно, что добрыя сердца тебя любятъ. По милости Графининой ты будешь человекомъ!» — Успѣхи его во Французскомъ языкѣ были еще удивительнѣе; не видавъ въ глаза скучной Грамматики, онъ черезъ три мѣсяца могъ уже изъяснять на немъ благодарную любовь свою къ маменькѣ, и зналъ совершенно всѣ тонкости ласковыхъ выражений. Она гордилась ученикомъ своимъ, а всего болѣе — любила его!

Щастливой ребенокъ! будь осмью годами старѣе, и — кто не позавидовалъ бы своему щастію? Но ты самому малолѣтству обязанъ своимъ рѣдкимъ благополучіемъ! Эмилиа, которой спротивъ правила намъ извѣстны, могла полюбить одну невинность. Кто боится ребенка, хотя и смышленнаго, хотя и пылкаго, хотя и ревностнаго чипашеля романовъ? Мущины бывающъ спрашивы тогда, когда ихъ можно узнать въ женскомъ платьѣ: невинность еще не имѣетъ пола! и Графиня безъ всякаго упрека совѣсти

согрѣвала Леона нѣжными поцѣлуями, когда онѣ, прїѣхавѣ, вбѣгавѣ холодной вѣ кабинетѣ ея, и есѣли — не было сѣ нею Графа. Она никогда не завѣракала безѣ ученика своего, какѣ ни рано вставала: ибо молодыя супруги мужей, почтенныхѣ лѣтами, охотно исполняющѣ сїе важное предписанїе Медиковѣ. Эмилиа сама варила кофѣ — а онѣ, стоя за нею, чесалѣ гребнемѣ ея свѣшлые, каштановые волосы, которые почти до земли доспавали, и которые любилѣ онѣ цѣловать . . . ребячество! и много подобнаго она позволяла ему. На примѣрѣ: у него была спрасѣ служить ей за туалешомѣ, и горничная дѣвушка ея наконецѣ такѣ привыкла кѣ его услугамѣ, что не входила уже при Леонѣ вѣ уборную комнату Госпожи своей. . . Краснѣюсь за моего Героя, но признаюсь, что онѣ подавалѣ Графинѣ — даже башмаки! . . . «Можно ли такѣ унижаться благородному человѣку?» скажущѣ провинціальныя дворяне. За то онѣ видѣлѣ самыя прекрасныя ножки вѣ свѣшѣ! . . . Минуты ученїя были для него минутами наслажденїя: взявѣ Французскую книгу, Леонѣ садился подлѣ маменьки, такѣ близко, что чувствовалѣ бїенїе сердца ея; она клала ему на плечо свою голову, чтобы слѣдовать за нимѣ глазами по страницамѣ. Прочитавѣ безѣ

ошибки нѣсколько спрокѣ, Леонѣ взглядывалѣ на нее съ улыбкою — и въ шакомѣ случаѣ губы ихѣ невольно встрѣчались: успѣхѣ претовалѣ награды, и получалѣ ее! Передѣ обѣдомѣ Графиня садилась за клавесинѣ: играла, пѣла — и нѣжной ученикѣ ея плѣнялся новостію сего райскаго удовольствія; глаза его наполнялись слезами, сердце шептало, и душа такѣ сильно волновалась, что иногда, схвативѣ Эмилию за руку, онѣ говорилѣ: «полно, полно, маменька!» но черезѣ минушу хотѣлѣ опять слушать то же.... Какая прелестная весна наступила для Леона! Графиня любила ходить пѣшкомѣ: онѣ былѣ ея пугеводишелемѣ, и съ неописаннымѣ удовольствием показывалѣ ей любезныя мѣста своей родины. Часто садились они на высокомѣ берегу Волги, и Леонѣ, подѣ шумомѣ волнѣ, засыпалѣ на колѣняхѣ нѣжной маменьки, которая боялась шронуться, чтобы не разбудить его: сонѣ красоты и невинности казался ей такѣ милѣ и прелестенѣ!... Смошри и наслаждайся, любезная Эмилиа! Заря чувствительности шиха и прекрасна; но бури не далеко. Сердце любимца швоего зрѣмѣ вмѣстѣ съ умомѣ его, и цвѣмѣ непорочности имѣмѣ судьбу другихѣ цвѣшмѣ!

Читашель подумашѣ, что мы сею риторическою фигурою готвимѣ его къ

чему нибудь прошивному невинности: нѣшѣ!... время еще впереди! Герою нашему исполнилось только одиннадцать лѣшѣ отъ роду... Однакожь любовь къ истинѣ заставляетъ насѣ описать маленькой случай, который можешѣ быть располкованѣ и шакѣ и*сякѣ...

ГЛАВА XIII.

Н О В Ы Й А К Т Е О Н Ѣ.

Леонѣ зналъ, что Графиня всякой день по ушру купается въ маленькой рѣчкѣ близъ своего дому. Однажды, проснувшись рано, онѣ снѣшилѣ одѣшѣся, и, не дожидаясь Графининой карешы, пошелѣ къ сему мѣсту съ какою-то неясною, но заманчивою мыслию. Черезѣ часѣ стоишѣ уже на берегу рѣки; видишѣ пропину, идущую отъ Графскаго дому; видишѣ измѣющую праву... «Тутѣ, вѣрно, Графиня раздѣвается; сюда, вѣрно, будешѣ она черезѣ нѣсколько минушѣ: надобно воспользовашѣся временемѣ!»... и Леонѣ, спрятавѣ свое плашѣ въ кустахѣ, бросаешѣ въ воду... Высокія ивы съ обѣихѣ сторонѣ осѣняютѣ рѣчку; она спруишѣ по желшому, чистому песку, и лучѣ солища, пробиваясь сквозь шѣнь деревь-

евъ, играетъ, кажется, на самомъ днѣ ея. Герой нашъ никогда еще не купался съ такимъ удовольствіемъ, и думаетъ: «какое прекрасное мѣсто выбрала маменька!» Мудрено ли, что ему хочется вообразить ее въ зеркалѣ водъ?... не умѣетъ!.... Деревенской мальчикъ не видалъ ни мраморныхъ Венеръ, ни живописныхъ Діанъ въ купальнѣ!... Правда, въ жаркіе дни ему случалось взглядывашь на берегъ пруда, гдѣ сельскія смуглыя красавицы... Но какъ можно сравнивашь? смѣшно и подумашь!... Леонъ безъ сомнѣнія обратился бы съ вопросами къ *божеству рѣки*, если бы зналъ Миеологию; но онъ по своему невѣжеству думалъ, что въ водѣ живутъ однѣ скромныя, молчаливыя рыбы!... Вдругъ бѣлое плащье мелькнуло вдали сквозь деревья... Леону не было времени одѣться: онъ выскочилъ изъ рѣки на другой берегъ и легъ на землю въ малиновыхъ кусточкахъ... Эмилія пришла съ своими дѣвушками, осмошрѣлась и начала раздѣвашься... Что дѣлаетъ нашъ малюшка? шихонько раздѣляетъ вѣшви куста и смотритъ: это обвиняетъ его! но сердце бьется въ немъ какъ обыкновенно: это доказываетъ его невинность! Молодость такъ любопытна! взоръ ребенка такъ чистъ и безгрѣшенъ! Во всякомъ случаѣ

преступленіе глазъ есть самое легкое: кто ихъ боится? и скупцы дозволяютъ смотрѣть на свое золотио! Эмилія снимаетъ съ себя бѣлую кофточку, и берется рукою за кисейной плашокъ на груди своей... Чипатель ожидаетъ отъ меня картины во вкусъ злаго вѣка: ошибается! Лѣта научаютъ скромности: пусть одни молодые Авторы сказываютъ публикѣ за новостъ, что у женщинъ есть руки и ноги! Мы, спарики, все знаемъ: знаемъ, что можно видѣть, но должно молчать. Съ другой стороны нужно ли описывать въ романѣ такія вещи, кошорья (благодаря модѣ!) нынѣ у всякаго передъ глазами: въ собраніяхъ, на балахъ и гуляньяхъ? Въ романахъ описываютъ только Феникса и Жаръ-Птицу: не воробьевъ, не ласочекъ, всѣмъ извѣстныхъ. Я же долженъ смотрѣть на предметы единственно глазами Героя моего; а онъ ничего не видалъ! . . . За Графиню приближали три Англійскія собаки, бросились въ рѣку, переплыли на другую сторону, обнюхали въ шравъ бѣднаго Леоны и начали лаять. Онъ испугался, и во весь духъ пустился бѣжать отъ нихъ... онъ за нимъ, съ лаемъ и визгомъ... Несчастный Аксеонъ! вотъ наказаніе за первое любопытство видѣть богиню безъ покрова! Къ счастью, Графиня была не

такъ зла, какъ Діана, и не хотѣла за-
справить его какъ оленя. Узнавъ бѣглеца,
она сама испугалась и кликала изъ всей
силы Англійскихъ собакъ своихъ — ко-
шорыя послушались, и дали ему благопо-
лучно убраться за ближній холмъ. Тамъ
онъ безъ памяти упалъ на землю, на силу
могъ опдохнуть и съ унылымъ видомъ,
черезъ часъ времени, возвратился къ сво-
ему плащю; но видя, что къ шляпѣ его
пришпиlena роза, ободрился. . . *Маменька*
на меня не сердита! думалъ онъ, одѣлся и
пошелъ къ ней . . . однакожь покраснѣлся,
взглянувъ на Эмилию; она хотѣла улыб-
нуться, и также покраснѣлась. Слезы на-
вернулись у него на глазахъ. . . Графиня
подала ему руку, и когда онъ цѣловалъ ее
съ *отмѣннымъ* жаромъ, она другою рукою
спихонько драла его за ухо. Во весь этотъ
день Леонъ казался чувствительнѣе, а
Графиня ласковѣе обыкновеннаго: она
была добродушна — была прекрасна: и
такъ могла ли спрашиваться нескромнаго
любопытства?

(Продолженія не было.)

г. 1803.

СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ
ИЗЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

1802 и 1803 года.

I.

ВСЕОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наконецъ миръ въ Европѣ. Исчезли ужасы десятилѣтней войны, которая потрясла основаніе многихъ державъ, и, разрушая, угрожала еще *большими* разрушеніями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на всѣ другія части міра, и которая будетъ славна въ лѣтописяхъ подъ страшнымъ именемъ *войны революціонной*. Особеннымъ ея характеромъ было всеобщее волненіе умовъ и сердецъ. Кто не занимался ею съ живѣйшимъ чувствомъ? Кто не желалъ ревностно успѣховъ той или другой стороны? И многіе ли сохранили до конца сей войны то мнѣніе о вещахъ и людяхъ, которое имѣли они при ея началѣ? Она не только государства, но и самыя души приводила въ смятеніе.

Какъ послѣ жестокой бури взоръ нашъ съ горестнымъ любопытствомъ примѣчаетъ знаки опустошеній ея, такъ мы воспоминаемъ теперь, что была Европа; сравниваемъ настоящее съ прошедшимъ, и удивляемся великимъ политическимъ измѣненіямъ сего десятилѣтія. Цѣлыя области совсѣмъ исчезли. Гдѣ Польша (*)? гдѣ Венеція? гдѣ многія Княжества въ Германіи и въ Италіи? Сего мало: надобно, чтобы и въ Африкѣ отдались грома Французской Революціи — гдѣ славные Египетскіе Бей и древніе Мамелюки? Новыя области явились въ Европѣ: здѣсь воскресло древнее имя и царство Этруріи; шутъ Ломбардія превратилась въ Чизальпинскую Республику; на островахъ Средиземнаго моря образовалась новая Іонія. Границы государствъ перемѣнились, и Авторы географическихъ Картъ должны снова начать свою работу.

Исторія замѣтивъ, что только одно Европейское государство спаслось отъ кровопролитія *революціонной войны*, а именно Швеція, бывъ два раза въ гошов-

(*) Безъ Французскихъ новостей она не вздумала бы перемѣнить своего правленія, и не раздражила бы Россіи Варшавскимъ кровопролитіемъ: слѣдственно Польша была также жертвою Французской Революціи.

ности воевать, сперва съ Французами, а послѣ съ Англичанами. Смерть Гусшава удалила Шведовъ отъ разрыва съ Респуб-
ликою: кончина Императора Павла I
остановила ихъ непріятельскія дѣйствія
противъ Англичанъ.

Исторія замѣпила также, что Фран-
ція, гдѣ воспылали первыя искры мяте-
жа, послѣ многихъ чудесныхъ переменъ
судьбы своей, при заключеніи славнаго
для себя мира вошла точно въ спарин-
ныя свои границы, то есть въ границы
древней Галліи, съ одной стороны по
Рейнъ, а съ другой до внутренней Италіи,
съ тою розницею, что Гальскіе народы,
соединяясь иногда въ воинскихъ предпрі-
ятійхъ, часто и другъ съ другомъ вое-
вали, не имѣли общаго средоточія, ни
единства воли, ни единства дѣйствій;
а теперь 50 милліоновъ повинующся за-
конамъ и Генію одного человека, устрем-
ляютъ политическія силы свои на одинъ
предметъ, служатъ (такъ сказать) од-
ною рукою для Правленія, и новый Це-
сарь, новый Кловисъ не спрашенъ для
новыхъ Галловъ.

Подивимся игрѣ неизвѣстимаго Рока:
сколько разъ въ теченіе сей войны Рес-
публика по всѣмъ вѣроятностямъ раз-
ума должна была погибнуть? Въ самомъ
началѣ она казалась вѣрною жертвою,

безъ искусныхъ Генераловъ, безъ дисциплины, съ толпами людей едва не безоружныхъ или не умѣющихъ владѣть оружіемъ, при ужасномъ безпорядкѣ въ правленіи, среди множества недовольныхъ, явныхъ и тайныхъ *внутреннихъ* непріятелей, желающихъ успѣха *внѣшнимъ*, которые въ грозной и смройной многочисленности, подъ начальствомъ славнѣйшаго полководца, съ именемъ лучшихъ Европейскихъ армій, съ опытными и храбрыми Офицерами, шли... не побѣдишь достойнаго ихъ непріятеля, а только усмиришь мясоежниковъ, и заняли спанъ въ 180 верстахъ отъ Парижа! Еще чешыре дни Суворовскаго марша, и конецъ Революціи! Уже самые смѣлые Жирондисты, Петіонеры и Бриссоны, въ отчаяніи своемъ хотѣли бѣжать изъ Парижа, увезши заключеннаго Короля въ южныя провинціи, въ ущелинахъ и на хребтѣ горъ Пиринейскихъ основать вторую Швейцарскую Республику, или погибнуть въ пропастяхъ. Вдругъ соединенныя арміи, въ изступленіи паническаго, *до сего времени* непонятнаго страха, бѣгутъ назадъ, а Дюмурье называетъ себя Ахиллесомъ, жалуетъ другихъ Генераловъ (*) въ Аяксы, и торжествуетъ безъ побѣды!

(*) Бѣрпювилля.

Скоро другой благопріятный случай представляется союзникамъ. Принцъ Кобургскій, ученикъ Рымникскаго, побѣждаетъ Французовъ; ихъ славный Ахиллесъ передается къ Австрійцамъ, и хочетъ самъ вести ихъ къ Парижу, въ то время, когда возстають Лавандейцы, бьютъ Республиканцевъ и гошвы ея другой стороны также ищутъ къ столицѣ Франціи и мятежа. Европа опять думаетъ, что всему конецъ: consummatum est! Нѣтъ, надобно, чтобы союзники раздѣлились; надобно, чтобы Герцовъ Йоркской пошелъ къ Дюнкирхену и далъ Гушару способъ разбить Англичанъ; надобно, чтобы Принцъ Кобургскій не во время приспустилъ къ Мобѣжу, и послѣ оставилъ Журдана въ покоѣ; надобно, чтобы Король Прусской, приучивъ Французовъ къ огню сраженій (подобно какъ Шведы учили въ свое время армию Петра Великаго), заключилъ съ ними миръ! — Наконецъ Французы имѣли уже великихъ Генераловъ и многочисленное войско, узнавшее тайну побѣды. Италія, большая часть Германіи была въ ихъ рукахъ; Моро, Гошъ, особливо Бонапарте, дали имъ имя *непобѣдимыхъ*; казалось, что судьба Республики уже рѣшилась къ ея славіи. Но безумные властелины Директоріи, отправивъ Бонапарте въ Египетъ вмѣ-

стѣ съ ихъ щастіемъ, снова поставили Францію на край бездны. Суворовъ, какъ Цесарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ — Эрцгерцогъ разбилъ Журдана — еще 35 тысячъ Рускихъ вступаютъ въ Швейцарію — Англо-Россійская армія идетъ къ Амстердаму. Союзники дѣйствовали съ жаромъ и съ швердостію. Французское Правленіе колебалось, утраило свою надежность и довѣренность народа; оно не могло подкрѣплять армій, которыя уже разучились побѣждать, и ждали, шакъ сказать, съ часу на часъ конца своего. — Герой Италійскій, Эрцгерцогъ и Генералъ Корсаковъ должны были вдругъ напасть на Массену, разбить, испребить его, вступить черезъ Швейцарію во Франш-Конте и прямо идти къ Парижу, не имѣя передъ собою ни крѣпостей, ни армій. Французы чувствовали свое бѣдственное сосполніе, и я помню рѣчь одного изъ знаменитѣйшихъ Членовъ Пятидесятиного Совѣта, Эшассерио, который уже говорилъ объ эшафотахъ для Республиканцевъ. Можетъ быть Австрійцы позавидовали славу Рускихъ; можетъ быть Тугутъ ошибся въ расчетахъ своей тонкой и глубокой Полицики; можетъ быть. . . . Какъ бы то ни было, но опущеніе Австрійской арміи къ Мангейму все разстроило и перемѣнило въ

рисшемъ войны. Съ сего времени щастіе снова обратилось лицомъ къ Французамъ, и не переставало уже до конца служишь имъ, — — Такимъ образомъ Республика *три раза* была въ самомъ опчаянномъ состояніи; три раза политическіе Медики осуждали ее на смерть; но Судьба въ шеченіе сей войны болѣе, нежели когда нибудь, играла случаями и приводила въ недоумѣніе умъ человѣческой.

Первому году новаго вѣка принадлежала слава общаго мира, который былъ необходимостію всѣхъ народовъ послѣ долговременныхъ бѣдствій. Война не могла уже имѣть прежней цѣли своей: опасныя и безразсудныя Якобинскія правила, которые вооружили противъ Республики всю Европу, исчезли въ самомъ своемъ опечесивѣ, и Франція, не смотря на имя и нѣкоторыя Республиканскія формы своего правленія, есть теперь въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ истинная Монархія. Римской Императоръ, потерявъ Брабантъ (гдѣ всегда съ большими издержками надлежало ему имѣть многочисленную армию) и Ломбардію (которая въ самомъ дѣлѣ приносила ему мало существенной пользы), награжденъ за то Венеціею, которая вводитъ Австрію въ число морскихъ державъ. Россія и Франція не могли ничего претребовать другъ

отъ друга: имъ оставалось только возобновить коммерческія связи свои. Миръ Франціи съ Портою даетъ первой многія торговыя выгоды, а для послѣдней спасишелемъ шѣмъ, что Англія и Франція обязываются хранить цѣлостъ ея владѣній. Но Король Сардинскій, Герцогъ Тосканскій и Нѣмецкіе Князья остаются жертвами общаго покоя; они виноваты, ибо слабостъ есть вина въ Полициѣ!

Миръ Республики съ Англіею казался весьма труднымъ; онъ удивилъ Европу своими условіями. Франція беретъ все назадъ, Англія выигрываетъ только одинъ миръ, плаща за то *поги* всѣми своими блестящими завоеваніями и выгодами исключительной торговли, копорыми она во всю войну пользовалась, и копорыя должно теперь раздѣлить ей съ другими народами. Трудно сказать, что именно заставило Англійское Министертво быть столь великодушнымъ и безкорыстнымъ, но конечно не одно желаніе пресѣчь кровопролитіе и угодить народу; такого челоѣколюбія и снисхожденія не можемъ предполагать въ Аддингтонѣ и Гакесбурѣ, особливожь зная то, что они дѣйствовали по мыслямъ Пипша, копорой славенъ умомъ, а не мягкимъ сердцемъ, и копорой готовъ былъ цѣлымъ

міромъ жершвовашъ пользѣ своего ошечества. Извѣстно, что Аддингшонъ, передъ самымъ подписаніемъ мирныхъ условій, нѣсколько дней провелъ въ деревнѣ съ Пишшономъ. Любопытной чело-вѣкъ хотѣлъ бы подслушашъ сихъ двухъ знаменишихъ Министровъ, когда они, сидя подъ вѣтвями какого нибудь величественнаго дерева, разсуждали о судьбѣ міра, угадывали всѣ возможности и сравнивали однѣ съ другими! Можешъ бытъ, они предвидѣли, что Европейскія державы, желая мира, принудили бы наконецъ Англію исполнить сіе желаніе, самымъ шѣмъ средствомъ, которое хотѣлъ употребить Павелъ I, то есть закрывъ для нее всѣ свои гавани; можешъ бытъ, они предвидѣли, что вѣчная война обременила бы Англійской народъ неслосными налогами, или произвела бы неминуемое государственное банкротство; можешъ бытъ, они въ самомъ дѣлѣ боялись, что-бы Французы рано или поздно не сдѣлали высадки въ Англіи или въ Ирландіи; гдѣ все еще таились искры бунта. Догадки наши будущъ сомнительны; но чело-вѣчество безъ всякаго сомнѣнія благодарно Англійскимъ Министрамъ, что они по оспорожности или неоспорожности заключили миръ.

Англійской народъ виѣ себя отъ радости. Всѣ Лондонскіе Журналисты прославляющъ Министерство, и старинные противники его, Фоксъ, Шериданъ, Тирней, хвалящъ миръ. . . Любопытно было слышать Пишпа, когда онъ въ собраніи Нижняго Парламента говорилъ о должномъ уваженіи къ Французскому Правительству и къ Бонапарте, называвъ его прежде Корсиканскимъ разбойникомъ! Но Лордъ Гренвиль, бывшій Государственный Секретарь, и Виндамъ, бывшій Министръ военный, прежніе друзья Пишповы, говорили съ великимъ жаромъ противъ мира; особливо Виндамъ, который въ пророческомъ изступленіи воскликнулъ: «Англія погибла! Пусть веселился народъ; но скоро увидишь онъ свое заблужденіе! Сія радостные огни, пылающіе теперь въ Лондонѣ, кажутся мнѣ печальными свѣпильниками погребенія. «Одни непримиримые враги наши воспользуются миромъ, и мы рано или поздно будемъ жертвою ихъ коварно-ласковой улыбки! Они цвѣтами прищворнаго дружелюбія усыплютъ намъ путь къ могилѣ! Нещастное ошечество! гробъ для тебя уже отверзается!» Красноурчивый Экс-Министръ содержаніемъ рѣчи и голосомъ своимъ заставилъ плакать многихъ зрителей и самыхъ Членовъ Парла-

менша. Но чего же хотѣлъ онъ? Вѣчной войны! «Съ Французами, сказалъ Виндамъ, не лѣзя помиришься между прочимъ и для того, что супружество основано у нихъ на одномъ гражданскомъ контрактѣ!» Онъ не удовольствовался другими, сильнѣйшими доказательствами.

Экс-Министръ видѣлъ въ будущемъ конечно излишніе ужасы для Англіи; но то правда, что пріобрѣтеніе Гвианскаго острова Троицы и Голландскаго Цейлана не могутъ наградить ее за войну, которая стоила ей болѣе 3000 милліоновъ рублей; что Франція въ мирное время конечно умножитъ флоты свои, и что Великобританія хотя не скоро, но вѣрно должна утратить первенство свое на морѣ. — Островъ Св. Троицы производитъ сахаръ, хлопчатую бумагу и множество разныхъ плодовъ; онъ всего важнѣе для Англичанъ тѣмъ, что доставляетъ имъ удобное средство торговать съ Гвианскою Америкою. Цейланъ славенъ жемчужною ловлею и своею корицею. Лондонскіе Журналисты говорятъ, что мореплаватели, приближаясь къ нему, за нѣсколько миль уже чувствуютъ благоуханіе! — Но главнымъ пріобрѣтеніемъ Англіи въ теченіе сей войны (*) оста-

(*) Не говорю здѣсь о завоеваніяхъ ея въ Индіи,

нешся слава ея непобѣдимыхъ флотовъ ; испребившихъ морскія силы Франціи, Голландіи, Гишпаніи. — Думающъ, что въ тайныхъ ставъяхъ мира Англійское Министерство не забыло несчастныхъ Принцевъ Бурбонскаго Дому и Шпатагальсера. Сей послѣдній, выѣзжая изъ Лондона, написалъ къ Королю умное, и хотя благодарное, но гордое письмо, достойное потомка Вильгельмова и Маврикіева.

Естьли Англійской народъ обрадовался миру, то радость Французовъ была еще живѣе и основательнѣе, особливо въ городахъ приморскихъ и торговыхъ, которые съ восхищеніемъ увидѣли дружественной флагъ Великобританіи въ своихъ гаваняхъ, и спѣшашъ теперь отправлять корабли во всѣ части свѣта. Усердіе къ Бонапарте дошло до высочайшей степени: со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ Республики, первымъ Героемъ всѣхъ вѣковъ, единственнымъ*, и проч. и проч. Онъ конечно заслужилъ признательность Французовъ, естьли, разрушивъ мечту равенства, которая всѣхъ ихъ дѣлала равно несчастными, и

которые не имѣли связи съ Французскою войною.

возстановивъ Религію, столь нужную для сердца въ мірѣ превращенней; не менѣе нужную и для цѣлости государствъ, общественнымъ правленіемъ загладивъ бѣдственные слѣды Революціи, дастъ Республикѣ мудрую систему гражданскихъ законовъ, будетъ искреннимъ покровителемъ наукъ, художествъ, торговли, и на семъ основаніи утвердитъ благоденствіе Франціи, моролюбивую Полишикою согласивъ ея выгоды съ выгодами другихъ Державъ. Тогда сей Монархъ-Консулъ оправдаетъ дѣло Судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія.

Многіе Полишики бояшся рѣшительнаго вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію Консула Бонапарте, говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія Державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ займетъ его мѣсто, и не будучи, подобно ему, насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще при Республики, которыя непременно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германіею и съ Италіею?» Сей страхъ не совсѣмъ основателенъ. Союзъ Россіи, Австріи,

Пруссіи и Англіи можешъ всегда ограничивашъ ви́шнія дѣйствія Франціи и противоборсшвовашъ всякому злоупотребленію силъ ея. На одной сторонѣ сіи чешыре Державы, а на другой Французская Республика, Голландская, Швейцарская и Чизальпинская (прибавимъ къ нимъ еще и Гишпанію), составляютъ то равновѣсіе, которое нужно для политическаго благосостоянія Европы.

Удалимъ теперѣ отъ мыслей своихъ все печальное. Небо прояснилось надъ нами; нѣкоторые остатки тучъ видны еще на горизонтѣ, но мы съ сердечнымъ удовольствіемъ смопримъ на свѣшлыя мѣсца его. Австрія отдыхаешъ послѣ кровопролитной войны, и Правительсшво ея спарается ввести во всѣ части государственной системы лучший порядокъ и согласіе. Нѣмецкіе Принцы надѣются на слѣдсшвіе Регенбургскаго Сейма или Амьенскаго Конгреса. Голландія, въ самыхъ революціяхъ спокойная и флегматическая, занимается новыми планами для воскресающей торговли своей и отправляешъ Губернапоровъ въ Африку и въ Америку. Пруссія, Данія и Швеція представляютъ щасливую картину мудраго Начальсшва и довольныхъ подданныхъ. Россія видитъ на Тронѣ своемъ любезнаго сердцу Монарха, Который

всего ревностиѣе желаетъ ея щастія, взявъ Себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны бытъ основаніемъ государственнаго благоденствія. Всѣ изданные Имъ законы сообразны съ духомъ времени, и служатъ залогомъ Его чело-вѣколюбивыхъ намѣреній. — Обращая взоръ отъ сѣвера къ югу, видимъ и тамъ пріятныя дѣйствія надежды. На Альпахъ раздается голосъ, пребудующій возстановленія древней Гельветической свободы, уничтоженной безразсудными Французскими Директорами. Республиканская свобода и независимость принадлежатъ Швейцаріи такъ же, какъ ея граничныя и сѣжныя горы; чело-вѣкъ не разрушитъ дѣла Природы, и Бонапарте даетъ Телевымъ потомкамъ волю утвердить судьбу свою безъ всякаго чуждаго вліянія. Чизальпинская Республика, бывъ долгое время подъ опекою, ожидаетъ наконецъ своей независимости и свободного политическаго бытія. Многочисленные Депутаты ея, избранные изъ всякаго состоянія, Епископы и воины, ученые и купцы, спѣшатъ въ Ліонъ, гдѣ Бонапарте вмѣстѣ съ ними назначитъ главныхъ чиновниковъ ихъ Республики, и такимъ образомъ довершитъ свое твореніе, которое всегда было особеннымъ предметомъ любви его. Луціанъ Бонапарте, второй

братѣ Французскаго Консула, человѣкъ пылкой, умной и краснорѣчивой; будещъ, какъ думаюшъ, Чизальпинскимъ Консуломъ или Президентомъ. — Піемонтъ по крайней мѣрѣ спокоенъ. Судьба его не рѣшена; не вѣроятно, что Франція раздѣлитъ его съ Чизальпинскою и Лигурійскою Республикою. Сія послѣдняя должна опять имѣть своего Дожа; слѣдственно Бонапарте умѣетъ иногда предпочитать старое новому. Тоскана, возвышенная имъ на степень Королевствъ, ожидаетъ отъ крошкаго своего Монарха щасливыхъ дней Леопольдовыхъ. — Римскому Первосвященнику возвращено все; кромѣ Лаокона, Геркулеса Фарнезскаго, Бельведерскаго Аполлона и славнѣйшихъ произведеній Рафаелевой кисти, о которыхъ Римъ никогда жалѣть не перестанетъ. — Мы не сказали бы ни слова о бѣдственномъ Неаполѣ, если бы онъ, напоминая ужасы, въ то же время не напоминалъ и славной дисциплины шести тысячъ Русскихъ, которые спасли его отъ дальнѣйшихъ изступленій Италіанской злобы. Нещаслива та столица, въ которую Государь не спѣшилъ возвратиться! — Мальта была уже давно забыта Исторіею; но теперь снова займетъ въ ней нѣсколько страницъ, бывъ яблокомъ раздора между двумя Державами. Ордону

возвращается древняя столица; но вбро-
яшно, что в его Спашукахъ будущъ нѣ-
кошорыя перемѣны, и что для увѣчанія
общаго мира Мальтійскіе Кавалеры вели-
кодушно согласяся оставишь вѣ покоѣ
и самыхъ невѣрныхъ! — Константино-
поль торжествовалъ побѣды! Еще съ
большою радостію должно ему торжест-
вовать мирѣ, которой служишь времен-
ною опорою для вѣххаго Магометова
прона. Любопытно знать; на что рѣ-
шился теперь Пасван-Оглу, одинъ изъ
немногихъ людей вѣ Европѣ, которые
не радуются общему миру! — О Гишпа-
ніи и Португалліи можно сказать един-
ственно то, что первая будетъ зависѣть
отъ Франціи такъ же; какъ вторая
отъ Англіи; съ тою разницею, что Гиш-
панія хотѣла бы прервать свой узъ, а
Португаллія защищаетъ ими бышіе свое:
Князь мира, доказавъ, что онъ можетъ
быть и *Княземъ войны*; опдыхаетъ на
своихъ лаврахъ и пользуется всею довѣ-
ренностію Короля.

Желаемъ, чтобы Амьенской Конгрессъ
былъ вѣ Исторіи славнѣ всѣхъ Утрехт-
скихъ и Ахенскихъ Конгрессовъ; чтобы
съ него началась новая эпоха не только
для Политики, но и для самаго человѣ-
чества. По крайней мѣрѣ истинная Фи-
лософія ожидаетъ хотя сего единствен-

наго щасливого дѣйствія ужасной Революціи, которая останеся пятымъ осьмаго-надесять вѣка, слишкомъ рано названнаго *философски мѣ*. Но девятой-надесять вѣкѣ долженъ быть щасливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а Государей въ необходимости благодѣтельнаго, швердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца, которое въ самыхъ бѣдствіяхъ человѣческаго рода находишь такимъ образомъ залогъ добра для будущихъ временъ.

Мы желаемъ увѣдомлять нашихъ Читателей о мирномъ благоденствіи Державъ, о полезныхъ учрежденіяхъ во всѣхъ земляхъ, о новыхъ мудрыхъ законахъ, болѣе и болѣе утверждающихъ сердечную связь подданныхъ съ Монархами. Военные громы возбуждаютъ неперпѣливое любопытство: успѣхи мира пріятны сердцу. Оставляя Издавателямъ въ домостей сообщать въ опривкахъ всякаго рода политическія новости, мы будемъ замѣчать только важныя, и *Вестникъ Европы* въ продолженіи своемъ можетъ составить избранную бібліотеку Литтературы и Политики.

Генв. 1802.

II.

О Почетномъ Легионѣ.

Въ Мониторѣ напечатанъ органическій уставъ *Почетнаго Легиона*, который, не смотря на умную, орапорскую рѣчь Луціана Бонапарте, кажется спранныю выдумкою. Его не лѣзя называть дворянствомъ: ибо онъ не даетъ никакихъ гражданскихъ преимуществъ; не лѣзя называть рыцарскимъ Орденомъ: ибо всякой Орденъ имѣлъ какую нибудь цѣль, а Легионъ никакой не имѣетъ; особенная клятва Членовъ быть защитниками Правленія должна быть клявшею всѣхъ Французовъ. Онъ будетъ наградою храбросши и добродѣтели, говорятъ Консулы: въ чемъ же состоитъ сія награда? въ имени и въ жалованьи; но люди никогда не повѣряютъ имени, еслили они не знаютъ человека; оно будетъ всегда пустымъ титуломъ, когда не соединено съ особенными гражданскими выгодами. Что касается до жалованья, то не могло ли Правительство давать пенсіи по извѣстнымъ заслугамъ, безъ всякаго рыцарскаго обезьянства въ такой землѣ, гдѣ сіи учрежденія противны кореннымъ политическимъ законамъ? Какая нужда дѣлать всю Францію на Когоршы, назначать удѣлы, заводить боль-

шіе и малые Совѣшны, шо естѣ особенныя
 правленія въ обществѣ, и единственно для
 того, чтобы нѣкоторымъ людямъ дать
 жалованье? Полипическая мудрость со-
 размѣряетъ во всякомъ отношеніи сред-
 ства съ дѣйствіями: Почетный Легионъ
 представляетъ удивительную сложность
 въ средствахъ для произведенія весьма
 обыкновеннаго дѣйствія. Попомство не
 на мраморныхъ доскахъ Легиона будетъ
 искашь славныхъ именъ, а въ Исторіи.
 Если Бонапарте и на золотой доскѣ
 великъ напишетъ имя Генерала Мену,
 Европа не будетъ уважать его. — А такъ
 называемыя *Легионныя гостиницы* въ са-
 момъ дѣлѣ не что иное, какъ пракширы;
 должно вычиташъ изъ жалованья Членовъ
 нужную сумму для ихъ содержанія въ
 сихъ домахъ. Мы еще не упомянули объ
 одной выгодѣ легионныхъ воиновъ: въ
 чрезвычайныхъ засѣданіяхъ Совѣта бу-
 дущъ говорить похвальное слово всякому,
 кто умретъ изъ нихъ; это общаетъ по
 крайней мѣрѣ успѣхи краснорѣчію.

III.

О похитителяхъ.

Въ Парижскомъ Журналѣ, называемомъ Bulletin de Paris, напечатана статья о похитителяхъ, которая обратила на себя общее вниманіе. Авторъ говоритъ, что похищателями должно именовать однихъ бунтовщиковъ, ужасными и незаконными средствами восходящихъ на престолъ (какъ-то не рѣдко случалось въ Азіатскихъ государствахъ), а не тѣхъ Героевъ, которые присваиваютъ себѣ власть только для блага согражданъ, вводя въ порядокъ тамъ, гдѣ была анархія, и дѣлающія оппонами народовъ. Онъ жалуется на вѣтреность Исторіи, называющей сихъ Героевъ оскорбительнымъ именемъ похищателей, и сдѣлавъ въ примѣръ Деиоцеса, который избавилъ народъ отъ опасныхъ метаній свободы, съ щастливою дерзостію объявилъ себя первымъ Царемъ Мидійскимъ, завелъ блестящій Дворъ, и новымъ подданнымъ своимъ являлся только въ сіяніи вѣнца Царскаго. «Можно ли (продолжаетъ Авторъ) называть похищателемъ мудраго Сиракузскаго Царя Гieronа? Если бы онъ остался простымъ гражданиномъ, то Сиракузы, изнуренныя анархіею, не сдѣлались бы щастливѣй-

«шею спранною міра вѣ его приидцати-
 » лѣшнее правленіе.» Издашель сего Журна-
 ла естъ, какѣ извѣстно, важной человѣкѣ вѣ
 Республикѣ; онѣ не даромѣ помѣстилѣ та-
 кую спашью—и Лондонскіе Журналисты
 называютѣ ее *манифестомѣ*, увѣряя,
 что Бонапарте хочетѣ объявить себя
 Гальскимѣ Императоромѣ, надѣтъ корону
 на голову, сдѣлатѣ ее наслѣдственною и
 бытъ начальникомѣ новой династіи. Все
 возможно; однакъ мы еще не хотимѣ
 вѣрять тому до времени. Видимѣ только,
 что Бонапарте будетѣ скорѣ Геро-
 номѣ, нежели Тимолеономѣ. Впрочемѣ
 друзья или льстецы его (ихѣ, сказыва-
 ютъ, мудрено различать при Дворахѣ)
 напрасно доказываютѣ, что Бонапарте
 не естъ похищитель, и заранѣ бранятѣ
 Историю: нѣтъ, она не назоветѣ его симѣ
 именемѣ, а скажетѣ, что онѣ людей счи-
 талѣ людьми, и даже самѣ не хотѣлѣ
 бытъ выше человѣка. Не Бонапарте сверг-
 нулѣ Бурбоновѣ съ прона; не Бонапарте
 сдѣлалѣ Революцію: онѣ только воспользо-
 вался ею для своего властолюбія.

IV.

ПАДЕНІЕ ШВЕЙЦАРІИ.

Сія нещасная земля представляєть шеперь всѣ ужасы междоусобной войны, кошорая есть дѣйствіе личныхъ спрасей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезають народныя добродѣтели! онѣ, подобно людямъ, ошживають свой вѣкъ въ государствахъ; а безъ высокой народной добродѣтели Республика споять не можетъ. Вотъ по чему монархическое правленіе гораздо щасливѣе и надежнѣе: оно не пребуєть отъ гражданъ чрезвычайностей, и можетъ возвышаться на шой степени нравственности, на кошорой Республики падають. Развратъ Швейцарскихъ нравовъ начался съ того времени, какъ Телевы потомки вздумали за деньги служишь другимъ Державамъ; возвращаясь въ отечество съ новыми привычками и съ чуждыми пороками, они заражали ими своихъ согражданъ. Ядъ дѣйствоваель медленно въ чистомъ горномъ воздухѣ; но благодѣтельное сопрошивленіе Нашуры уступило наконецъ зловредному вліянію. *Духъ торговый*, въ теченіи времени овладѣвъ Швейцарами, наполниль сундуки ихъ золотомъ, но ищощиль въ сердцахъ гордую, исключи-

шельную любовь къ независимости. Богатство сдѣлало гражданъ эгоистами, и было вѣрою причиною нравственнаго паденія Гельвеціи. Но древнія гражданскія и политическія связи Швейцаріи могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имѣетъ удивительную силу), если бы злой духъ Французской Революціи не сорвалъ сей, нѣкогда щастливой Республики съ ея основанія. Для новыхъ политическихъ зданій нужно ошмѣнное величіе духа одного или многихъ людей: Гельвеція не имѣетъ сихъ Геніевъ, и пять новыхъ Конституцій ея, мелькнувъ, исчезли какъ снѣги.

Окш. 1802.

V.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Президентъ Швейцарскаго Сейма, славный Алойсъ Редингъ, Генералъ Ауфдермауръ и Цирихскій ученый, Гирцель, взяты подъ спражу Французскимъ Генераломъ Неемъ и заключены какъ преступники въ Арбургской крѣпости. Эрлахъ, Вашпенвиль и другіе Бернскіе Аристократы также (какъ слышно) будутъ посажены въ темницу... Всѣ шв., комо-

рые занимаються происшествіями времени, судьбою государствъ и человѣчества, по справедливости должны были удивиться такому дѣйствію строгости, напоминающему жестокія правила Революціи. Мы сомнѣваемся въ патріотической добродѣтели Рединга и друзей его, и не хвалимъ Бернской Олигархіи, которую они хотѣли возстановить; но Франціи ли наказывать сихъ гражданъ? Когда бы Сеймъ сопровивлялся, тогда бы Генералъ Ней имѣлъ неограниченное право завоевателей; но обѣщать мирное посредство и схватить безоружныхъ людей какъ преступниковъ — самыхъ тѣхъ, которыхъ Бонапарте звалъ въ Парижъ для совѣща, и которые торжественно объявили, что они не хотѣли прощиться силъ — кажется намъ великою несправедливостію. Не Франція ли ввергнула Швейцарію въ хаосъ анархіи? не Франція ли способствовала многимъ революціямъ въ Гельветическомъ правленіи? не ея ли Министры были главною опорою тамошнихъ честолюбцевъ? слѣдственно она менѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ Державъ можетъ винить Швейцаровъ; признавъ же, Люневильскимъ пракшомъ, ихъ независимость, должна была отказаться отъ средствъ насилія и деспотизма. Соглашаемся, что послѣд-

няя Гельвепическая Констипуція могла бы успокоить Швейцарію; соглашаемся, что Редингъ и друзья его только по личнымъ спрашьямъ хотѣли испровергнушь ее: но естли всѣ Кантоны и города прислали къ нимъ, то они уже оправданы. Бонапарте могъ ввести Французское войско въ Гельвецію, но единственно для сохраненія порядка, обузданія черни, для свободы выборовъ и законодательныхъ дѣйствій въ сей Республикѣ, а не для того, чтобы сажать въ темницу знаменитыхъ гражданъ, удостоенныхъ общей довѣренности. Каковъ ни есть Редингъ, но сограждане почитаютъ его; вліяніе, которое онъ имѣетъ на общую волю, есть дѣйствіе свободы ихъ, и законно, естли они составляютъ народъ независимый. Должно помогать сосѣдамъ, но не должно быть ихъ притѣснителемъ.

Мысль собрать Депутатовъ Гельвеціи въ Парижъ льститъ самолюбію Консула, но оскорбительна для патриотизма Швейцаровъ, которые умѣли быть свободными гораздо прежде Французовъ, и безъ униженія не могутъ явиться въ передней гражданина Талерана. Естли опрасль древней славной фамиліи кажется намъ почтенною; естли великія дѣла человека бросають какой-то лучъ на самыхъ опдаленныхъ его потомковъ: то Швейцары

могущь требовать всеобщаго уваженія. Они не Чизальпинцы, пожалованные Консульскимъ указомъ въ преемники древнихъ Римлянъ. Не въ щѣсномъ и шумномъ Парижѣ, гдѣ люди всегда превращали басню Хамелеона въ истину, но среди гордыхъ Альпъ, гдѣ болѣе чешьихъ вѣковъ гремѣло имя свободы — на равнинахъ, гдѣ паслухи, одушевленные любовію къ отечеству, истребляли лучшія Европейскія арміи — среди величественныхъ предметовъ Напурь и славныхъ воспоминаній народнаго геройства должны сыны Гельвеціи совѣтоваться о благѣ страны ихъ и средствахъ воскресить патриотизмъ въ гражданахъ. Пусть шамъ легіоны Французскіе въ почтительномъ ошдаленіи окружающъ ихъ своими дружескими щитами, чшобы революціонная необузданность — сіе чудовище, которое родилось во Франціи — не мѣшала спокойному дѣйствію умовъ и законодательной мудрости! Пусть Бонапарте, какъ другъ народнаго благоденствія, объявивъ имъ свое мнѣніе о лучшемъ образѣ правленія для Гельвеціи, не требуя Депушатовъ передъ Консульскою шронъ свой! Тогда онъ поступилъ бы какъ великодушный властелинъ и герой добродѣтели; а теперь поступаетъ — какъ *Генералъ Европы*, дающій воинскіе строгіе приказы!

Знаемъ ; что власшь и сила могутъ смѣяться надъ идеями Филантроповъ ; знаемъ ; что о вкусахъ спорить не должно (по старинной Латинской пословицѣ) ; и что иному пріятнѣе жить въ какомъ нибудь великолѣпномъ замкѣ , нежели въ храмѣ богини Кліо ; но въ такомъ случаѣ не надобно уже думать о славѣ ; не надобно говорить о потомствѣ ; справедливости , мнѣніи еѣковъ : ибо не Префекты Сен-Клудскаго замка будутъ писать Исторію .

Слышно , что Министръ Талеранъ изготавилъ уже *новѣйшую* Конспицію для Швейцаріи къ пріѣзду Депутатовъ въ Парижъ . Франгузы набили руку въ семь дѣлъ : нигдѣ не сочиняется столько романовъ и Конспицій , какъ въ Парижѣ !

Гельветическое Правительство обнародовало свое оправданіе , которое еще болѣе обвиняетъ его въ глазахъ народа . Оно говоритъ , что Швейцары заслуживаютъ бѣдствіе , дерзнувъ возстать противъ власшей своихъ ; но можетъ ли назваться народною та власть , которую ненавидитъ народъ ? а сію ненависть заслужило Гельветическое Правительство своею безразсудною жестокостію противъ несчастнаго Цириха . И можетъ ли избранное Республиканское начальство

говоришь пакія грубоспи *всей* націи, то есть; утверждаешь, что она безразсудна, не знаешь своей пользы и во всемъ виновата? Демосеенъ жестоко бранилъ Аенианъ; но онъ говорилъ какъ простой гражданинъ: а начальство избранное, унижая народъ, ослабляетъ собственную силу свою, которую оно единственно отъ него получило. Гельвейическое Правительство должно было или молчать или говорить только о заблужденіи *нѣкоторыхъ*, а не *всѣхъ*. Надобно по крайней мѣрѣ сохранять пристойность, когда уже справедливостъ нарушена.

Къ несчастію, мы не видимъ еще, какъ миръ и благоденствіе могутъ быть возстановлены въ бѣдной Швейцаріи!

Дек. 1802.

VI.

Взоргъ на прошедшій годъ.

1802 Годъ былъ мирный для Европы, но важный своими великими государственнымими феноменами. Амьенскій прахъ, сшоль удивительный — преобразование Чизальпинской Республики (эпоха достопамятная, ежели сія Республика

будеть существовать въ мірѣ, и не есть одна театральная декорация, или домъ, на пескѣ построенный) — великія перемѣны во Франціи: уничтоженіе послѣднихъ знаковъ такъ называемой свободы, основаніе рѣшительнаго, швердаго самовластия до смерти Консула; амнистія для Эмигрантовъ съ единственнымъ изключеніемъ тѣхъ, которые лично ему непріятны; мудрые законы для народнаго ученія во Франціи; въ Англіи — любопытные Парламентскіе споры, смѣшеніе партей, начало новой *Оппозиціи*, малочисленной, но сильной шалантомъ двухъ Ораторовъ; уничтоженіе *славнаго* налога на доходы, возстановленіе закона личной безопасности; два Сейма въ Европѣ: въ Сициліи и въ Венгріи, изъ которыхъ первый оказалъ болѣе усердія къ своему Двору, нежели второй, только опчаша исполнившій желаніе и надежду Римскаго Императора; въ Германіи новое раздѣленіе властей и земель, предложенное Россією и Францією; въ Баваріи (гдѣ донинѣ царствовалъ самый ревностный Католицизмъ) церковныя реформы и перемѣны въ духѣ Іосифа; бѣдствія Швейцаріи и совершенная ушрапа ея независимости; въ Туреціи миръ Султана съ Пасваномъ; въ Россіи новое мудрое образованіе Министерства и новыя права,

данныя Сенапу: вошѣ великіе предметы для будущаго Историка! поле обширное для ума и суждений его! — Не забудемъ и Короля, сказавшаго съ мудрымъ Соломономъ: *счета сѣтъ!* и сложившаго съ себя корону, правда, не весьма тяжелую своимъ величіемъ. Явленіе Рускихъ войскъ въ Іонической Республикѣ есть также любопытное дѣйствіе новыхъ, донинѣ непримѣрныхъ политическихъ связей, сношеній и видовъ.

Главный историческій характеръ нашего времени, Наполеонъ Бонапарте, въ теченіи сего года вышелъ изъ сомнительныхъ тѣней надежды и страха, и явился въ полномъ свѣтѣ истины, къ стыду романическихъ головъ, которыя въ наше время мечтали о Тимолеонахъ. Наполеонъ лучше ихъ знаетъ дымъ славы. Онъ думаетъ безъ сомнѣнія:

Нещастный! что тебѣ до мнѣнія потомковъ?
Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ!
Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто Судьбѣ
За сей кимвальный звонъ отдастъ изъ доброй воли
Утѣхи пышности, блаженство царской доли!

Между тѣмъ мы должны извѣститься, и сказать, чего сіи забавные Романисты ожидали отъ Консула. Они думали, что

Сот. Кар. Т. IX. 6

Наполеонъ , сильною рукою своего Генія остановивъ бурное стремленіе Революціи, воспользуеся опытами вѣковъ , всѣми лучшими идеями Философовъ; что онъ дастъ Франціи *почти* совершенное (Монархическое или республиканское) Правленіе, сдѣлаеши власть могущею , но только благошворною и спасительною , подобною не грозной рѣкѣ, которая безпрестанно можеши выливашся изъ плоскихъ береговъ своихъ, но тихою и мирною, текущею безъ всякаго помѣшательства среди высокихъ стѣнъ, утвержденныхъ мудрымъ искусствомъ. Они думали, что онъ, совершивъ великое швореніе, сложивъ съ себя всѣ знаки Диктаторскаго достоинства, оставивъ на головѣ своей одинъ вѣнокъ лавровый, уступивъ Консульскій прони закону и успокоився, на канунъ безсмертія , среди народа благодарнаго въ обѣщаніяхъ славы, подъ кровомъ хижины, въ обществѣ однихъ великихъ мужей Плутарховыхъ: ибо мы, современники, не осмѣлились бы тогда къ нему приблизиться, и только издали удивлялись бы его величію. — Надобно признаться, что сей романъ стоиши Морусовой Утопії!

Хотя мы никакъ не осуждаемъ Бонапарте, однакожь историческая справедливость заспаваеши насъ примѣшивъ,

что число ревностныхъ обожателей Наполеона весьма уменьшилось въ Европѣ, ешлы вѣришь Англійскимъ и Нѣмецкимъ Журналистамъ. Предсказаніе добродушнаго Лафатера можетъ сбыться: онъ говорилъ, что Бонапарше переживетъ славу свою. Такова неблагодарность смертныхъ: кто однажды удивилъ насъ и еще осмѣется на сценѣ, отъ того мы не перестаемъ требовать новыхъ чудесъ, и въ случаѣ отказа гошвы освисшаемъ славнаго Актера. Напрасно друзья Наполеоновы: Секретарь Бурень, Ценсоръ Барреръ, Совѣтникъ д'Анжели, доказывающъ въ своихъ періодическихъ листахъ, что Бонапарше слѣдуетъ примѣру какого-то Мидійскаго Царя — шумная, безразсудная публика кричитъ: *это старая Геродотова сказка! намъ надобно великаго теловѣка!* Однимъ словомъ, всего досадише имѣшь дѣло съ паршеромъ Европы, и Бонапарше поступилъ весьма благоразумно, заключившись въ высокихъ палахахъ Сен-Клу, гдѣ онъ слышитъ только окликъ часовыхъ, умныя привѣтствія Сенаторовъ и Версальскія фразы Шевалье Жокура.

Ешлы же мы, переставъ на минушу бышь эхомъ иностранныхъ крикуновъ, называемыхъ Журналистами, должны объявить собственное мнѣніе о Консулѣ,

по скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище Революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалишь его, какъ великаго Медика, излечившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалбемъ, естли онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя навѣки изгналъ изъ отечества! . . . Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспаляетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга. . . Видно, что быть искуснымъ Генераломъ и хитрымъ Полипикомъ гораздо легче, нежели великимъ, то есть героически-добродѣтельнымъ человекомъ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

Французскій Законодательный Корпусъ собрался при стрѣльбѣ пушечной, и Министръ внутреннихъ дѣлъ, Шапшаль, открылъ его пышною рѣчью; но гораздо важнѣе рѣчи Министра есть изображение Республики, представленное Консулами Законодателямъ. Надобно признать, что сія картина блистаетъ живописію красокъ и плѣняетъ воображеніе добрыхъ людей, которые искренно — и всѣмъ народамъ въ свѣтѣ — желаютъ успѣха въ трудномъ искусствѣ государственнаго счастья. Бонапарте, зная сердца людей, весьма кспати даетъ чувствовать, что онъ не забываетъ смертности человека, и думаетъ о благѣ Франціи за предѣлами общественной жизни его. (Que les premieres magistratures viennent à vaquer, les devoirs et la marche du Sénat sont tracés, etc.) Такія черты всегда имѣютъ сильное дѣйствіе: хочется вѣрить искренности говорящаго, чтобы любить въ немъ твердость духа и добродѣтель. Можно осуждать Бонапарте въ системѣ его правленія; однакожь надобно согласиться, что онъ имѣетъ рѣдкой талантъ повелѣвать людьми и государствами. —

Читая съ удовольствіемъ сіе *изображеніе Республики*, мы замѣтили двѣ мысли, кошорыя не всякому покажутся справедливыми. Бонапарте говоритъ, что Англія одна безъ союзниковъ не можетъ нынѣ прошившись Франціи: на сухомъ пути, такъ; но Великобританія есть морская держава, и сражается на моряхъ, гдѣ всѣ соединенные флоты Европы не могли бы безъ дерзости вступить въ бой съ ея непобѣдимымъ флотомъ. Не справедливо ли будетъ сказать, что нынѣ одна только Англія въ силахъ воевать съ Французами безъ союзниковъ? Она всегда, когда захочетъ, можетъ опиять ихъ колоніи и запереть гавани; правда, что и ничего болѣе не сдѣлаетъ. Давно уже Францію сравниваютъ со львомъ, а Великобританію съ китомъ: одинъ грозенъ на берегу, а другой на волнахъ; они взаимною злобою своею не причиняютъ большаго вреда другъ другу. — Вторая мысль Консулова, нами замѣченная, рѣшитъ важный вопросъ государственной Морали о пользѣ роскоши: онъ явно возбуждаетъ къ ней Французовъ, для успѣха Ліонскихъ фабрикъ!! Жаль, что нѣтъ уже на свѣтѣ Дидроша и его товарищей *Философовъ*: какъ они обрадовались бы сему мнѣнію, основанному на ихъ системѣ! Обширность и важность предмета не доз-

воляющѣ намѣ вошупишь здѣсь въ его изслѣдованіе; скажемѣ только одно: есѣли роскошь не совмѣстна съ чистыми нравами людей, то хорошо ли Законодателью ободрять ее? можешѣ ли частное добро перевѣситѣ общій вредѣ? Въ Брешии многіе люди питаются щѣмѣ, что дѣлающѣ прекрасные ножи и кинжалы; но зная, что Италіянскіе Бандиты по большой части тамѣ запасаются смертоноснымѣ оружіемѣ своимѣ, доброй человѣкъ не можешѣ любить Брешианскихѣ фабрикѣ. Нравы должны быѣть основаніемѣ и частнаго и государственнаго щастія; а мы сомнѣваемся въ благонравіи роскошной жены и мащери. Когда умѣренность справедливо называется добродѣтелью, то роскошь есѣтъ вѣрно порокъ. Ошибки въ системахѣ Писателя и Правителя имѣющѣ не одинакія слѣдствія: Дидротѣ былѣ смѣшенѣ, утверждая, что мотѣ гораздо благодѣтельнѣе того человека, который питаетѣ нищихѣ; но Бонапарте законодатель милліоновѣ!

Маршѣ 1803.

VIII.

О В Ы С А Д К ѣ.

Можно сказать, что Европа имѣетъ нынѣ только одну мысль: всѣ умы занимаются Французскою высадкою, для которой благопріятное время наступаетъ. Извѣстно, что въ Октябрѣ и въ Ноябрь мѣсяцѣ свирѣпствуютъ юго-западные бурные вѣтры, которые могутъ разсѣять флоты Англійскіе; гавани Республики, теперь *осажденные* ими, будутъ свободны, и Французы, пользуясь щасливою минутою, выдутъ въ море — такъ пишутъ въ Вѣдомостяхъ; такъ думаютъ не только Журналисты и частные люди, но (какъ увѣряютъ насъ) и самые Министры. Спрашныя приговоренія Французовъ увѣрили Европу, что Консулъ дѣйствительно и непремѣнно хочетъ завоевать Великобританію. Франція вездѣ представляетъ картину ревностной, неуспяной воинской дѣятельности. Дороги усеяны войсками, которые спѣшатъ изъ всѣхъ Департаментовъ къ западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Республики; большая часть лѣсовъ вырублена; на всѣхъ рѣкахъ строятъ лодки и суда; въ арсеналахъ день и ночь шрудится около 300,000 работниковъ. Уже Бонапарте назначилъ

Адмирала: Брюи (который нѣкогда весьма щасливо *уходилъ* на моряхъ отъ Англичанъ и привелъ въ Брестъ флотъ Гишпанскій) долженъ командовать *народною флотилліею*, распустилъ флагъ свой въ Кале, и въ торжественной прокламаціи говоритъ Республиканцамъ: «Уже гремишь вопль мщенія. День ужасный гоповишься. Благопріятный вѣтръ въ нѣсколько часовъ поставитъ васъ на берега Англій!» — 180,000 Французовъ собирается въ разныхъ лагеряхъ для высадки. Главная кваршира въ Геншѣ, куда Консулъ немедленно опправится, чтобы, находясь въ центрѣ войскъ, управлять ихъ движеніями. Одни увѣрены, что Бонапарте хочетъ самъ командовать экспедиціею; а другіе думаютъ, что онъ останется на берегу, въ ожиданіи успѣха, и поручитъ армію Массенѣ или другому Генералу. О Моро не говорятъ ни слова. Консульская гвардія выступаетъ въ походъ... «Если первая экспедиція не удастся (пишутъ изъ Франціи), то мы опправимъ вторую, а за нею и шрешью армію»... Это легко сказать, а не сдѣлать; первая удача или неудача должна все рѣшить... Между тѣмъ признаемся, что намъ и нынѣ не хотѣлось бы еще вѣрить сему гигантскому предпріятію. Не уже ли умъ Консула можетъ

быть такъ ослѣпленъ желаніемъ мести? Донынѣ онъ во всемъ, или почти во всемъ, имѣлъ успѣхи; но *Фортуна женщина*, говорятъ мудрые. Дерзость бываетъ спасительна только въ крайности: а Франція сильна и велика. Намъ всегда казалось, что мстительность не входитъ въ здравую Политику. Британцы ненавидятъ величіе Франціи, зная, что ихъ паденіе неминуемо, если Республика удержится на той степені могущества, на которую поставилъ ее Бонапарте. Сія ненависть должна ему казаться естественною и даже справедливою, будучи основана на патриотизмѣ. Если онъ сохранилъ настоящую силу и вліяніе Франціи на швердой землѣ, то безъ всякихъ отважныхъ предпріятій въ нѣсколько лѣтъ побѣдитъ Англичанъ. Самовластіе ихъ на моряхъ оскорбляетъ всѣ Державы: рано или поздно онъ можетъ прибѣгнуть къ чему нибудь рѣшительному — можетъ наконецъ затворить свои гавани для Англичанъ, тѣмъ охотнѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе Консулы уважали бы достоинство неутраченныхъ государствъ и независимость Европы. Пусть Великобританія царствуетъ въ Индіи и владѣетъ всеми островами на свѣтѣ: ежели не будутъ пускаемыя корабли черезъ Зундъ, то она, уже почти совсѣмъ отрѣзанная отъ

тожной Европы, безъ сомнѣнія смиришь гордость свою и захочешь мира, чтобы Индѣйскіе и Американскіе повары не сгнили въ Лондонскихъ магазинахъ и фабрики ея не остались безъ дѣла. Тогда Бонапарте восторжествовалъ бы совершенно, и гордые враги его признали бы *свободу морей*, которую онъ общаетъ доставивъ свѣту своею грозною высадкою. Но для ускоренія сей щасливой эпохи ему не надлежало бы вводить войска въ Ганноверъ и наказывать Германію за Англичанъ: дѣйствіе силы, оскорбительное для всѣхъ друзей справедливости — и для самыхъ Кабинетовъ, какъ надобно думать!

Мы удивляемся, что нѣкоторые Политики съ такою легкостью говорятъ о возможности завоевать Англію. Какое государство исчезло вдругъ, будучи, подобно Великобританіи, на высочайшей степеніи величія? Народы такъ скоро не переходятъ отъ славы къ рабству, — отъ славы, которая доказываетъ силу ихъ духа. 17,000 Англичанъ завоевали Египетъ, гдѣ было столько же Французскаго войска, и при томъ отборнаго: слѣдственно они умѣютъ и на землѣ сражаться. 50,000 человекъ милиціи, столько же регулярнаго войска и полмилліона волонтеровъ не положатъ ружья передъ

Консуломъ, когда имъ надобно будетъ спасти опечесство и народную независимось. Такой арміи еще никто не побѣждалъ опъ начала міра. Не только Каналъ, но и берегъ Англіи по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ бытъ могилою для Франгузовъ. Иное дѣло, естли бы удалось имъ 40 или 50 тысячъ высадишь на берега Ирландіи: сіе войско оспалось бы безъ сообщенія съ Франціею, но легко могло бы выгнать опшуда Англичанъ, кошорыхъ ненавидящъ Ирландцы. Сія страна естъ нынѣ самая несчастная на земномъ шарѣ, будучи теапрому ужаса, казней, оспервененія заговорщиковъ и хотя необходимыхъ, но печальныхъ мѣръ спрогого воинскаго правленія. Никто изъ жишелей не увѣренъ въ своей безопасности; доносы и подозрѣніе наполняющъ шюрмы опцами семействъ; въ домахъ безпрестанные осмошры; солдапы шшыками опворяющъ дверь въ кабинеты и въ спальни самыхъ знаменитыхъ гражданъ, кошорымъ дозволяется выходишь изъ дому единшвенно въ назначенное для того время. Естли Бонапарте въ самомъ дѣлѣ хочетъ опсважись на высадку, то всего вѣроятнѣе, что не Англія, а Ирландія будетъ ея предметомъ.

Но точно ли онъ иметъ сіе намѣреніе? Не хочетъ ли единшвенно того,

чтобы Англія, безпрестанно ожидая Французовъ, истощала казну на содержаніе многочисленной арміи, изнуряла народъ подашми и не предпринимала важныхъ экспедицій? Въ такомъ случаѣ хвала и слава его хитрости: ибо ему удалось обмануть не только Гакесбури съ Аддингтономъ, но и всю Европу. Напряженіе силъ, въ кошоромъ видимъ теперь Англію, вредно для ея торговли и промышленности; еспьли оно еще долго не прекратится, то народъ безъ сомнѣнія захочетъ мира: чего только, можетъ бытъ, и желаетъ Консулъ.

Окш. 1803.

О
МОСКОВСКОМЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІИ

1802 года.

14 Октября, въ исходѣ вшораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе, которое продолжалось секундъ двадцать и состояло въ двухъ ударахъ или движеніяхъ. Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣрѣ (сколько можно судить по рассказамъ) на Трубѣ, Рождественкѣ и за Яузою. Въ иныхъ мѣстахъ его совсѣмъ не примѣтили. Оно не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба (въ Городской Часни) оказались щрещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинѣ съ окружности. Такія землетрясенія называющіяся въ Физикѣ *колебательными* (*) (*tremblement de terre*)

(*) Ихъ раздѣляютъ на три рода: одно колеблетъ землю, другое разрываетъ ее, шреще извергаетъ пламя.

d'oscillation). Удары были чувствительны въ высокихъ домахъ; почти во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ столы и стулья. Многие люди, не въря глазамъ, вообразили, что у нихъ кружится голова. Работники, бывшіе на Спаской башнѣ, увѣряющъ, что стѣны ея тряслися. Тѣ, которые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясеніе. Оно не есть новое и чрезвычайное явленіе въ нашемъ климатѣ, какъ нѣкоторые думаютъ; земли, лежащія еще гораздо ближе къ сѣверу, бывающъ ему подвержены. Лѣтописи наши говорятъ о землетрясеніи, которое случилось въ Москвѣ при Князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ (въ самый шотъ день, какъ Ханъ Татарскій опустилъ его изъ плѣна), и которое ужаснуло народъ: ибо онъ, по невѣжеству и суевѣрію, вообразилъ, что сей естественный случай предзнаменуетъ государственныя бѣдствія: какъ будто бы тогдашняя Москва еще мало спрадала, видя Князя своего въ безчестномъ плѣну, Татаръ властелинами Россіи, все отечество въ горести, и бывъ за три мѣсяца передъ тѣмъ жертвою пламени, которое всѣ дома ея обратило въ кучу пепла! Достойно замѣчанія, что и тогда землетря-

сеніе случилось въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и также послѣ весьма жаркаго лѣта и засухѣ, какія были у насъ въ нынѣшній годѣ. Сіи два происшествія раздѣлены премою вѣками съ половиною: слѣдственно можемъ надѣяться, что и впредь столько же времени пройдетъ въ Москвѣ безъ порыва сихъ воздушныхъ массъ, заключенныхъ во глубинѣ земли, которыхъ (по мнѣнію Физиковъ), будучи тѣсными огнемъ, съ бурнымъ стремленіемъ ищущъ себѣ выхода. Поблагодаримъ судьбу, удалившую насъ отъ средоточія Вулкановъ! Вообразимъ жителей острововъ Анхильскихъ, Филиппинскихъ, Архипелага, Сициліи, особливо Японіи: тамъ землетрясеніе почти столько же обыкновенно, какъ у насъ сильная гроза лѣтомъ; но они спокойно наслаждаются жизнію! Таковы люди: привычка дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ самымъ ужасамъ Натуры.

Теперь съ любопытствомъ ожидаемъ извѣстій изъ чужихъ краевъ: вѣроятно, что Московское легкое землетрясеніе было только эхомъ какого нибудь сильнаго въ другомъ мѣстѣ. Иногда двѣ части міра вдругъ шепещутъ на своемъ основаніи: такъ Лиссабонское землетрясеніе ошдалось въ Америкѣ; но удары имѣютъ всегда одинъ центръ. Надобно знать, что во глубинѣ земли есть пу-

сплошны или каналы, которые идутъ въ разныя стороны, но имѣющъ сообщеніе между собою: въ нихъ-то свирѣпствуеѣтъ воспаленный воздухъ, разливаясь какъ огненное море, и въ одну минуѣ дѣйствуя на великомъ пространствѣ.

Замѣчено, что землетрясенія бывающъ осенью чаще, нежели въ другое время года, и ночью, а не днемъ: Московское въ 1445 году случилось по лѣтописямъ въ самую полночь, а нынѣшнее удалилось отъ правила. — Замѣчено также, что въ годы сихъ феноменовъ зимы бывающъ не холодны, а лѣта плодородны.

Густой и непрерывный шуманъ, который у насъ до сего дня (*) продолжается, есть совсѣмъ необыкновенное явленіе и конечно имѣеѣтъ связь съ землетрясеніемъ. Любопытно знать, произвело ли оно какое нибудь дѣйствіе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторыя ручьи, не явились ли новыя, не поднялись ли рѣки, и проч.: что обыкновенно бываеѣтъ слѣдствіемъ самыхъ легкихъ потрясеній.

(*) Писано 18 Октября.

ПРІЯТНЫЯ ВИДЫ, НАДЕЖДЫ И
ЖЕЛАНІЯ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

Писано въ 1802 году.

Всѣ шѣ, которые имѣютъ щастіе мыслить и судяшѣ безпристрастно, должны согласиться, что никакое время не обѣщало столько политическаго и нравственнаго благоденствія Европѣ, какъ наше. Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недоспѣшкахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что самое Турецкое правленіе лучше анархіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ государственныхъ потрясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочѣтъ предписывать новые законы нравственному и политическому міру, должны оспариваться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими, болѣе

или менѣе любопышными произведеніями оспроумія; что учрежденія древности имѣющѣ магическую силу, которая не можетѣ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ Правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствию времени и къ мудрости Властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя.

То есть, Французская Революція, грозившая испровергнуть всѣ Правительства, утвердила ихъ. Если бѣдствія рода человеческого въ какомъ нибудь смыслѣ могутѣ назваться благодѣтельными, то симъ благодѣніемъ мы конечно обязаны Революціи. Теперь гражданскія Начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума.

Съ самой половины осьмага-надесять вѣка всѣ необыкновенные умы спрассно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были, въ нѣкошоромъ смыслѣ, врагами насшоящаго, теряясь въ лесныхъ мечшахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствіе; люди скучали, и жаловались отъ скуки; видѣли

одно зло, и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякой изъ насъ возвратился домой, благодарить Небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ!

Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами Властиителей, и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новоспяхъ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ.

Съ другой стороны Правительсва чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Почти на всѣхъ пронахъ Европы видимъ юныхъ Государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы: Правительсва, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ общесва. Революція обѣщала равенство состояній: Государь, вмѣсто сей химеры, старается, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи могъ быть доволенъ; чтобы ни которое не было презрительнымъ, или угнетеннымъ.

Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый человекъ не можетъ наслаждаться безопасностію? Свирѣпствуетъ ли гдѣ ни-будь пиранство въ Европѣ, естли исключимъ Турецію? Не вездѣ ли общаются Научамъ покровительство? Не вездѣ ли Начальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности; которое образуетъ мудрыхъ Министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, раждая чувства патриотизма, чести, народной гордости; и безъ котораго люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону. Будучи, такъ сказать, въ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которые дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и могутъ чувствовать только одну потребность: *благотворить*, и смотря на всякаго гражданина, думая: «я заслужилъ любовь его!»

Въ самой Липпершурѣ, которая споль сильно дѣйствуетъ на умы, видимъ мы полезное сдѣланіе Революціи. Прежде

сей эпохи всякая дерзкая книга была модною: нынѣ, напрошивъ того, Писатели бояшся оскорбить нравственность, ибо передъ всякимъ жива карпина бѣдшвій, произведенныхъ во Франціи развратомъ; даже въ самыхъ дурныхъ романахъ соблюдается какая-то благопристойность и уваженіе къ святынямъ нравовъ: ибо сего требуетъ щастливое расположение умовъ и сердецъ. Вольтеръ не могъ бы нынѣ прославиться нѣкоторыми насмѣшками, Буланже педанствомъ, Ламетри безуміемъ. Липшерашура, болѣе нежели когда нибудь способствуя истинному просвѣщенію, обратилась нынѣ къ утвржденію въ насъ общественныхъ связей.

Дружественный союзъ народовъ, благопріятствуя взаимному сообщенію великихъ умовъ, подаетъ справедливую надежду, что Науки обогащаются еще открытіями новыхъ феноменовъ или слѣдшвій, новыхъ отношеній любопытства къ пользѣ, которая есть истинное совершенство учености. Науки физическія еще далеки отъ своихъ крайнихъ предѣловъ; Нашура имѣетъ много таинственнаго; время и опыты могутъ снять еще многіе покровы и завѣсы на ея необозримой сценѣ... И не только физическія Науки, но и самая Мораль открываетъ

обширное поле для новыхъ соображеній ко благу людей. Мы несравненно богатѣе Древнихъ идеями и знаніемъ человѣческаго сердца; однакожь не истощили нравственныхъ наблюденій, и не всѣми извѣстными воспользовались для ушверженія своихъ понятій о человѣкѣ и способахъ щастія, которое должно быть главною наукою человѣчества, и котораго не могушъ дать сердцу самыя мудрѣйшія Правительства: ибо оно есть дѣло судьбы, ума и характера.

Взоръ Рускаго Папріюша, собравъ пріятныя черпы въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими Европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благошвореніями человѣколюбиваго Монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ Полишиѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италіанская война доказала міру, что Колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія Державы шрепешали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно. Довольная своимъ пространствомъ, естественными сокро-

вищами и милліонами жителей; не имѣя ни въ чемъ совмѣстниковъ, не желая ни чьей гибели, не боясь никакой Державы, не боясь даже и союзовъ противъ себя (ибо они не согласны съ особенными выгодами государствъ въ отношеніи къ ней), она можетъ презирать обыкновенныя хитроси Дипломатики, и Судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ.

Главнымъ, важнѣйшимъ благомъ въ ея внутреннемъ состояніи назову я...нынѣшнее общее спокойствіе сердецъ; оно всего дороже и милѣе; оно есть вѣрное доказательство мудрости Начальства въ гражданскомъ порядкѣ. Съ другой стороны другіе люди и Патриоты съ радостію видятъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе свѣтлѣетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разумъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ Россіянъ возвышается. Не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ находимъ между благородными достойныхъ Членовъ Государства, знающихъ его потребности, судящихъ справедливо о людяхъ и дѣйствіяхъ. Наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли, но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дво-

рлянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ. Кшо изъ насъ не имѣлъ случая удивляясь ихъ любопытству, здравому разсудку и патріотическимъ идеямъ? Они чувствуютъ болѣе, нежели когда нибудь, важность правъ своихъ, и никому не завидуютъ. Сельское трудолюбіе награждается нынѣ щедрѣе прежняго въ Россіи, и чужестранные Писатели, которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ несчастливы, удивились бы, если бы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ; видѣть такъ называемыхъ *рабовъ* входящихъ въ самыя торговля предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть пиранская и неограниченная. Россійской дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и Нашуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлю: вотъ его право!

Но Патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ; любовь къ отечеству есть

дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая спрась; и жалѣя о шѣхъ людяхъ, которые смошряшѣ на вещи шолько съ дурной стороны, не видяшѣ никогда хорошаго, и вѣчно жалуясь, мы не хошимъ впась и вѣ другую крайность; не хошимъ увѣрять себя, что Россія находитъся уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нѣшѣ, мудрое Правленіе наше шѣмъ шасшливѣе, что оно можетъ сдѣлать еще много добра отечеству.

На примѣрѣ (не говоря о другомъ): какимъ великимъ дѣломъ украсишь еще вѣкъ Александровъ, когда исполнись Монаршая воля Его; когда будемъ имѣть полное, мешодическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ? Я не удивляюсь (какъ нѣкоторые), что законы Ярославовы цѣнили деньгами убійство и вооружали родшвенниковъ убишаго кинжаломъ меши; не удивляюсь, что Судебникъ Царя Іоанна велишѣ рѣшивъ сомнишельныя дѣла поединкомъ; не удивляюсь, что вѣ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича нѣшѣ философическихъ сеншенцій, и что Законодатель не предвидѣлъ случаевъ нашего времени: ибо знаю, что всѣ Европейскіе народы вѣ разныя эпохи имѣли шакіе же несовершенные законы, какъ и мы. *Правда*

Ярославова есть Кодексъ всѣхъ Сѣверныхъ народовъ, разрушителей Римской Имперіи и завоевателей Европы. Судебникъ Іоанновъ ознаменованъ печатію среднихъ вѣковъ, когда духъ рыцарства и живая вѣра къ праведнымъ дѣйствіямъ Неба ввели въ законное обыкновеніе поединокъ. Авторы Уложенія знали уже, какъ видно, Іустиніановъ Кодексъ, но имѣли у себя въ виду единственно тогдашнее состояніе Россіи. Указы Ошца Отечества, Императрицы Анны, Елисаветы, особливо Екатерины Великой, рѣшавъ всѣ важнѣйшіе вопросы о людяхъ и вещахъ въ порядкѣ гражданскомъ: нужна только философическая метода для расположенія предметовъ; но совершеніе сего дѣла будетъ славно для Монарха и государства. Метода и порядковъ заключающъ въ себѣ какую-то особенную силу для разума, и судья, обнимая однимъ взоромъ систему законовъ, удобнѣе впечатлѣваетъ ихъ въ душу свою. Тогда мы не позавидуемъ Фридрихову (вновь исправленному) Кодексу; не позавидуемъ умному плану Французскаго, и пожалѣемъ объ Англичанахъ, которыхъ судилища безпрестанно запутываются въ лабиринтъ несогласныхъ установленій (writs), служащихъ имъ правиломъ. Великая Екатерина даровала

намъ систему полипическихъ уставовъ, опредѣляющихъ права и отношенія сословія къ государству. Александръ даруетъ намъ систему гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою. Тогда законодѣніе будетъ наукою всѣхъ Россіянъ и войдетъ въ систему общаго воспитанія.

Мы упомянули о воспитаніи: можно сказать, что дѣти у насъ воспитывающіяся лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патристическое сердце? Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называющъ свѣтъ бурнымъ Океаномъ: но щасливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для щастія. Хорошо, еслили отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо Натура даетъ общу такія права на юное сердце, какихъ

никшо другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ
 родителемъ заниматься дѣтьми? по боль-
 шой части свѣтская разсѣянность, дѣй-
 ствіе полу-просвѣщенія въ людяхъ и въ го-
 сударствахъ. Взглянемъ на великихъ му-
 жей, одаренныхъ превосходными таланта-
 ми ума: всѣ они — не знаю, будетъ ли ис-
 ключеніе — всѣ они, говорю, любящъ
 семейственныя удовольствія. Взглянемъ
 и на самые народы: Англія есть безъ
 сомнѣнія просвѣщенѣйшая земля въ Ев-
 ропѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются
 столько пріятностями тихой домашней
 жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣ-
 нитъ удовольствія и выбираетъ лучшія:
 а могутъ ли ничтожныя свѣтскія забавы
 сравняться съ нѣжными чувствами суп-
 руга и родителя, который, давъ жизнь
 дѣтямъ, даетъ имъ и мысли и чувства;
 ежедневно видитъ развитіе души ихъ,
 веселился ими какъ своею милою соб-
 ственностію и готовитъ свѣту *украшен-*
ные нравственные образы самага себя? Со-
 вершенное просвѣщеніе находитъ сред-
 ство наслаждаться временемъ, а несовер-
 шенное хочетъ только избавляться отъ
 него: дикой Американецъ отъ скуки цѣ-
 лый день качается на вѣшняхъ — Евро-
 пеецъ, презирая его невѣжество, отъ ску-
 ки бѣжитъ изъ дому — играетъ въ кар-
 ты! Дни летящъ, и онъ доволенъ; но съ

ними лешишь и жизнь — спаросить съ болѣзнію приходишь къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ *поселиться дома*. Новыя привычки шягосшны наканунѣ смерти! Нѣжный отецъ семейства не знаетъ по крайней мѣрѣ сей шягосши; живѣ всегда дома, не имѣешь нужды привыкать въ спароси къ кабинету, и на что ни взглянешъ вокругъ себя, вездѣ находишь ушѣшительныя воспоминанія; всякой бездушнѣ предметъ есть для него старой другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь не равное право на любовь и благодарность дѣшей имѣють два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составяшь для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ немъ заранѣ!... Я говорилъ только о щастіи занимаешь воспитаніемъ дѣшей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образоватъ достойныхъ сыновъ отечества. Въ Республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда

нѣжный сынъ отечества, съ судьбою кошораго соединена участь дѣшей его. — Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, инспишушы и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ занимаясь не только воспитаніемъ дѣшей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спасенія отъ бѣдности, и къ самымъ незаконнымъ; онъ скорѣе другаго можетъ пришленишь своихъ крестьянъ, и пишая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманывать честныхъ заимодавцевъ; довѣренность испробляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы не рѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Вечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! Хотя бы удивилъ иностранцевъ; хотя бы далъ имъ выгодную идею о

нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи... Усердные любители ошечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патристическихъ усилій, отъ пятидесяти *сюрпризовъ* въ одинъ вечеръ, и даже отъ Французскихъ куплетовъ; она пребуеъ отъ васъ одной разсудительности, честности, одиъхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; пребуеъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мощовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вопъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! — Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню, бышь свидѣтелями шрудныхъ сельскихъ работъ и видѣшь, чего стоишь каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расшочительности, плащаей сто рублей за ананасъ для десерта. «Но богатшвомъ должно пользоваться?» Безъ сомнѣнія. Во первыхъ, заплашите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, ештли можно, въ лучшее состояніе; а потомъ оставъше ошечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будъше опцами бѣдныхъ и превращите въ нихъ чувство зависши въ чувство любви и благодарности; ободрайте

земледѣіе, торговлю, промышленность; способствуя удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть эшотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодареніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнью и наслаждаться богатствомъ!»

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ Россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Фемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога Искусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и счастье отечества должны быть имъ особенно драгоценны; слава государствъ бываетъ различная, счастье ихъ есть *сложное*. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, Ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благошворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. — Россіяне одарены отъ

Природы всѣмъ, что возводитъ народы
на высочайшую степень гражданскаго
величія: умомъ и твердымъ мужествомъ.
Мы спѣшимъ къ цѣли — и обращая
взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіяны
Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина,
смѣло надѣмся, что между сею блес-
стящею цѣлію и нами скоро не будетъ
уже ни одного Европейскаго народа.

Не желаю быть мечшашелемъ; но въ
царствованіе Александра могутъ ли
добрыя желанія и патристическія наде-
жды быть мечшами?

ИЗВѢСТІЕ

О МАРѢ ПОСАДНИЦѢ, взятое изъ житія Св. Зосимы.

Женщины во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ жили болѣе для семейственнаго счастья, нежели для славы: мудрено ли, что ихъ имена рѣдки въ Исторіи? Чѣмъ ближе народъ къ простотѣ естественной, тѣмъ менѣе вліянія имѣютъ онѣ на политическую судьбу его. Не одно воспитаніе опредѣляетъ скромную жизнь ихъ: сама Природа хотѣла того, давъ имъ нѣжное сердце, чувствительныя нервы, робость, спѣдливость и болѣзни. Мы видимъ цѣль ея: кому нибудь надлежало поручить воспитаніе и храненіе младенцевъ. Однакожь Природа любитъ иногда чрезвычайности, отходитъ отъ своего обыкновеннаго закона и даетъ женщинамъ характеры, которые выводятъ ихъ изъ домашней неизвѣстности на театръ народный, не только въ справахъ просвѣщенныхъ, гдѣ Искусство во

многѡмъ измѣняешъ Нашуру, но и въ самомъ почши дикѡмъ состояніи людей. Такимъ образомъ и *старая Русь* являешъ намъ примѣры нѣкоторыхъ славныхъ женщинъ — весьма не многихъ, но по тому еще болѣе достойныхъ вниманія нашего.

И безъ сказки, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы*, всѣ мы знали, что Марѣа Посадница была чрезвычайная, рѣдкая женщина, умѣвъ присвоить себѣ власть надъ гражданами въ такой Республикѣ, гдѣ женщинъ только любили, а не слушались. Есльи бы современные лѣтописцы разумѣли, что такое Исторія, и что важно въ ней для потомства, то они конечно постарались бы собрать для насъ всѣ возможные извѣстія о Марѣѣ; но не ихъ дѣло было цѣнить характеры. Въ сказкахъ, въ пѣсняхъ и въ преданіяхъ осталось болѣе слѣдовъ ея, нежели въ лѣтописяхъ. Тѣмъ любопытнѣе показалось намъ въ Житіи Св. Зосимы слѣдующее извѣстіе о Посадницѣ, которое выписываемъ здѣсь для Читателей:

Обширныя владѣнія Новгородскія простирались на сѣверъ до рѣки Двины и Бѣлаго моря. Бояре и Вельможи сей Республики имѣли знатныя помѣстья въ нынѣшней Архангельской Губерніи. Люди ихъ часто бывали, для рыбной ловли, на

оспировѣ Соловецкомѣ, и наглымъ образомъ оскорбляли монаховъ памошней новой обищели. Зосима, начальникъ ея, приѣхавъ въ Новгородъ и пребовавъ защиты отъ Теофила. Ошвѣтивъ сего Архіепископа достоинъ примѣчанія, извѣвляя великое уваженіе Духовныхъ властей къ тогдашнему Новгородскому Правительству: «я гошовъ помогать монашырю швоему, но не могу ничего сдѣлать безъ воли Боярѣ *нагальныхъ*» — и свяшый мужъ, безъ сомнѣнія узнавъ о могуществѣ Марѣы, *великой Болярыни града*, просилъ ея заступленія. Она имѣла деревни въ *землѣ Корельской*: рабы ея, вмѣстѣ съ другими часто обижавъ Соловецкихъ монаховъ и боясь допустить Зосиму къ спрогой госпожѣ своей, оклеветали его передъ нею, такъ, что Марѣа велѣла выгнать старца изъ дому: черта, кошорая не доказываетъ опмѣннаго ея Христіанскаго благочестія. Но Бояре Новгородскіе обошлись съ нимъ ласковѣе, выслушали его справедливыя жалобы, обѣщали покровительство Соловецкой обищели, и вывели Марѣу изъ заблужденія на счетъ характера Св. Зосимы. Сія пылкая женщина, ушпыдясь своей несправедливости, рѣшилась загладить ее блестящимъ образомъ — дала великолѣпный обѣдъ — пригласила знаменитѣйшихъ Боярѣ Но-

вогородскихъ и Зосиму — вспрѣшила его съ великими знаками уваженія — посадила за сшоломъ въ *первомъ мѣстѣ*, угощала съ ласкою, и желая превзойши щедростію всѣхъ Боярѣ (которые одарили святаго мужа богатыми церковными сосудами и ризами), ошдала Соловецкому монастырю большую деревню на рѣкѣ Сумѣ. — Зосима получилъ отъ Совѣща Новгородскаго грамошу на *владѣніе островомъ*, съ приложеніемъ осьми оловянныхъ печашей: Архіепископской, Посадничей, *Тысящегальнитеской* и *пяти Концовъ города*. Если сія грамоша донинѣ сохранилась въ архивѣ Соловецкаго монастыря, то она должна бытъ драгоцѣнна для Историка Россіи, кошорый можетъ найти въ ней имена послѣднихъ народныхъ чиновниковъ Новгородскихъ: ибо, скоро по возвращеніи Угодника въ Соловецкую обитель, Князь Иванъ Васильевичъ объявилъ войну сей Республикѣ и навѣки уничтожилъ ее. Чудеса не принадлежатъ къ Исторіи; однакожь упомянемъ здѣсь о пророчествѣ Св. Зосимы. Выгнанный въ первый разъ гордою Посадницею, онъ сказалъ ученикамъ своимъ: «скоро, скоро сей домъ опустѣетъ и дворъ его заросшетъ травою!» что и въ самомъ дѣлѣ совершилось. Родъ Борецкихъ погибъ съ Республикою; домъ Марѣинъ опустѣлъ — но

донинѣ еще показывающѣ въ Новѣгородѣ мѣсто его (*). — —

Оставляя Марфу, извѣдимъ желаніе, чѣобы когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галлерію Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи или досшойныхъ сей чести. Въ разсужденіи древности благоразумный Авторъ ограничитъ себя Несторомъ и не вздумаетъ начать — на примѣръ — съ Томирисы, Скиѣской Царицы, кошорая, ешлы въришь Геродоту и Діодору Сицилійскому, приковала къ кресту нещаснаго Кира. Предки наши Славяне были конечно Скиѣскаго племени; но ешлы дозволимъ себѣ восходить такимъ образомъ въ Исторіи народовъ, шо доберемся наконецъ до Адама и должны будемъ говорить объ Евѣ какъ о первой знаменишой Россіянкѣ. Нѣшъ, *галлерія* наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе Греческой Княжны Софіи, супруги Князя Іоанна, (кошорой

(*) Другое чудо, описанное въ Житіи сего Угодника, заставляетъ думать, что Князь Иванъ Васильевичъ не простилъ тогда знавшихъ Нового-родцевъ, какъ говорятъ наши лѣтописи. Св. Зосима, взглянувъ на шесть главныхъ чиновниковъ, вышъ съ нимъ обдавшихъ у Марѣы, увидѣлъ ихъ сидящихъ безъ головъ. Авторъ Житія прибавляетъ, что сіи шесть чиновниковъ были послѣ казнены Московскимъ Княземъ.

Россія обязана первыми искрами просвѣщенія *) — матери Царя Ивана Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной — первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи — Маріи Годуновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его подозрительнаго характера — и прогашельной, невинной Ксеніи. — Правда, что Рускіе лѣтописцы, въ которыхъ должно искать матеріаловъ для сихъ біографій, крайне скупы на подробности; однакожь умъ внимательный, одаренный историческою догадкою, можетъ дополнять недосытки соображеніемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ нибудь монументѣ старую Греческую надпись, по двумъ буквамъ угадываетъ прещью, изглаженную временемъ, и не ошибается. — Новѣйшая Руская Исторія имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наменуемъ изъ нихъ Нашалю Кириловну, дочь бѣднаго дворянина, и Царицу Россіи, и мать Петра Великаго, въ дѣвическомъ уединенномъ перемѣ и въ царскихъ чертогахъ равно смиренную, крошкую, добродѣтельную, такъ, что никакой микроскопъ исторической

*) Съ нею пріѣхали изъ Италіи многіе ученые Греки, которые остались въ Россіи.

спрогоспи не открываешь въ ея жизни ни малѣйшаго пятна — Софію, почти великую, — умомъ славу Россіянокъ, духомъ сестру Петрову, сердцемъ женщину, но любезную — Екатерину I, по великодушному характеру достойную блестящей судьбы ея, чудесной и романтической. Не знаю, дозволишь ли Полишика въ наше время Философу-Историку свободно и торжественно судить царствования Анны и Елисаветы; но умный живописецъ-Авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представить Ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Должно отличить сердце Анны отъ Ея спрогого правленія: какъ женщина, Она была умна и добродушна (по рассказамъ нашихъ оцъ и всѣмъ извѣстіямъ чужестранцевъ); какъ Государыня — имѣла несчастіе уважать Бирона (*), но имѣла достоинство огорчаться его жестокоствію. Имя Елисаветы напоминаетъ — есѣли не чрезвычайныя, великія дѣла, то по крайней мѣрѣ веселый Дворъ и щастливое царствование, которое послѣ бывшихъ спрогостей казалось весьма человѣколюбивымъ. Россія на первыхъ

(*) Патристическая Исторія рано или поздно воздастъ ему по дѣламъ его. Къ щастію онъ былъ не Руской!

мѣстахъ государственныхъ увидѣла опять Рускихъ, снова слышала вокругъ трона любезный языкъ свой, отдохнула и ожи-вилась. При Елисаветѣ родилась и поржесествовала наша Поэзія. Щасли-вая пѣсня дѣлала щастье спихотворца, и какая-то нѣжность была общимъ ха-рактеромъ Двора Государыни мягкосер-дечной, не хотѣвшей наказывать смер-тію и самыхъ злыхъ преступниковъ. Довольно для пріятной каршины! — На-конецъ не на одномъ тронѣ Сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: онъ вспомнилъ, на примѣръ, сію Графиню Головкину, которая добро-вольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мершвымъ пѣ-ломъ супруга. Такое геройство супруж-ской любви давно бы прославлено было въ пѣломъ свѣтѣ, если бы Рускіе умѣли и любили хвалиться добродѣтелями Ру-скихъ. Однимъ словомъ, *галлерей славныхъ Россіянокъ* можетъ быть весьма пріятнымъ сочиненіемъ, если Авторъ, имѣя та-лантъ и вкусъ, изобразитъ лица жи-выми красками любви къ женскому полу и къ отечеству. Нужно ли сказывать, кому надлежало бы приписать такое со-чиненіе *въ наше время?*

О РУСКОЙ ГРАММАТИКѢ ФРАНЦУЗА
МОДРЮ.

Вошѣ любопытный феноменѣ! Руская Грамматики, сочиненная Французомѣ, и напечатанная въ Парижѣ со всею Дидо-повскою чистотою и красавостію, чшобы заманишѣ Республиканцевѣ въ лабиринтѣ нашего языка! Гражданинѣ Модрю доказываетѣ имѣ, что они должны учитьсѣ ему какѣ для выгодѣ коммерціи, шакѣ и для лучшаго знанія самой Французской Грамматикѣ. *Мониторѣ* и *Декада* прославляющѣ ученостѣ сего шворенія; первый говоритѣ даже, что не многіе изѣ Рускихѣ знаютѣ шакѣ основательно языкѣ свой, какѣ знаетѣ его Гражданинѣ Модрю. Смирѣемсѣ въ духѣ передѣ Консульскимѣ Журналомѣ! Словесная ученостѣ Автора въ избыткѣ Греко-Латинно-Французскихѣ грамматическихѣ наименованій, старыхѣ и вновь имѣ изобрѣшенныхѣ, доходитѣ въ самомѣ дѣлѣ до варварствѣ! Но объясняющѣ ли черезѣ шо свойствѣ и правила языка? не думаю.

Модрю (какъ намъ сказывали) былъ въ Россіи училемъ, спрячимъ, купцомъ, даже Именишымъ Гражданиномъ, даже Гвардіи Напраломъ или Сержантомъ: онъ имѣлъ время и способъ изслѣдовать всѣ глубины и сгибы языка нашего! Будемъ признавательны: Г. Модрю хвалимъ его богатство, величество, силу, гармонию; замѣчаемъ въ немъ только нѣкоторую суровость, и, какъ Французъ, какъ вѣрный согражданинъ Президента Монтескье, приписываетъ ее климату. Изображая выгоды Рускаго языка, онъ находитъ великую въ возможности спавить слова, какъ хочешь. Это говорили и наши Грамматики; но справедливо ли? Миѣ кажется, что для перескавокъ въ Рускомъ языкѣ есть законъ; каждая даетъ фразѣ особенный смыслъ; и гдѣ надобно сказать: *солнце плодотворитъ землю*, тамъ: *землю плодотворитъ солнце*, или: *плодотворитъ солнце землю*, будетъ ошибкою. Лучшій, то есть истинный порядокъ всегда одинъ для расположенія словъ; Руская Грамматика не опредѣляетъ его: шѣмъ хуже для дурныхъ Писателей! и право ошибаться не есть выгода.

Г. Модрю почти съ восторгомъ говоримъ о нашихъ *уменьшительныхъ*, и находимъ ихъ даже въ глаголахъ: *поколотъ* есть для него *немножко уколотъ*!! —

Пусть угадаетъ Чипашель, какія слова прельщаютъ Автора своею силою и богатствомъ въ смыслѣ? *Тройка* и *гасовникъ*!! Имя *гасовникъ* переводитъ онъ такимъ образомъ: Livre qui contient les prières publiques et autres exercices de religion; эшо не переводъ имени, а толкованіе смысла. Развѣ Французское les heures не по же значитъ, что нашъ *гасовникъ* въ смыслѣ *молитвенника*?

Г. Модрю находитъ въ одномъ имени *временника* цѣлый пракшатъ о непосредствѣ придворнаго щасія... Эшо замѣчаніе имѣетъ свою цѣну, и мы согласны, что Руской *временникъ* лучше Французскаго *minion*. Но можемъ ли согласиться, чтобы слово *язычество* заключало въ себѣ потъ глубокой смыслъ, который онъ ему приписываетъ, говоря: «Рускіе видятъ во многобожїи *пустословіе*, и для того изъ слова *язычникъ*, означаящаго *пустомелю* или *болшуна* (!!), «они составили *язычество*?» Гражданинъ Модрю не знаетъ, что *языкъ* значитъ по-Славянски *народъ*, и что слово *язычество* такъ же образовано отъ имени народа, какъ Латынское *gentilitas* отъ *gens*.

Въ числѣ именъ сложныхъ, которыя ему нравятся и не нравятся, поставлены: *невѣстокрасительница*, *первстволюбца*!

Шляхетство, щенокъ и листокъ оскорбляють, а заимодавица и подаваю (je traite) плѣняють нѣжной слухъ его; первыя кажущся ему вдохновеніемъ сѣвернаго, а другія южнаго климата. Слово *гасподи* изображаетъ для него народную привычку Русскихъ (miséricorde !!); но скорбе можно укорять ею Нѣмцовъ, которые любятъ курить табакъ. Ласка *голубчикъ* есть, по мнѣнію Авшора, слѣдствіе нашей вѣры во Святаго Духа; а слово *братъ* и *братецъ* представляютъ ему важную истину: ту, что нѣкогда всѣ люди были въ Россіи братьями!! «Когда же развратились нравы, тогда знашныя «взяли себѣ имя *братецъ*, а *братъ* до-«сшался въ удѣлъ народу; одно есть знакъ «уваженія, а другое презрѣнія!!» Гражданинъ Модрю великъ нашимъ Историкамъ изслѣдовать, въ какое время произошло это различіе въ смыслъ *брата* и *братаца*. Задача трудная! не беремся рѣшить ее.

Онъ замѣчаетъ, что Рускіе говорятъ: *на войнѣ*, а Французы: *dans la guerre* — ошъ чего же такая розница въ предлогахъ? «Ошъ того, что Французы воображаютъ войну шолько мѣстомъ; а Рускіе Вулканомъ, огнедышущею горою: «это представляетъ картину!»... Модрю есть Грамматики-Поэты! но еще

болѣе Грамматики-Философа — какъ-то видно изъ слѣдующаго важнаго примѣчанія :

«Монархи въ Россіи имѣютъ неограниченную власть; но какъ языкъ Руской повинуется только законамъ *общаго Синтаксиса*, то мы должны заключить, что и народъ Руской повиновался нѣкогда одной волѣ своей. Заглядываемъ въ его Исторію, и находимъ, что сіе мнѣніе есть истина.» Вопервыхъ нашъ языкъ, подобно всѣмъ другимъ, имѣетъ свои *особенныя* правила; во вторыхъ, знаетъ ли Гражданинъ Модрю нашу Исторію, думая, что Рускіе истребили Славянъ, и что языкъ Славянскій оспался единственно въ священныхъ книгахъ побдишелей — «для того ли, говоритъ онъ, что первые Христіанскіе Священники въ Россіи были Славяне, или, можетъ быть, для того, что сей языкъ казался Рускимъ выразишельнѣе для богослуженія?» Такое невѣжество едва вѣроятно. . . Гражданинъ Модрю воображаетъ, что горсть Варяжскихъ храбрецовъ, которыхъ привелъ съ собою Рюрикъ, добровольно призванный Славянами, уничтожила, такъ сказать, нравственное бытіе сего великаго народа, и что мы говоримъ нынѣ по-Варяжски!! Сей ученый мужъ не знаетъ, что Руской языкъ

есть Славянской, измѣненный временемъ, употребленіемъ и примѣсомъ нѣкопородныхъ чужихъ словъ! Не удалось ли ему слышать, что Греческій Императоръ Константинъ различаетъ ихъ въ своемъ швореніи? Правда, что въ его время назывался Рускимъ языкъ Норманскій; но онъ никогда не былъ народнымъ языкомъ въ Россіи. Князья Варяжскіе сообщили намъ имя *Руси*, но Славяне не приняли языка ихъ, и мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ его въ нашемъ... Гражданинъ Модрю напомнилъ мнѣ одного Нѣмецкаго путешественника, надъ которымъ смѣялся Коцебу въ своемъ Журналѣ, и который сообщилъ публикѣ за извѣстіе, что наши священныя книги писаны языкомъ Скандинавскимъ! Одно стоить другого.

Желаюшъ ли чиншатели, чтобы мы еще представили имъ опытъ Логикъ нашего Грамматики? Онъ собралъ нѣсколько Латинскихъ и Рускихъ словъ, въ доказательство, что между сими двумя языками есть сходство, и спрашиваетъ: кто у кого занялъ сіи, почти одинакія слова? Имя *камзолъ*, по его мнѣнію, рѣшивъ вопросъ. Въ Латинскомъ языкѣ есть только *camisia*, а въ Рускомъ *камзолъ*, *камзолътикъ*, *камзолецъ*, *камзолице*: «слѣдственно Латинской заимствовалъ отъ

Славянскаго!!» Cette multiplicité d'aspects sous les quels se présente un même mot, ne permet guère de croire que ce soit la langue Slavonne qui ait emprunté de la Latine. . .

Гражданинъ Модрю усерденъ къ чести языка Славянскаго: это хорошо — но показавъ свое худое знаніе въ Истории Рускихъ, показываеиъ его и въ исторіи языка ихъ. «Многія сложныя Рускія имена, говоришъ онъ, заставляють почитать думать, что они составлены по Греческимъ (on seroit tenté de croire, etc.):» слѣдственно ему не извѣстно за вѣрное, что Авторы или переводчики нашихъ духовныхъ книгъ образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили вездѣ *предлоговъ*, расшянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобышнюю чистоту древняго Славянскаго. Слово о полку Игоревѣ, драгоценный остатокъ его, доказываеиъ, что онъ былъ весьма опличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ. Несторъ зналъ уже, вѣрояиъ, по-Гречески; къ тому же переписчики позволяли себѣ поправлять слогъ его.

За симъ имѣеиъ честь опкланяиъся Гражданину Модрю и двумъ большимъ помамъ его Грамматики, желая искренно, чтобы Французы могли умудрииъся и понять изъ нее свойство языка Рускаго.

Приведенныя нами мѣста взяты изъ одной главы (coup d'oeil); но мы заглядывали и въ другія: видѣли на примѣрѣ, такой переводъ словъ: *разоспаться*, *commencer à dormir*; *накрывать*, *se laisser à crier*; *послѣдородный*, *rejeton*; *блажить*, *rendre heureux*, и много подобнаго. Классическій Авторъ Рускаго языка есть для Г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта - Курція выбраны сіи щастливыя фразы: «Александръ неосмѣнную предъпріимъ надежду, обладашь вселенною — Апеллесъ одинъ имѣлъ позволеніе *смазывать* образъ Александровъ — сна отъ природы употребляетъ мало — ежели бы боги изволили, чѣмъ величество возрасша швоего было равно жадности души швоей — ежели способны, къ великимъ дѣламъ приутошвленные, нерадѣніемъ преемника приведены будущъ въ худое состояніе» — и проч. и проч. Но слѣдующая фраза принадлежитъ конечно самому Автору: Гульбище, сошванное на Трехъ горахъ, есть гульбище прохладное»

Однимъ словомъ, Гражданинъ Модрю, говоря въ Грамматикѣ своей о многихъ правилахъ, забылъ одно: *не учи тому, того самъ не разумѣешь!*

C'est ainsi qu'en partant je lui fais mes adieux!

СТРАННОСТЬ.

Французъ, который жилъ долго въ Россіи и возвратился въ свое отечество, публикуетъ опшуда въ Московскихъ газетахъ (*), что онъ близъ Парижа завел пансіонъ для Рускихъ молодыхъ дворянъ, и приглашаетъ родителей отпра- вить къ нему изъ Россіи дѣтей своихъ на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему нужному; особливо же языку Рускому! Живучи въ уединеніи, я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложеніемъ господа Н. Н. Французы вѣтренны — были и будутъ! Снисходительной челоуѣкъ во многомъ извиняетъ ихъ *лёгкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отече- ствѣ нашемъ не имѣли способовъ вос- пишивать дѣтей, и могли безразсудно удалишь ихъ отъ себя, забывъ священный

(*) Въ первыхъ нумерахъ Декабря мѣсяца 1801.

долгъ свой и ввѣришь судьбу юныхъ сердецъ чужому, неизвѣстному человѣку? Мы готовы платить Французамъ, или другимъ иностранцамъ, за уроки въ ихъ языкахъ, которые нужны для благороднаго Россіянина и служатъ ему средствомъ просвѣщенія: у насъ есть деньги! но у насъ есть и разсудокъ. Мы знаемъ первый и свѣтѣйшій законъ природы, что мать и отецъ должны образовать нравственность дѣтей своихъ, которая есть главная часть воспитанія; мы знаемъ, что всякой долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣ привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Рускимъ — а намъ, для государственнаго счастья, не надобно ни Французовъ, ни Англичанъ! Пусть въ нѣкоторыхъ лѣтахъ молодой человѣкъ, уже пригошловленный къ основательному разсужденію, ѣдетъ въ чужія земли узнать Европейскіе народы, сравняетъ ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ, чувствоватъ даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ! Я не боюсь за него: сердце юноши оставяетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ своихъ; оно будетъ спремиться къ намъ изъ отдаленія; подѣ яснымъ

небомъ южной Европы онъ скажетъ: хорошо; но въ Россіи семейство мое, друзья, товарищи моего дѣтства! Онъ будетъ многому удивляться, многое хвалить, но не полюбитъ никакой страны болѣе отечества. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; но всегда, всегда любитъ ту, въ которой воспитывался: истина важная для отцевъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впечатлѣнія юности составляютъ главную драгоцѣнность души; они всего для насъ любезнѣе, подобно какъ самой простой весенней цвѣтокъ радуетъ насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Если отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына отечествомъ: она дастъ ему первыя нравственныя, сильныя чувства, и сама Матушка привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрастъ отрока есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшился судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человѣкъ надолго ѣдетъ въ какую нибудь землю, то онъ

стараешься заранѣе узнатьъ ея обычаи, и есѣли не дѣломъ, то хошя воображеніемъ привыкаешъ къ нимъ, зная, что непривычка къ образу мыслей и жизни шѣхъ людей, съ которыми намъ ежедневно бышь должно, производилъ для насъ многія, существенныя непріятности. А сынъ мой, которому опредѣлено жишь и умерешъ въ Россіи, поѣдетъ образовашъ душу свою во Францію? Ему надобно знашь Рускихъ, съ которыми у него одно гражданское и нравственное щасіе: а я пошлю его къ Французамъ? Положимъ, что всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени сближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда останешся въ свойствахъ, обычаяхъ и нравахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, судьбы нашихъ предковъ и другихъ причинъ, еще неизбясненныхъ Философами.

Господинъ N. N., учредитель Парижскаго пансіона, скажетъ намъ: «вы должны согласиться, что человѣкъ еще «важнѣе гражданина: а человѣкъ можешъ «лучше образовашся во Франціи, нежели «въ Россіи.» Первое справедливо; на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу! не варвары; у насъ естъ всѣ способы просвѣщенія, какія только могутъ найтись во Франціи; и тамъ и здѣсь учащъ

одному, по однимъ Авторамъ и книгамъ. Самый Французской языкъ можно въ Петербургѣ или въ Москвѣ узнать такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ; положимъ, что и не такъ хорошо; но нѣкоторыя совершеннѣйшія его опшѣнки награждаютъ ли за нравственный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія? Природный языкъ для насъ важнѣе Французскаго; а господинъ N. N., не смотря на свое милостивое общаніе, не выучивъ дѣшеи нашихъ въ Парижѣ говорить такъ хорошо по-Руски, какъ они здѣсь выучаются. Писомцы его, черезъ 6 или 7 лѣтъ возвращаясь въ Россію, спали бы перзашь слухъ нашъ варварскими своими фразами; они сказали бы намъ: «мы говоримъ языкъ свой; мы знаемъ *Математики*; мы представляемъ наши поттенія согражданамъ» (*) «— а сограждане назвали бы ихъ глупцами, невѣждами, дурно-воспитанными людьми; ибо кто не знаетъ своего природнаго языка, тотъ конечно дурно воспитанъ, хотя бы зналъ наизусть и всѣ книги Браминоу; они сказали бы симъ полу-Галламъ: «за чѣмъ вы къ намъ при-

(*) Такія фразы слыхали мы отъ Рускихъ Французовъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждающіе даже, что нашъ языкъ не имѣетъ правилъ. Несчастные!

«ѣхали? за чѣмъ не остались во Франціи? Мы не признаемъ васъ земляками своими; вы недостойны называться Русскими, которые гордятся языкомъ Свято-слава, Владиміра, Пожарскаго, Петра Великаго. Вы не имѣете отечества: ибо и самые Французы, не смотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать нѣмое Е, не признаютъ васъ Французами!... И добродушные родители, лишивъ себя неизбѣнимаго удовольствія видѣть на лицѣ и въ душѣ милыхъ дѣтей расцвѣтаніе красоты физической и нравственной, вмѣсто благовоспитанныхъ людей увидѣли бы въ нихъ Французскихъ обезьянъ или попугаевъ, которые наименовали бы имъ всѣхъ Парижскихъ актеровъ, а не умѣли бы съ чувствомъ произнести священнаго имени Россіи, отца, матери и согражданъ!

Но я, подобно славному рыцарю Дон-Кихоту, сражаюсь съ въшренними мельниками, принимая ихъ за исполиновъ. Конечно никто изъ благоразумныхъ дворянъ Россійскихъ не подумаетъ отпра-
вить дѣтей своихъ въ пансіонъ къ господину N. N., надъ которымъ безъ сомнѣнія и Французы смѣются.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ МОСКВЫ.

Письмо первое изъ Коломны отъ 14

Сентября.

Я обѣщалъ вамъ, любезный другъ, обѣздишь Московскія окрестности и скажешь нѣсколько словъ о томъ, что увижу. Исполняю свое обѣщаніе; но время, мною избранное, не благопріятствуетъ живописи предметовъ. Осенью хорошо сидѣшь у камина, а не скипашься; хорошо думаешь, а не сморѣшь. Не даромъ Русскіе бранятся Сентяремъ мѣсяцемъ! Унылый видъ Природы располагаетъ только въ меланхолическимъ *Іереміадамъ*, для которыхъ нѣтъ нужды дышать туманами и пряпашься въ коляскѣ отъ дождя: плакать стихами и прозою всего лучше въ кабинетѣ. Бѣдные люди мои конечно не понимаютъ, какъ можно по грязи ѣздить для удовольствія и въ Коломнѣ искать любопытнаго! — Наблюденія вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ.

Я выѣхалъ изъ своей деревни не рано, и первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда шоль извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ оставленное и забытое. Оно можетъ упрекать ихъ неблагодарностію! Бывало всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету. Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ разноцвѣтными флагами разбѣжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковский прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшныя огни для всѣхъ составляли еженедѣльный праздникъ Москвы. Роскошь можетъ быть нѣкошорымъ образомъ почтенною, когда имѣетъ свою цѣлю общественныя удовольствія. — Въ Кусковѣ два раза была угощаема Великая Екатерина. Знаменитый путешественникъ, Графъ Фалькенштейнъ (*), удивлялся тамъ сельскому великолѣпію Рускаго Боярина. Наконецъ къ чести и славѣ сего помѣстья должно вспомнить, что въ немъ опдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, когда опечесство и Петръ Великій не имѣли

(*) Императоръ Іосифъ,

враговъ. Память и слѣды такихъ людей украшаютъ мѣста лучше всѣхъ зданій великолѣпныхъ. Не только фамилія, но и Россія можетъ справедливо гордиться Графомъ Борисомъ Пешровичемъ и шѣмъ добродѣтельнымъ Шереметевымъ, котораго мучилъ Царь Иванъ Васильевичъ, желая узнать, гдѣ скрыты его мнимыя сокровища, и который ошѣществовалъ ему съ великодушною крошестію: *Государь! я отправилъ ихъ на тотъ свѣтъ съ бѣдными (*)!*

Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ; первое есть старинное помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкасскихъ. Славные Останкинскіе кедры присланы изъ Сибири Княземъ Михайломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ; онъ былъ въ Тобольскѣ Губернаторомъ. — Вообще можно сказать, что наши старинные Бояре для сельскихъ жилищъ своихъ не искали живописныхъ мѣстъ, которыхъ довольно въ окрестностяхъ Москвы. Одинъ Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы рѣки, гдѣ предста-

(*) Курбскій называетъ его *мудрымъ Царскимъ Совеѣтникомъ*.

вляется взору самый величественный амфитеатръ. У насъ и нынѣ обыкновенно думающъ, что въ деревняхъ надобно садить алеи, рыть пруды, строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ — но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей прилжности не пребудутъ никакихъ искусственныхъ украшеній. Люди не богатые, лѣнивые, а можетъ быть и нѣкоторые люди со вкусомъ пристанутъ въ моему мнѣнію. Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу спрашной, водяной массы, почти неподвижной? Рѣка чисшитъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыростию. — Кусковскіе сады, гдѣ глаза мои видали нѣкогда столько людей, представили мнѣ довольно печальныхъ мыслей! Тамъ, въ главной алеѣ, высавлялись прежде всѣ померанцевыя деревья изъ оранжерей: она казалась уголкомъ Гишпаніи. Теперь все уныло и пусто.

На другой день въ 10 часовъ я остановился въ деревнѣ Люберцахъ (*), которая принадлежала славному Князю Меншикову, а теперь Государева. Меншиковъ назвалъ ее *новымъ Преображенскимъ*, именемъ мѣста любезнаго великому его Им-

(*) Въ 16 верстахъ отъ Москвы.

ператору и другу. Петръ III, будучи великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные материалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенія Воспитательнаго Дома. Я, какъ Руской и дворянинъ, желалъ видѣть мѣсто, которое нравилось Петру III: Онъ подписалъ два указа, славные и безсмертные! . . . Я съ удовольствіемъ вошелъ и въ садъ, гдѣ гулялъ нѣкогда Меншиковъ, храбрый, искусный Генералъ и великой человекъ въ несчастіи. Никакихъ слѣдовъ его не осталось въ сей деревнѣ. Мѣстоположеніе красиво, и большой садъ, раздѣляющій селеніе на двѣ половины, находится подъ вѣдѣніемъ Коломенскаго Управителя.

Ошѣхавъ верстъ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву рѣку и нѣсколько деревень, которыя, съ господскими домами и садами, образуютъ прекрасной ландшафтъ. Къ счастью — какъ бы нарочно для моего удовольствія — въ самую ту минушу проглянуло солнце. . . Если исключить Владимірскую, лѣсную и скучную дорогу, то можно сказать, что наша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ пріятными мѣстами. — Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы рѣки окаменѣлостей, ко-
 1

рыми оно славится. Мнѣ удалось найти пять или шесть камней довольно замѣчательныхъ цвѣшомъ и видомъ; одинъ съ удивительнымъ совершенствомъ представляетъ кусокъ ржаного хлѣба.

Почти всѣ деревни, чрезъ которыя ѣхалъ я отъ Кускова до Коломны, принадлежатъ Графу Шереметеву. Извѣстный въ Истории Бояринъ Василий Борисовичъ Шереметевъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Россіи, хотя имѣлъ дѣтей, но отказалъ Московскія и Коломенскія помѣстья своей Фельдмаршалу Борису Пешровичу, тогда еще молодому человѣку. Сей Бояринъ, отъ измѣны Казаковъ, попался въ плѣнъ Крымскимъ Татарами въ 1660 году, и 20 лѣтъ спрдалъ въ тяжкой неволѣ. Освобожденный миромъ, заключеннымъ Россіею съ Ханомъ, онъ жилъ и погребенъ въ селѣ Чиркинѣ—гдѣ я ночевалъ за дурною погодою, и на другой день къ обѣду пріѣхалъ въ Коломну.

Желаете ли знать, когда и кѣмъ построено сей городъ? никто вамъ этого не скажетъ. Лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ объ немъ въ концѣ XII вѣка; онъ, можетъ быть, древнѣе — и гораздо древнѣе Москвы. Вообще имя Коломны встрѣчается въ Истории по двумъ случаямъ: или Татары жгутъ ее, или въ ней собирается Руское войско ишши про-

иживъ Ташаръ — что бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ шечетъ рѣка Сѣверка: мѣсто достойное примѣчанія для всѣхъ любителей Истории! Тутъ Князь Димитрій Донской осматривалъ легіоны свои, побѣдившіе Мамаю. Здѣсь же онъ примирился шоржеспвенно съ Рязанскимъ Княземъ Олегомъ (человѣкомъ сварливымъ и безпокойнымъ), къ неудовольствію Бояръ его, которые желали, чтобы Димитрій наказалъ Олега. Преподобный Сергій былъ ихъ мирошворцемъ. — Что касается до имени города, то его для забавы можно произвести отъ славной Италіанской фамиліи Colonna. Извѣстно, что Папа Вонифанцій VIII гналъ всѣхъ знаменитыхъ людей сей фамиліи, и что многіе изъ нихъ искали убѣжища не только въ другихъ земляхъ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Нѣкоторые могли уйти въ Россію, выпросить у нашихъ Великихъ Князей землю, построить городъ и назвавъ его своимъ именемъ!! Писатели, которые утверждаютъ, что Рюрикъ происходилъ отъ Кесаря Августа, и что осада Трои принадлежитъ къ Славянской Истории, безъ сомнѣнія не найдутъ лучшихъ доказательствъ! — Если мы не знаемъ, кто основалъ Коломну, то знаемъ по крайней мѣрѣ, что Великій Князь Василій Ивановичъ окружилъ ее

каменную стѣною съ башнями. Улицы и строеніе здѣсь не красивы; но за то промышленность людей достойна вниманія и похвалы. Давно извѣстны Коломенскія фабрики, кумашныя, полошныя, шелковыя; которыя съ нѣкошораго времени размножились и въ другихъ мѣстахъ кругомъ Москвы. Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ вьютъ шелкъ, а мужья шкутъ плашки, и проч. Мудрено ли, что многіе крестьяне начинаютъ жить господами, опрятно; со вкусомъ и даже роскошно? Иностранные путешественники могли бы удивиться ихъ избытку; но иностранцы смотрявъ въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколъ, и не вѣдя въ окрестныхъ деревнямъ. Надобно только замѣтить, что богатѣйшіе изъ Подмосковныхъ крестьянъ Раскольники: они не пьянствуютъ! — — Всего извѣстнѣе въ Россіи Коломенскіе салныя заводы: ихъ болѣе тридцати! Сало, отправляемое за море, идетъ по большей части отсюда. Жители торгуютъ рогатымъ скотомъ, закупаютъ его на Дону, въ Малороссіи, солятъ мясо и продаютъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ: не удивительно, что имя мясника здѣсь почтеннѣе, нежели гдѣ нибудь! Коломна слави́тся еще яблоками, вишнями и другими

плодами; мы ѣдимъ ихъ въ Москвѣ. Не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ я видѣлъ очень хорошіе сады.

Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построены монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется *Голутвинъ мѣ*. Рассказываютъ по старому монашескому преданію, что на семъ мѣстѣ жили некогда разбойники, которыхъ называли *голыдыбою* или голыми людьми, и что ихъ имя въ печеніи времени дошло до монастырю въ наслѣдство. Вору не боялись въ старину близости городовъ, въ самыхъ окрестностяхъ Москвы имѣли снаны и были не рѣдко ужаснѣе самыхъ чужеземныхъ непріятелей. Если мѣсто въ Россіи, гдѣ бы преданіе не сохранило памяти ихъ злодѣйствъ? Всѣ старинныя сказки и пѣсни доказываютъ, что они царствовали во время ига Татарскаго.

Въ Голутвинѣ монастырѣ при церкви, и кельи всѣ каменные. Сказываютъ, что онъ построенъ Сергіемъ Чудотворцемъ (слѣдственно въ XIV вѣкѣ). Тамъ хранится посохъ его. Прежде сей монастырь былъ очень богатъ.

Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное

любопытства. Я давно желалъ видѣть его. Тутъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича строился фрегатъ для Голштинскаго Посла, отправленнаго Герцогомъ черезъ Россію къ Персидскому Шаху. Олеарій описалъ сіе путешествіе. Голштинцы изъ Дѣдлова побѣжали Окою и Волгою въ Астрахань. Корабль или фрегатъ Царя Алексѣя Михайловича, названный *Орломъ* и состроенный Стенькою Разинымъ въ Астрахани, строенъ тамъ же, равно какъ и боику Петра Великаго, *дѣдъ Рускаго флота*, прославленный Ломоносовымъ въ стихахъ и въ прозѣ, и торжественно встрѣченный большими *внуками* его, военными кораблями въ Петербургѣ (*). И нынѣ строятъ въ Дѣдловѣ барки или спруга, на которыхъ возятъ хлѣбъ изъ Орла въ Москву, и которые ходятъ Волгою до Астрахани. Самъ Петръ Великій сдѣлалъ для нихъ модель, которую еще показываютъ тамъ любопытнымъ, но которой уже давно не слѣдуютъ. Я смотрѣлъ съ душевнымъ удовольствіемъ на сей памятникъ Великаго Императора.

Деревня Клинь, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову. Оно разселено вдоль низкаго берега

(*) Въ 1723 году.

Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливаешься водою не дѣль на шесть, такъ что жили другъ ко другу въ лодкахъ. Въ немъ около 3000 душъ и три каменные церкви. Крестьяне совсѣмъ почти не имѣютъ земли, но богаты отъ промысловъ и строенія судовъ. Екатерина Великая пожаловала это славное въ цѣлой Россіи село Господину Измайлову.

Справанствія мои, любезный другъ, не кончились; но дурное время заспавляетъ меня отсрочить ихъ до весны. Тогда надѣюсь еще написать къ вамъ нѣсколько писемъ, разумеется *историческихъ* и самыхъ просыхъ. Иногда, особливо въ ясной день, позволю себѣ быть и маляромъ, есѣли не живописцемъ; иногда расскажу вамъ и какой нибудь анекдотъ, только не выдуманной. Вокругъ Москвы живушъ люди, и много добрыхъ. Хотя вы принадлежите къ сектѣ Дюкре Жанлисъ, кошорая не любитъ чувствительныхъ путешественниковъ, *проѣхавшихъ* *милу, чтобы написать томъ*; однакожъ я имѣю злой умыселъ искушить ваше терпѣніе и при первомъ случаѣ рассказать вамъ самую жалкую повѣсть! На сей разъ будьте покойны: возвращаюсь къ камину свей Подмосковной.

г. 1803.

ПУБЛИЧНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ НАУКЪ

въ Московскомъ Университетѣ.

Никогда Науки не были столь общепользны, какъ въ наше время. Языкъ ихъ, прежде трудный и мистическій, сдѣлался легкимъ и яснымъ. Знанія, бывшія удѣломъ особеннаго класса людей, собственно называемаго *учеными*, нынѣ болѣе и болѣе распространяются, вышедши изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ они долго заключались. Великіе Геніи, убѣжденные въ необходимости *народнаго* просвѣщенія какъ для частнаго, такъ и для Государственнаго блага, старались и стараются заманишь людей въ богатшыя области Наукъ, сообщая имъ важныя истины и свѣдѣнія не только понятнымъ, но и пріятнымъ образомъ, и ведущъ ихъ къ сокровищамъ ума путемъ усѣбнымъ цѣвшами.

Въ сіе щастливое для Наукъ время мудрое наше Правительство размножило

ихъ источники въ Россіи и открыло имъ новые способы дѣйствовать на умъ народа. Къ числу сихъ способовъ принадлежатъ и *публичныя лекціи* Московскаго Университета. Цѣль ихъ есть та, чтобы самымъ широкимъ людямъ, которые не думаютъ и не могутъ исключительно посвящать себя ученому состоянію, сообщать свѣдѣнія и понятія о Наукахъ *любыхъ*.

Два изъ нихъ заслуживаютъ по справедливости имя *важнѣйшихъ* для человека: одна представляетъ Нашуру во всей безчисленности ея твореній, описывая видъ, образъ жизни или бытія существъ; другая Наука знакомитъ насъ съ судьбою человѣческаго рода, изображая великія картины Государствъ, и вникая въ причины ихъ славы, щастія и паденія. Я говорю объ Исторіи Естественной и еще ближайшей къ намъ Исторіи народовъ: знаніе той и другой необходимо для человека и гражданина, если онъ желаетъ называться просвѣщеннымъ.

Къ симъ двумъ Наукамъ Московскій Университетъ для публичныхъ лекцій присоединилъ еще Опытную Физику и систематическое обозрѣніе торговли. Первая самымъ приятнымъ образомъ занимаетъ умъ извѣщеніемъ любопытныхъ физическихъ открытій, и представляетъ

чудесное дѣйствіе силъ Натуры, о которыхъ не только Древніе, но и самыя ученые Физики седьмаго-надесять вѣка не имѣли понятія. — Торговля, будучи связію народовъ, мѣною ихъ промышленности, доставленіемъ многихъ пріятностей жизни и способомъ какъ частнаго, такъ и государственнаго обогащенія, сдѣлалась нынѣ важною наукою для людей, которые посвящаютъ себя ей великимъ предпріятіямъ, и весьма любопытною для того, кто хочетъ имѣть ясныя идеи о политическомъ состояніи нынѣшнихъ Государствъ. Не только купцу или человѣку обязанному по своей гражданской должностѣ знать основаніе, свойство и ходъ торговли, но и всякому другому пріятно имѣть свѣдѣніе о разныхъ родахъ коммерціи, о государственныхъ выгодахъ, отъ нее происходящихъ, — о государственныхъ правилахъ, которыми въ разсужденіи торговли слѣдуютъ благоразумные Министры, — о Банкахъ, обращеніи денегъ, курсѣ, и проч.

Щасливое избраніе предметовъ для сихъ публичныхъ лекцій доказывается числомъ слушателей, которые въ назначенные дни собираются въ Университетской залѣ. Любитель просвѣщенія съ душевнымъ удовольствіемъ видя въ тамъ знаменитыхъ Московскихъ Дамъ, благород-

ныхъ молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ Законоспаской Академіи и людей всякаго званія, которые въ глубокой тишинѣ и со вниманіемъ устремляютъ глаза на Профессорскую кафедру.

Можно было предвидѣть, что лекціи Опытной Физики привлекутъ болѣе слушателей, нежели другія. Не мое дѣло сравнивать таланты достойныхъ Господъ Профессоровъ; но феномены силы электрической, Гальванизма, опыты аэро-статическіе и проч., сами по себѣ столь любопытны, и Господинъ Спраховъ извѣщаетъ ихъ столь хорошо, столь вразумительно, что публика находить ошмѣнное удовольствіе въ слушаніи его лекцій. Такимъ образомъ и въ Парижѣ, гдѣ славнѣйшіе Ученые — Фуркруа, Вокелень, Вижье, Шарль и другіе — занимаютъ любопытныхъ преподаваніемъ Наукъ въ Лицеяхъ, Опытная Физика сдѣлалась модною Наукою. Любезнѣйшія свѣтскія женщины и лучшіе молодые люди составляютъ тамъ многочисленную аудиторію Профессора Шарля.

Вообще должно отдать справедливость ревности и талантамъ Господъ Московскихъ Профессоровъ, которые, не имѣвъ донынѣ случая преподавать Науки публично, столь успѣшно начали и продол-

жають свои лекції. — Господинъ Полишковскій, слѣдую Линнеевой Системѣ, проходитъ царства Натуры, извѣщаетъ ученыхъ слова и наименованія, еще новыя въ языкѣ Рускомъ, и замѣчая все достойное удивленія какъ въ общемъ планѣ творенія, такъ и въ особенныхъ существахъ, старается возбудить въ слушателяхъ любовь къ великой Наукѣ Природы. — Лекціи Господина Гейма, представляя въ системѣ всѣ отношенія торговли, служатъ доказательствомъ его обширныхъ познаній въ сей часпи. Руской языкъ не есть его природный; но онъ говоритъ имъ чисто и правильно. — Молодой Профессоръ Шлецеръ, читая Исторію Европы со временъ паденія Римской Имперіи (по искусному Робертсонову введенію въ Исторію Карла V), не только именемъ, но и талантомъ своимъ напоминаетъ славнаго Геттингенскаго Шлецера, отца его. Онъ говоритъ съ живостию и съ благороднымъ краснорѣчіемъ, предлагая слушателямъ собственныя зрѣлыя мысли о случаяхъ и характерахъ. Исторія среднихъ вѣковъ, столь отличная отъ древней Греческой и Римской, не менѣе ихъ достойна любопытства, изображая страшное волненіе народовъ, смѣсь ихъ и наконецъ рожденіе новыхъ, которые, выходя, такъ сказать, мало по малу изъ

всеобщаго хаоса, сдѣлались основателями нынѣшнихъ великихъ Государствъ Европейскихъ. Мысль, преподавашъ сію важную частъ Исторіи въ Московскомъ Университетѣ для Публики и наиболѣе для молодыхъ людей, была весьма щасливою мыслию. Всякой хорошо воспитанный человекъ имѣетъ понятіе о древнихъ Государствахъ, о судьбѣ Аѳинъ, Спарты, Рима; но многіе ли умѣютъ ясно вообразить себѣ происшествія, которыя слѣдовали за паденіемъ Римской Имперіи, и преобразовали Европу? Тѣмъ нужнѣе впечатлѣвать ихъ въ разумъ юношества, систематическимъ *изустнымъ* предложеніемъ, которое остаеся въ памяти долѣе всего *читаемаго* нами въ книгахъ. — Нѣмецкій языкъ, на которомъ Господинъ Шлецеръ преподаетъ Исторію, хотя вообще и не столь извѣстенъ у насъ, какъ Французскій; однакожь сей достойный Профессоръ имѣетъ довольно слушателей изъ числа благородныхъ молодыхъ людей, для которыхъ наставленія его могутъ быть тѣмъ полезнѣе.

Сіи публичныя лекціи должны со временемъ имѣть еще болѣе успѣха, то есть, образовавъ еще большее число *любителей учености* въ такомъ городѣ, который можно называть столицею Россійскаго Дворянства, и въ такой вѣкъ, когда

опличныя свѣдѣнія необходимы для уш-
 вержденія знаменитыхъ правъ Дворян-
 скихъ; когда для всякаго важнаго госу-
 дарственнаго мѣста пребудешь разумъ
 просвѣщенный; когда мудрое наше Пра-
 вительство *замѣкаетъ* молодыхъ людей,
 ревностныхъ къ сисканію знаній. Нѣж-
 ные опцы семействъ ничего не жалѣютъ
 у насъ для воспитанія дѣтей; но ино-
 странные училища, копорымъ плащятъ
 они столь дорого, могутъ ли питомцевъ
 своихъ наставлятъ въ важныхъ Наукахъ?
 По крайней мѣрѣ весьма рѣдко; а не
 обыкновенное не можетъ служить при-
 мѣромъ. И такъ не должны ли сіи попе-
 чительные опцы, живущіе въ Москвѣ,
 радоваться тому, что дѣти ихъ могутъ
 нынѣ столь удобно и легко приобрѣтать
 драгоценныя знанія, слушая лекціи Уни-
 верситетскія? Послѣ всего, что велико-
 душный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ
 для укорененія Наукъ въ Россіи, мы не
 исполнимъ долга Патриотовъ и даже по-
 сшупимъ неблагоразумно, естли будемъ
 еще опправлятъ молодыхъ людей въ
 чужія земли, учишься тому, что препода-
 ется въ нашихъ Университетахъ. Мо-
 сковскій опличаеся уже въ разныхъ ча-
 стяхъ достойными учеными Мужами:
 скоро новые Профессоры, вызванные изъ
 Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные

своими талантами, умножатъ число ихъ,
и первый Университетъ Россійской, подъ
руководствомъ своего дѣятельнаго и рев-
ностнаго къ успѣху Наукъ Попечителя,
Михайла Никитича Муравьева, возвы-
сится еще на степень славнѣйшую въ
ученомъ свѣтѣ.

г. 1803.

РУСКАЯ СТАРИНА.

(Сообщаю анекдоты и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя мною изъ чужестранныхъ Авшоровъ, которые во время Царей жили въ нашей столицѣ, и которые не во всѣхъ библіотекахъ находясь. Думаю, что эта снатья для многихъ читателей будетъ занимательна. Къ несчастью, мы такъ худо знаемъ Рускую старину, любезную для сердца Патріотовъ!)

Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей. Сіе великое число покажется удивительно; но должно знать, что всякой Бояринъ, всякой знатной или богатой человекъ того времени хотѣлъ имѣть собственную церковь свою. Онѣ были почти всѣ деревянныя и маленькія. Патриархъ Никонъ, видя частые въ Москвѣ пожары, уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменные церкви, и множество деревянныхъ было при немъ сломано. Олеарій говоритъ о пятидесяти церквахъ въ Кремлѣ; но вѣроятно, что онѣ и придѣлы называеиъ храмами. — Иностранцы, замѣчая, что всѣ наши цер-

яви внутри бываютъ съ круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не могли свѣдать ее. Извѣстно, что и языческіе храмы (какъ на примѣрѣ, Пантеонъ въ Римѣ) по большой части имѣли круглые своды: видѣ неба безъ сомнѣнія служилъ для нихъ образцомъ. — Капоники и Люшеране спрашивали также у Рускихъ: для чего въ храмахъ нашихъ не бываетъ музыки? «Для того (отвѣчали они), что инструменны бездушные не могутъ хвалить Бога, и что въ Новомъ Заветѣ совсѣмъ не упоминается о музыкѣ.» — Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить слышной звонъ Московскихъ колоколовъ. Въ большой колоколъ Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремлѣ важныхъ Пословъ чужестранныхъ. — Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молясь, или передъ иконами, стоящими наворотахъ, или передъ крестами церквей. Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ еще при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ, также замѣчаетъ великую набожность Рускихъ, и пишетъ, что они, приходя одинъ къ

другому въ гостѣ, обыкновенно снимающѣ шапку въ дверяхъ, ищущѣ глазами не хозяина, а иконѣ; сщановаясь посреди горницы, три раза крестяся и кланяющся имѣ, говоря въ слухъ: *Господи помилуй*; а шамѣ уже оборачиваются къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже здравія тебѣ и домогдцалѣ твоимѣ!* — До самыхъ временѣ Императора Петра Великаго Рускіе Священники не смѣли говорить проповѣдей въ церквахъ; начальники Духовенства боялись ереси и расколу, который, по ихъ мнѣнію, могъ родиться отъ своевольныхъ извѣсненій Св. Писанія. Во время Папріарха Никона Муромскій Протопопѣ Логинѣ отступилъ отъ сего закона и началъ проповѣдывать въ церкви, уговоривъ и другихъ Муромскихъ Священниковъ слѣдовать его примѣру. Народѣ слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ; но Папріархъ, свѣдавъ о томъ, разстригъ Логина и товарищей его, и сослалъ ихъ въ Сибирь. — Цари бывали со всѣми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырѣ Троицкомъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ всегда праздновалъ шамѣ день Троицы и свои именины въ Сенсѣбрѣ мѣсяцѣ. Не добзжая до монастыря за три версты, онѣ выходилъ изъ коляски или берлина, чшобы со всѣми Боярами иппи пѣшкомъ до самыхъ вѣрошъ,

гдѣ встрѣчалъ его Архимандритѣ. Царь живалъ тамъ по-нѣскольку дней, и часто забавлялся охотою въ окрестныхъ мѣстахъ. Пешрей говоришъ, что Архимандритѣ, по старинному обыкновенію, долженъ былъ угощать Царей и свишу ихъ на счетъ богатой казны монастырской. — Всѣ Рускіе Государи старались отличить себя благочестіемъ; но едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться въ усердной набожности съ Михаиломъ Феодоровичемъ, который, по словамъ Олеаріа, почти всегда молился въ церкви на колѣняхъ и падалъ ницѣ передъ иконами.

Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ Бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу, бывшую за Москвою-рѣкою. Кремль считался только частію Китай-города. Олеарій пишетъ о великолѣпнѣ дворца, построеннаго въ Италіанскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его, Алексѣя Михайловича; самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ. Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ. Олеарій не изясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ,

что оно Ташарское и значить *крѣлость*. За то онъ сказываеъ намъ, что имя Китай-города значить *средній городъ*, — вѣроятно, также на Монгольскомъ или Ташарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне. Олеарій, упоминая о гостической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василия Блаженнаго, рассказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколошь глаза Архипекшору ея, чтобы онъ не могъ построить другаго, столь же красиваго храма: возможно — но справедливо ли? оставимъ безъ изслѣдованія. По крайней мѣрѣ сей анекдотъ рассказывали у насъ въ старину за истину. Не далеко отъ Василия Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ лежали неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Ташары. На Красной Площади *сѣ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго рода вещей. Сіе мѣсто походило на Римской Форумъ. Тутъ рассказывались всякія любопытныя

вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ (вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго шовара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуешъ ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч. Онъ говоритъ еще о рынкѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жишели сприграли себѣ волосы, которыми земля была тамъ ушлапа какъ *мягкими тюфяками*. Кипай-городъ окруженъ былъ *красною*, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною. Въ сей части города жили Дѣши Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство; купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*. — Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не претовало много времени. Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы. Въ *Скородомѣ*, окруженномъ *деревянною стѣною* съ башнями, жили мѣщане и подвѣчье. — Четвертая часть города, или Спрѣлецкая

Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена во время Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдаѣвъ, взя-
тыхъ имъ въ Рускую службу. Во время Годунова, Димитрія и Царя Михаила Феодоровича жили тамъ Спрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди.

Густая борода и толстое бѣлохъ считались на Руси великимъ украшеніемъ челоѣвка. Цари, принимая чужестранныхъ Министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными, чтобы шѣмъ придаѣть болѣе важности своимъ аудіенціямъ. Знапные господа обыкновенно подбривали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда опускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость. Бояринъ съ длинными волосами ходилъ всегда опустивъ глаза въ землю, и народъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ: *Царь-Государь на него прогнѣвался*. — Иностранцы чрезмѣрно хвалили красоту Московскихъ женщинъ, но съ ошвращеніемъ говорили о странномъ ихъ обыкновеніи *размазывать* себѣ лицо бѣлилами и румянами, такъ, что сіи грубыя краски лежали на немъ толстыми слоями. Сія безобразная мода перешла въ Россію изъ Константинополя еще во время Великихъ Князей Кіевскихъ. Бѣдныя красавицы наши иногда со

слезами должны были ей слѣдовать. Олеарій рассказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ жена Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаского, будучи молода и прекрасна, не хотѣла бѣлишься; но всѣ знашныя женщины объявили ей войну за такое презрѣніе къ древнему обыкновенію, подбили мужей своихъ вступиться за честь бѣлиль, и наконецъ принудили молодую Княгиню раскрасить, подобно другимъ, нѣжное лицо ея.

Предки наши носили не совсѣмъ такое платье, какое нынѣ называется *Русскимъ*. Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками, и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставлялся изъ-подъ одежды) они надѣвали узкое и короткое полу-кафшанье, едва достававшее до колѣнъ, и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ шафшы или апласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и сполчымъ; а сверхъ того кафшанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но всегда стеганный и называемый *ферезъ* (*); а когда имъ надлежало выйти изъ дому, тогда всякой наряжался въ кафшанъ длинной, суконной, темно-синій или

(*) Нынѣ мы называемъ *ферезями* одни нарядные сарафаны.

кофейной, иногда же въ парчевой или апласной, съ широкимъ ворошникомъ, съ золошыми пешлицами и съ длинными сбориспыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранилось множество въ Царской кладовой; въ день аудіенціи давали ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запирали въ сундуки. — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, являлись въ *высокихъ* шапкахъ, собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другіе знатные или богатые люди носили обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапоги у нихъ были короткіе, по большей части изъ Персидскаго сафьяна, оспроносые и съ высокими каблуками. Женщины носили ферици, или сарафаны, а сверхъ шубу или длинное, широкое плащье, почти такое же, какъ мушины, съ застежками или серебряными пуговицами. Замужнія ходили въ шапкахъ (*) съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и вышитыхъ золошомъ; а дѣвицы въ большихъ лисьихъ. — Маржеретъ говоритъ, что знатныя Рускія женщины обыкновенно провожали верхомъ Царицу, когда она ѣзжала гулять за городъ: эшо покажется иному невѣролышнымъ; но для чего же гласъ Маржерету,

(*) По крайней мѣрѣ не льшомъ, какъ надобно думать.

который долго жилъ въ Москвѣ при Годуновѣ и Димитріи? Надобно думать, что Рускія женщины переняли вѣдши верхомъ у Ташаровъ,

Описаніе домашней жизни старыхъ Рускихъ Бояръ безъ сомнѣнія не плѣнитъ нашего воображенія. Не многіе изъ нихъ имѣли каменные дома, и то уже во время Романовыхъ; при Годуновѣ жили они въ деревняхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ. Горницы обивались иногда выбѣленною холстиною, и единственныя украшеніемъ ихъ были образа. Домашняя посуда состояла — въ горшкахъ, въ деревянныхъ или оловянныхъ чашахъ и тарелкахъ. Въ одномъ дворцѣ подавали кушанье на серебряхъ; богатые и знатные люди имѣли только чарки и стопы серебряныя. Щи, разныя похлебки, каши, пироги, вешчина, всякія жаренныя мяса (кромѣ шеляпины), икра и соленая рыба, составляли богатство Руской кухни. Олеарій говоритъ, что старики наши съ похмѣлья вѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксусомъ и разсоломъ огурешнымъ; что они крайне любили чеснокъ, и что въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его. Иностранцамъ ошмѣнно нравились Рускіе меды: малиновой, вишневой, смородиной и другіе. Что же касается до

Италіянскихъ и Французскихъ винъ, по Бояре хошя и получали ихъ черезъ Архангельскъ, однакожь предпочитали имъ водку. Знашныя люди не рѣдко давали обѣды и приглашали къ себѣ гостей изъ нижшаго состоянія, на примѣръ изъ купцовъ: въ такомъ случаѣ сіи послѣдніе обыкновенно извѣяляли благодарность свою дорогими подарками, такъ, что хозяинъ не осмѣивался въ накладѣ. Ешьяли онъ хошѣлъ дружески обласкать ихъ, по призывалъ жену, чтобы она подчивала гостей водкою; иногда дозволялось имъ даже и цѣловать ее въ губы. Такимъ образомъ нѣкто изъ людей знаменитыхъ въ Москвѣ, угощая Олеарія, вызвалъ его въ другую комнату, гдѣ встрѣшила ихъ хозяйка въ богатой одеждѣ, поклонилась сперва мужу, а тамъ гостю; взяла изъ рукъ служанки подносъ съ налишою чаркою, сама опивѣдала и подала Олеарію. Сія молодая, прелестная женщина, исполняя волю супруга, должна была, закрасившись, поцѣловать иноспранца, и вручила ему бѣлую шафшяную ширинку, вышитую золошомъ и серебромъ.

Рускіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ ушра, и потчасъ ложились ошдыхашъ, какъ знашныя, такъ и простыя люди. Въ сіе время не лзя было иппи въ гостю ни къ купцу, ни къ

Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее время спали на землѣ передъ ними. Димитрій Самозванецъ никогда не опдыхалъ послѣ обѣда и не ходилъ въ баню: жили Московскіе заключали изъ того, что онъ не Руской!

Жены богатыхъ и знаменитыхъ мужей вели обыкновенно жизнь праздную и мало думали о хозяйствѣ; вышивали плащки и кошельки золотомъ; сидѣли поджавъ руки, или качались на качеляхъ съ служанками. Онѣ рѣдко выходили изъ дому, даже и въ церковь: ибо Рускіе мужья въ спарину не спыдились быть ревнивыми. Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ, или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ. Всякая изъ нихъ сажала въ ноги своихъ *молодую рабу*. Кругомъ шло множество слугъ, иногда до 30 и 40 человекъ, говорилъ Олеарій, а на лошади, впряженной въ колымагу или въ сани, висѣли лисьи хвосты. Такъ украшались и Боярскія и Царскія лошади; сихъ послѣднихъ обвѣшивали иногда и соболями.

Иностранцы, бывшіе при Царяхъ въ Москвѣ, находили нашихъ предковъ невѣждами въ сравненіи съ другими Европейскими народами; но исключали изъ

сего числа нѣкошорыхъ знашныхъ людей, уже имѣвшихъ довольно свѣдѣній. Такъ, на примѣръ, Олеарій чрезмѣрно хвалилъ умъ и любезность Боярина Никишы Ивановича Романова-Юрѣва, человѣка веселаго и добродушнаго. Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ, любилъ ихъ обычаи, музыку; даже сдѣлалъ себѣ Нѣмецкое плащье, ѣздилъ въ немъ иногда на охоту, и не слушался Пашріарха Іосифа, который упрекалъ его такою непристойностію; однакожь Іосифъ досадилъ наконецъ хитростию Нѣмецкое плащье Боярина и сжегъ его. Сей Никиша Ивановичъ не рѣдко спорилъ съ Пашріархомъ о Религіи; говорилъ не много, но сильно и рѣзко: ибо онъ, будучи родшвенникомъ Государевымъ и любимъ всѣми, не боялся досадить ему. — Борисъ Ивановичъ Морозовъ, воспиташель Царя Алексѣя Михайловича, описывается иносстранцами также весьма умнымъ и любопытнымъ человѣкомъ. Онъ дружески обласкалъ Голштинскихъ Пословъ, бывшихъ въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ — угощалъ ихъ въ домѣ своемъ, веселилъ соколиною охотою и провожалъ съ музыкою по Москвѣ-рѣкѣ, когда они отправились водою въ Персію. — Пашріархъ Никонъ есть важный характеръ для Историка Россіи: инос-

ранцы отдавали справедливосшь необыкновенному его разуму. Онъ жилъ, по ихъ извѣстіямъ, весьма хорошо и даже роскошно въ новыхъ Кремлевскихъ пала-
тахъ своихъ; любилъ веселиться съ умными Боярами, любилъ шушиться въ раз-
говорахъ. — Впрочемъ Никонъ хотѣлъ всегда спрогаго общесшвеннаго благона-
рвія. Такъ, на примѣрѣ, онъ запретилъ
музыку въ столицѣ, думая, что она мо-
жетъ развратить нравы; велѣлъ ош-
братъ музыкальные инструменшы не
шолько въ пишейныхъ, но и во всѣхъ
частныхъ домахъ, и поржественно сжечь
ихъ за Москвою рѣкою. Одинъ Никиша
Ивановичъ Романовъ не послушался его,
и не переставалъ забавляться музыкою
въ домѣ своемъ.

Герберштейнъ описываетъ Рускихъ
Боярѣ и дворянѣ весьма гордыми. «Про-
«сые люди (говоритъ онъ) почти не
«имѣютъ къ нимъ досшупа, и не могутъ
«въѣхашъ верхомъ на Боярскій дворъ.
«Знашой человекъ никогда не ходитъ
«пѣшкомъ, боясь шѣмъ унизиться; ему
«надобно сѣсть на лошадь, чшобы ви-
«дѣться съ сосѣдомъ, живущимъ отъ
«него въ десяти шагахъ.» — Сей же Гер-
берштейнъ хвалитъ шрудолубіе и воз-
держностъ Московскихъ ремесленниковъ,
кшорые, сходявъ въ праздникъ къ

обѣдиѣ, возвращались домой и снова принимались за дѣло: «ибо они думали (вошѣ почныя слова его!), «что однимѣ Боярамѣ и знашнымѣ людямѣ можно бышѣ «праздными, и что работашѣ гораздо душеспасительнѣе, нежели гуляшѣ и пьянствовать. Впрочемѣ и самый законѣ дозволяешѣ имѣ пишѣ медѣ и пиво вѣ одни «большіе праздники.» — Еще и во время Великихѣ Князей Московскіе купцы знали и швердили пословицу: *товарѣ лицомѣ продать*. Хищросшѣ ихѣ вѣ куплѣ и продажѣ удивляла Нѣмцовѣ, которые говорили: «одинѣ Сатана обманешѣ Рускаго.» Но ешѣли иностранецѣ ошибкою плашилѣ Рускимѣ купцамѣ лишнія деньги, шо они всегда отдавали ихѣ назадѣ, думая, что пользовашѣся такою ошибкою ешѣ бышѣ воромѣ. — Масперовые люди наши и вѣ старину славились ошмѣнною переимчивостію. Иностранные художники, пріѣзжавшіе вѣ Россію со временѣ Князя Иоанна, не пускали ихѣ наконецѣ вѣ свою мастерскую, бояшѣ, чтообы они не сравнялись сѣ ними вѣ искусствѣ.

Кѣ чести Рускихѣ, иностранцы замѣчали вѣ нихѣ великую любовь кѣ благотворенію. По смерти всякаго богатаго челоѣка родственники его, вѣ печеніе шести недѣль, ежедневно раздавали деньги бѣднымѣ людямѣ. Купецѣ, идучи по ушрѣ

въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломпи, отдавалъ нищимъ, которые не только сами пились сею милоспшынею, но и продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ изъ оспашковъ ея. — По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заупрени и обѣдни, ходили въ городскую шемницу, и сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ!* дарили каждого изъ нихъ новою шубою, и сверхъ того присылали имъ, чѣмъ разговѣшья. — Зимою обыкновенно получали Бояре запасъ изъ деревень своихъ: тогда ключники ихъ должны были навѣдывашья о бѣдныхъ людяхъ и надѣлять ихъ мукою, масломъ и проч.

Такія достохвальныя чершы нравовъ мирышъ насъ съ невѣжествомъ и суевѣріемъ нашихъ предковъ... Они считали Аспрономію колдовствомъ. Слыша, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ желаетъ оставить при Дворѣ своемъ Аспронома Олеарія, народъ ужасался и говорилъ: «Царь хочетъ имѣть при себѣ волшебника, который по звѣздамъ угадываетъ будущее!» Эшо испугало Олеарія... Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхавъ опять въ Москву, онъ вздумалъ однажды забавлять Дѣяка иностранныхъ дѣлъ шем-

ною камерою, и показывалъ ему на стѣнѣ предметы, бывшіе на улицѣ: Дьякъ крестился... Всего страннѣе казалось ему то, что люди и лошади изобращались вверхъ ногами и такимъ образомъ двигались. — Голландскій Фельдшеръ, именемъ Квиринусъ, служившій Царю, имѣлъ у себя въ горницѣ скелетъ человѣка. Однажды Квиринусъ игралъ на лютиѣ и вѣшеръ шевелилъ кости, висѣвшія на стѣнѣ противъ раствореннаго окна. Спрѣльцы увидѣли это и разгласили по городу, что Голландскій Фельдшеръ держитъ у себя мертвыхъ и заставляетъ ихъ плясать по лютиѣ. Дѣло дошло до Патриарха, и бѣднаго Квиринуса хотѣли-было сжечь какъ волшебника. Къ щастію, удалось ему изъяснить свое колдовство Князю Ивану Борисовичу Черкасскому, и спрашная исторія кончилась тѣмъ, что Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелетъ его сожгли за Москвою-рѣкою.

Нарвскій Пасторъ Маршинъ Беръ, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Годуновѣ, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: «Царь Борисъ занемогъ подагрою и велѣлъ объявить въ столицѣ, что искинутый человѣкъ, который исцѣлитъ его отъ сей болѣзни, будетъ щедро награжденъ Царскою милостію. Жена

«одного Сына Боярскаго вздумала шѣмѣ
 « воспользоуясь, чѣмбы опмѣшпѣ
 « мужу своему за разныя его жестокости;
 « пришла во дворецъ и сказала, чѣм мужѣ
 « ея знаеѣ вѣрное средство вылечпѣ
 « Царя, но не хочеѣ употребпѣ его.
 « Боярскаго Сына призываюѣ, спраши-
 « ваюѣ: онѣ божпѣся, чѣм не имѣеѣ
 « поняпѣя о Медицинѣ. Ему не вѣряѣ и
 « грозяѣ шемницею, даже казнпю. Впдѣя,
 « какѣ говоряѣ по-Руски, бѣду не минѣ-
 « тпю, сынѣ Боярскпѣ шребуеѣ сроку —
 « посылаеѣ людей своихѣ накоспѣ возѣ
 « шправы, дѣлаеѣ изѣ нее Царю припарки,
 « и — боль ушпхаеѣ, конечно не отѣ ле-
 « карствѣ, но сама собою. Царѣ увѣрпѣлся
 « вѣ искусствѣ мнпмаго врача, и велѣѣ
 « наказѣ его за шѣ, чѣм онѣ не хотѣѣ
 « сперѣва помочѣ ему; однакѣ наградпѣ
 « бпмаго собольею шубою, двупѣ спѣми
 « рублей денегѣ и осѣмнадцѣтпю дворами
 « крѣпѣщѣнѣ, обязаѣ его подпскою не
 « мѣшпѣ женѣ. Слышно было, чѣм суп-
 « ругпѣ жплп послѣ шѣго вѣ совершенномѣ
 « мирѣ и согласпѣ. » — При Годуновѣ были
 « вѣ Москѣ инострѣнныя Медпкп, кошп-
 « рѣ лечплп какѣ Царя, такѣ и знапѣнѣй-
 « шпхѣ Боярѣ; но еѣшлп лекарствѣ не дѣй-
 « стѣвовѣлп и больной умпралѣ на пхѣ ру-
 « кахѣ, шѣ имѣ надлежѣло опѣвѣшпствоваѣ
 « за спю неудѣчу какѣ за уголовное прѣ-

ступленіе. Когда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ, Борисъ Годуновъ объявилъ Докторамъ, что они жизнью своею заплащятъ за его смерть. Къ несчастію, Принцъ умеръ, и Медики должны были скрыться. Но скоро пришла къ Царю злая подагра, и онъ велѣлъ объявить имъ милостивое прощеніе. — Годуновъ и самъ давалъ Докторскіе пашеншы. Одинъ изъ его лекарей хотѣлъ ѣхать въ Нѣмецкій Университетъ, чтобы получить тамъ градусъ Доктора. «Это пустое,» сказалъ Царь: «я знаю швое искусство, жалую тебя въ «первоклассные Медики и велю написать «пашентъ не хуже Университетскаго. — «Но только Дворъ и Бояре, говоритъ «Маржеретъ, прибѣгаютъ къ иностран- «нымъ врачамъ: всѣ другіе Московскіе «жили не вѣрять ихъ искусству и ле- «чашся по своему; а именно, виномъ съ «растертымъ порошкомъ или чеснокомъ: «что, вмѣстѣ съ жаркою банею, служило «для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣз- «няхъ. Надобно признаться, что они го- «раздо здоровѣ насъ, Французовъ. Въ «Россіи очень много людей за 80, 100 и «120 лѣтъ.»

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ въ Россіи Докторъ Павелъ Флемингъ, человекъ умной, доброй — и спихошво-

рецѣ. Любопытство, видѣвъ народѣ по-
 чти неизвѣстный въ Европѣ, завело его
 въ наше отечество. Онѣ пять мѣсяцевъ
 жилъ въ разныхъ селеніяхъ близъ Нова-
 города, старался узнать нравы земледѣль-
 цовъ Рускихъ, и въ Нѣмецкихъ списахъ
 описалъ ихъ такими красками, какими
 славный Галлерѣ описываетъ нравы щас-
 ливыхъ Альпійскихъ жителей въ извѣст-
 ной Поэмѣ своей *die Alpen*. Я переведу
 здѣсь нѣкоторыя списки его... «Любо-
 «пытство ума заставило меня проспши-
 «ся съ отечествомъ и съ друзьями, что-
 «бы видѣвъ страну отдаленную, кото-
 «рую мы знаемъ только по злословію
 «сосѣдовъ ея или разсказамъ лживыхъ
 «путешественниковъ. Благодарю судь-
 «бу!... Доброму сердцу пріятно вездѣ
 «находишь хорошее. Въ землѣ, называе-
 «мой варварскою, вижу людей достои-
 «ныхъ называться людьми. Земледѣлецъ
 «Руской не мудрствуетъ о свободѣ, но
 «исинно свободенъ душею; онѣ богатъ,
 «не чувствуя никакихъ недостатковъ;
 «цѣлуетъ здоровьемъ, имѣетъ доброе
 «сердце и не знаетъ, что оно есть рѣд-
 «кое достоинство въ человѣкѣ; живетъ
 «въ низкой хижинѣ, имѣ срубленной, и
 «доволенъ, что она укрываетъ его отъ
 «нечастыя и холода; работаетъ весело,
 «въ надеждѣ на Бога; наслаждается

«покоемъ въ объявляхъ вѣрной супруги и
 «засыпаетъ сладко подъ громкимъ пѣні-
 «емъ соловья. Жена щаслива повинове-
 «ніемъ мужу, и спротосиль его считаеиъ
 «знакомъ любви. Онъ не боится воровъ
 «(бѣднотъ служилъ ему наилучшимъ
 «спражемъ); не заботится о будущемъ,
 «вѣря, что небесный Отецъ печется о
 «людяхъ. Не жалѣйте о невѣжествѣ его,
 «ученые мужи Европы! онъ разумѣетъ
 «добраго сосѣда своего, и думаетъ, что
 «знаетъ все нужное. Ахъ! народъ сей
 «принадлежитъ еще къ древнему царству
 «Сатурна: ибо хитрость, коварство, об-
 «маны, ему неизвѣстны. Щасливая про-
 «стоша, любезная невинность! мы васъ
 «уже не видимъ въ странахъ своихъ: кто
 «бы думалъ, чтобы вы, оставивъ Герма-
 «нію, переселились въ землю Рускую?
 «Кто могъ бы искать здѣсь добродѣ-
 «лей Аштреина вѣка? »

Въ время Великаго Князя Ивана Василье-
 вича начали иностранцы прѣзжать въ
 Россію и селились въ Москвѣ. Онъ и
 сынъ его, Василій Ивановичъ, брали ихъ
 въ Рускую службу. Послѣ имъ опшведено
 было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы,
 гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ
 домики. Жены солдатъ Нѣмецкихъ, за-
 мѣшивъ что нибудь странное въ Рускихъ,
 ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали

другъ другу: *Кукке, кукке гирѣ, по есть: смотри, смотри!* Рускіе зашвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу *Кукцемѣ*. Черезъ нѣсколько лѣтъ она запустѣла: иностранцы переселились въ городъ, и богатѣйшіе изъ нихъ начали тамъ строить каменные дома. Люшеране имѣли церковь свою въ Бѣломѣ городѣ (близъ нынѣшней Меншиковой башни); но женская ссора *разрушила ее до основанія*. Олеарій такимъ образомъ говоритъ о семъ случаѣ. Многіе Нѣмецкіе Офицеры, бывшіе въ Руской службѣ, женились на служанкахъ, которыя, гордясь чиномъ мужей своихъ, захоуѣли въ церкви сидѣть выше кучеческихъ женъ. Послѣднія не соглашались уступитъ имъ мѣста, и вышла ссора, даже драка. Въ самую ту минушу Папиріархъ бѣжалъ мимо, узналъ причину шума, и сказавъ: *когда онѣ ходятъ въ церковь не молятся, а гордятся, то имъ лучше не имѣть ее* — и велѣлъ сломать церковь до основанія. Черезъ нѣкоторое время они построили новую въ Земляномъ городѣ; но скоро должны были совсѣмъ переселиться за валъ. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Московскіе Священники жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ приходахъ, покупаютъ самыя лучшія мѣста и строятъ большіе дома, съ которыхъ

церкви не имѣють никакого дохода; но какъ Государь уважалъ иностранцевъ, то сіи жалобы не имѣли успѣха до самыхъ временъ Царя Алексѣя Михайловича. Тогда считалось въ Москвѣ уже болѣе 1000 челоуѣкъ Нѣмцовъ. Всѣ они носили Руское платье. Однажды Папріархъ — не извѣстно, который, но вѣроятно, что Іосифъ — ѣхалъ по улицѣ, благословлялъ народъ, и замѣтилъ, что нѣкоторые люди въ толпѣ не хотѣли, подобно другимъ, ему кланяться. Сіи люди были иностранцы. Папріархъ, оскорбленный ихъ гордостію, пребывалъ отъ Царя, чшобы Онъ приказалъ имъ носить Нѣмецкое платье и шѣмъ опличаться отъ православныхъ. «Я не хочу (сказалъ Папріархъ) впредь ошибаться и благословлять иноуѣрцевъ.» Черезъ два дни всѣ они должны были одѣться по-своему (*) — и сверхъ того Царь Алексѣй Михайловичъ, уваживъ новыя жалобы Духовенства, запретилъ Нѣмцамъ жить въ городѣ, исключая шѣхъ, которые захотѣли принять Греческую Вѣру. Имъ снова ошвели мѣста на берегу Яузы или

(*) Нѣкоторые не могли такъ скоро сдѣлать себѣ Нѣмецкихъ кафтановъ и надѣвали чужіе. „На одномъ (говорилъ Оларій) кафтанъ шился по землѣ, а на другомъ не доставалъ до колѣна — чего не лзя было видѣть безъ смѣха.“

на Кукуѣ. Съ того времени иностранцы, опличенные одеждою, едва смѣли показываться въ городѣ: мальчишки бѣгали за ними по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лихась шерпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя, и въ прошеніи своемъ говорили, что они, стараясь быть полезными для Россіи, съ горестию видяшъ себя предметомъ народной ненависти; что ошцы ихъ были щасливѣе, пользуясь милостию Государя Михаила Ѳеодоровича, который, не смотря на свое великое усердіе къ Вѣрѣ Греческой, не позволялъ Рускимъ обижать ино-вѣрцевъ. Добрый Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ увѣрить ихъ въ своемъ покровительствѣ и всенародно объявить, чтобы ничто не смѣло оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ; что всякое преступленіе сего роду будетъ строго наказано, и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные дома свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Рускихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили

Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходитъ въ собственнѣйшей народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Англійскую и Голландскую), и скоро обрашались Слободу въ маленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою.

Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рошѣ: я хотѣлъ узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей; но они не могли отвѣчать мнѣ удовлетворительно. Олеарій пишетъ, что Нѣмцы, Лютеране и Реформаты, переселясь въ Слободу во время Царя Алексѣя Михайловича, обнесли стѣною новое кладбище свое; вѣроятно, что въ самое сіе время было оставлено ими старое, отъ Слободы удаленное кладбище, гдѣ они погребали мертвыхъ, живучи въ городѣ. — Достойно замѣчанія, что Цари наши однимъ Каполикамъ не позволяли въ Москвѣ свободнаго богослуженія: дѣйствіе взаимной ненависти между Восточною и Западною Церковію! Сія ненависть усилилась еще во времена лже-Димитрія и Польскихъ злодѣйствъ въ Россіи. При осадѣ Смоленска было въ нашей арміи нѣсколько Каполиковъ; но, по окончаніи

войны, ихъ немедленно выслали за границу. Голштинскимъ Посламъ, въхавшимъ въ Персію черезъ Россію при Михаилѣ, объявили именемъ Царя, что въ свистѣ ихъ не должно быть ни одного Каполика.

Многіе иностранцы во время Государя Михаила Ѳеодоровича принимали нашу Вѣру. Нѣкто Графъ Шликъ, молодой человекъ, пріѣхалъ въ Россію съ письмомъ Датскаго Короля Хрисціана IV, и будучи обласканъ Царемъ и Боярами, объявилъ, что онъ желаетъ окреститься по обрядамъ Греческой Церкви. Государь, въ знакъ своего удовольствія, опредѣлилъ ему болѣе тысячи рублей въ годъ жалованья: сумма великая по тогдашнему времени. Всѣ знашійшіе люди были свидѣтелями его крещенія, — и Графъ Шликъ, взяшій ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыковымъ или Шлаковскимъ. Онъ зналъ Латинскій и другіе языки, имѣлъ вообще много свѣдѣній, былъ уменъ, ловокъ, и надѣялся жениться на дочери самого Царя, Иринѣ Михайловнѣ; однакожь сія надежда не исполнилась. Король Датскій увѣдомилъ Государя, что мнимый Графъ Шликъ несправедливо называется симъ именемъ, будучи совсѣмъ другой и весьма незнашной фамиліи; но Царь сдѣлалъ

только выговоръ новому Рускому Князю и не лишилъ его своихъ милостей. Сей молодой человекъ женился потомъ на дочери одного Боярина. — Полковникъ Леслей, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де-Гронъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру. Первый служилъ съ великимъ оплечіемъ при осадѣ Смоленска, и бывъ щедро награжденъ Государемъ, выѣхалъ изъ Россіи; но черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратился въ Москву, выпросилъ себѣ у Царя большую деревню на берегу Волги, и поселился въ ней съ женою и дѣтьми своими. Рускимъ крестьянамъ не полюбилось работать на чужестраннаго господина: они жаловались, что жена его обходится съ ними весьма безчеловѣчно и даже оказываетъ явное презрѣніе къ обрядамъ Греческой Церкви. Послѣднее обвиненіе было уважено еще болѣе перваго. Леслея и жену его привезли въ столицу и строго допрашивали: они клялись въ своей невинности; но самъ Патриархъ вступился въ сіе дѣло и вмѣстѣ съ Боярами убѣдилъ Государя не отдавать крестьянъ иновѣрцамъ. Леслей, узнавъ о томъ и крайне желая удержатъ за собою доходную деревню, вызвался перемѣнить Вѣру. Его окрестили, но деревню — отдали другому: ибо крестьяне объявили,

что они хотяшѣ лучше умереть, нежели
принадлежать ему. Между шѣмъ Царь
опредѣлилъ Леслею хорошее жало-
ванье. — — —

г. 1803.

О РОССИЙСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ ВЪ ЯПОНІЮ.

Въ прошедшемъ году *Вѣстника* было упомянуто о морской экспедиціи, приготовляемой въ Петербургѣ и любопытной не только для Россіи, но и для всей Европы: ибо предметъ ея не ограничивается успѣхами нашей торговли, но касается и до Наукъ, до блага человѣчества и распространенія выгодъ гражданственности между народами дикими. Сообщимъ теперь подробнѣйшее извѣстіе о семъ важномъ предпріятіи.

Господинъ Камергеръ Рязановъ, назначенный Посломъ въ Японію, отправляется съ двумя купеческими кораблями, купленными въ Лондонѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Руской Американской Компаніи. Экипажъ обоихъ состоитъ изъ опытныхъ Офицеровъ и мажорзовъ нашего флота. При миссіи вдушъ Гвардіи Офицеры, вмѣстѣ съ Учеными, которые должны въ семъ путешествіи обогатить Науку Природы новыми открытіями и

замѣчаніями — Рускіе мореплаватели отправляясь 1 Іюня изъ Кронштапта въ Поршсмундъ; опшуда къ островамъ Канарскимъ или *благополучнымъ* — какъ ихъ называли Древніе — и въ самомъ дѣлѣ достойнымъ сего имени, по своему щастливому климату и богатству даровъ естественныхъ. Тамъ Рускіе Ученые увидяшъ высочайшую вулканическую гору въ мірѣ, которая, при восхожденіи солнца, огромною своею тѣнію закрываетъ и весь островъ и море до самага горизонта, и которая, будучи на вершинѣ покрыта вѣчнымъ льдомъ, на уступахъ и скалахъ своихъ производитъ гигантское дерево, самое твердѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ (*). Умъ, проевѣщенный Наукою, можетъ объяснить шамъ исторію великихъ революцій міра: ибо Тенерифа, по мнѣнію Физиковъ, образовалась дѣйствіемъ подземнаго огня, который изъ глубокихъ нѣдръ земли извергнулъ ее на поверхность моря. Горы ея, составленныя изъ расплвленныхъ и сожженныхъ камней, занимали всегда любопытство наблюдателей. — Отъ сихъ острововъ корабли наши пойдутъ вправо, къ южнымъ странамъ Америки, къ богатой Бразиліи, гдѣ рѣки выбрасываютъ на

(*) Винашико.

берегъ золото и камни драгоцѣнные; гдѣ вѣзру Европейца представляется совсѣмъ иная Напура, такъ, что описаніе тамошнихъ растѣній и животнохъ показалось бы намъ баснословіемъ, елики бы за истину его не ручались имена Ученыхъ, заведенныхъ въ сію землю ревностію къ успѣхамъ Науки. Сколько еще любопытныхъ открытій можно тамъ сдѣлать! сколько наблюдений повѣрить и дополнить! — Ошшуда наши мореплаватели должны слѣдовать пушемъ славнаго Магеллана, оставивъ Сѣверный Океанъ Атлантическій и, мимо Капа-Горна, войти въ Южный или Тихій. Они увидятъ жителей земли Магелланской, которыхъ и самые Англинскіе путешественники (Байронъ, Валлисъ), возобновляя старыя сказки Гишпанцевъ, описываютъ намъ ужасными Гигантами. Рускіе повѣряютъ сіи извѣстія, и мы узнаемъ наконецъ истину о Патагонцахъ. — Дошедши, вдоль береговъ Хили, до гавани Вальпарезо, они обращаясь къ Сандвичевымъ островамъ (гдѣ славный Кукъ, преодолевъ всѣ опасности морей, сполна нещадно кончилъ жизнь свою отъ руки дикаго), и наконецъ пойдутъ въ Японію, чтобы открыть и основать торговое сообщеніе для Россіи съ сими островами, гдѣ промышленность и невѣжество людей

равно удивительны, гдѣ нѣкоторыя искусства достигли до неизвѣстной намъ степени совершенства, но гдѣ разумъ человѣка еще въ колыбели. Донынѣ сія земля, жертва Деспотизма и суевѣрія, торговала единственно съ Китаемъ и Голландцами, которые охотно подвергались всякаго рода уничиженіямъ, чтобы сохранить только чрезмѣрно выгодныя коммерческія связи съ нею. Если Посольство наше успѣетъ въ своемъ намѣреніи, то мы разныя вещи будемъ получать изъ Японіи гораздо лучше, нежели изъ Китая. Японскій чай, фарфоръ, лакъ, шелковыя и бумажныя матеріи, превосходятъ Китайскихъ. Русская Американская Компанія можетъ вымѣнивать ихъ на свои товары. Японцы же, при всей ихъ грубости, не такіе злые и коварные обманщики въ торговлѣ, какъ наши сосѣды Китайцы. — Сія острова представляють весьма много любопытнаго для Натуралистовъ, особливо въ царствѣ животныхъ. Соловей, который, по древнимъ баснямъ, столь восхитительно пѣлъ на могилѣ Орфеевой, былъ конечно родомъ изъ Японіи!! ибо нигдѣ не поютъ они столь пріятно, какъ тамъ; и самыми красивыми перьями отличаются. Разныя другія птицы, чудесно украшенныя рукою Натуры, и прекраснѣйшія насѣкомыя въ

сѣмѣ также находящіяся въ Японіи и могутъ обогатить *собрания* Рускихъ Императорскихъ. Тамъ же безпрестанно свирѣпствуетъ восемь Вулкановъ, пламенная лава льется рѣками, и минеральныя воды, опіианнаго свойства, кипящія въ нѣдрахъ земли какъ на сильнѣйшемъ огнѣ. Всякой, имѣя понятіе о благородномъ энтузіазмѣ Наукъ, можетъ вообразить, какъ предестина должна быть для сѣверныхъ наблюдателей земля столь богатая красою Имперіи и не менѣе любопытными ужасами.

Изъ Японіи Рускіе отправятся на 1805 годъ зимовать въ Камчатку; отсюда въ Уналашку, въ Кадьякъ и другіе острова сего Архипелага, который находится между Камчаткою и сѣвѣрною Америкою, и который открытъ нашими мореплавателями. Достойно замѣчанія, что Господинъ Рязановъ, начальникъ сей важной экспедиціи, есть зять славнаго Шелехова, присоединившаго къ Россійскимъ владѣніямъ новыя Американскіе острова, гдѣ онъ первый возгласилъ имя Великой Екатерины народамъ дикимъ, и первый осыпалъ ихъ благодарностями гражданской жизни. Зять его долженъ навѣки утвердить сіи благодарности; долженъ образовывать страны новыя, и посѣять въ нихъ Художества съ Научами. Объ Санкціи

шербургскія Академіи посылають съ нимъ книги, картины, эстампы, бюсты. Полу-
дикіе увидявъ тамъ величественный об-
разъ Екатерины, и дѣвши ихъ, можешь
быть, станушь уже чашаъ описаніе
дѣлъ Ея!

Спустися отъ Американскаго Архипе-
лага къ Нушкѣ, о кошорой не давно еще
(въ 1790 году) спорила Англія съ Гиш-
панією, наши мореплаватели возвращаются
въ Кадьякъ, нагружаясь шоварами и пой-
душь въ Каншонъ (сей единственнѣй Ки-
шайскій портъ, открытый для Европей-
цевъ, но гдѣ Рускіе не бывали, донынѣ
шорговавъ съ Кишайцами только въ Кях-
тѣ); оштуда къ Филиппинскимъ Гиш-
панскимъ островамъ, еще мало намъ из-
вѣстнымъ — гдѣ Напура, среди ужасовъ
вулканическихъ и землетрясеній, разсы-
паетъ всѣ богатства своего плодородія;
гдѣ вѣчно царствуетъ лѣто; гдѣ цвѣтъ
и плоды безпрестанно украшаютъ де-
ревья: пальмовые, лимонные и померан-
цовые лѣса служатъ щитомъ отъ неснос-
наго жара лучей солнечныхъ; кокосы,
мушкатные орѣхи, ароматическая кори-
ца, кассія, распушь безъ содѣйствія
рукъ человѣческихъ. Слово, что *подлѣ*
яда рождается и лекарство, всего справед-
ливѣе можешь быть сказано о сихъ мѣ-
стахъ: ибо нигдѣ нѣтъ столько ядови-

тыхъ и лекарственныхъ правъ, какъ на островахъ Филиппинскихъ.

Ява, Сумафра и полуостровъ Индѣйскій будутъ также предметомъ любопытства Рускихъ плавателей. Тамъ увидятъ они храмы, можеть быть, древнѣйшей Религіи въ мірѣ, монументы суетвѣрія грубаго, но почтеннаго вѣками; народы многочисленные въ подданствѣ купцовъ Европейскихъ, правящихъ ими по одному закону хищраго корыстолюбія. Тамъ обозрятъ они всѣ заведенія цвѣтущей Англійской и нынѣ уже слабой, издыхающей Голландской торговли. Наконецъ, оплывъ Мысъ Доброй Надежды, съ другой стороны выдутъ на шельфъ пунктъ, съ котораго обратились къ южной Америкѣ, и возвратятся въ любезное отечество.

Такимъ образомъ въ первый разъ флагъ Россіи *окружитъ* шаръ земный, и въ справахъ, гдѣ едва имя ея извѣстно, услышатъ языкъ нашего отечества; увидятъ въ Рускихъ не хищниковъ, не ширановъ, которые нѣкогда спѣшили по слѣдамъ Колумба злодѣйствовать въ Новомъ Мірѣ, но друзей человѣчества, предлагающихъ народамъ взаимныя выгоды торговли; увидятъ любопытныхъ наблюдателей Природы, которые выдутъ на берегъ съ орудіями мирныхъ Наукъ, а не смерти.

И такъ сія важная экспедиція должна имѣть слѣдствіемъ своимъ 1) открытіе для насъ морской торговли съ Китаемъ, съ Японією, можешь бышь съ южною Америкою и съ Индією; 2) образованіе Русскихъ колоній и торговыхъ заведеній на островахъ и швердой землѣ въ сѣверной Америкѣ; 3) наблюденія, открытія ученія, благодѣтельныя вообще для успѣховъ разума человѣческаго.

Пусть другіе удивляются молодымъ, благороднымъ Россіянамъ, которые добровольно оставляютъ пышную столицу и ввѣряютъ себя волнамъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы переходить изъ одной части міра въ другую, бышь во всѣхъ жаркихъ климахахъ Линіи и въ холодныхъ предѣлахъ Сѣвера: мы искренно завидуемъ ихъ долѣ, воображая безчисленные удовольствія, которыя ожидаютъ ихъ въ неизмѣримостяхъ Океана! Любопытство дѣятельнаго ума имѣетъ рай свой, неизвѣстный умамъ робкимъ и лѣнивымъ. Къ симъ удовольствіямъ прибавимъ еще славу участвовати въ предпріятіи важномъ и полезномъ, славу открытии путь новый для Россійскаго мореплаванія, наконецъ славу презираи опасности! онѣ и въ самой пихой, бездѣйственной жизни для человѣка неизбѣжны: опасность блестящая есть выгода славолюбія.

Заклучимъ эту спашью нѣкоторыми общими примѣчаніями. Есть люди — и Рускіе, безъ сомнѣнія очень скромные — которые ушверждають, что Россія не должна и думать о знаменитости въ мореплаваніи (ибо гавани ея запираются льдомъ на шесть мѣсяцевъ въ году), и что благоразуміе велико намъ довольствоваться продажей и куплею на мѣстѣ. Петръ Великій не такъ думалъ. Мудрено ли? Онъ былъ Руской въ душѣ и Папріотъ; а сіи господа или *Англومانь* или *Галломань*, и желаютъ называться Космополишами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ съ ними парить умомъ выше *низкаго* Папріотизма; мы стоимъ на землѣ, и на землѣ Руской; посмотримъ на свѣтѣ не въ очки Системашиковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей Государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и знаменитыхъ успѣховъ мореплаванія; а славное происхожденіе Рускихъ, ихъ гордость народная, безпримѣрная храбрость и внутренняя сила государственная указываютъ намъ на первую степень въ Политикѣ. Если бы Петръ Великій не завелъ флота, то Англійскій фрегатъ пришелъ бы иногда бомбардировать Ревель, и всякой островъ могъ бы смѣло оскорб-

ляшь Рускихъ: наши арміи не имѣли бы средствъ наказать дерзкихъ за моремъ; а сія мысль не утѣшительна для народнаго, справедливаго самолюбія обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ. Сверхъ того сильному Государству надобны деньги; а ихъ не лзя имѣть много безъ выгодной внѣшней торговли, которая возбуждаетъ, усиливаетъ внутреннюю промышленность. Россія богата естественными дарами; но они драгоценны единственно своимъ великимъ количествомъ: ихъ можно вывозить только моремъ. Безъ собственныхъ купеческихъ кораблей мы находимся въ совершенной зависимости отъ чужестранныхъ мореплавателей и купцовъ, отпуская, что имъ взятъ угодно. Перевозъ вещей есть также большая выгода — занимаетъ, питаетъ, обогащаетъ множество людей: для чего уступать ее другимъ народамъ? . . . «Но Рускія моря замерзаютъ! . . .» Однакожь кромѣ Чернаго, которое соединяетъ насъ съ Средиземнымъ, пока Геллеспонтъ открытъ для кораблей нашихъ. . . (Константинополь такъ близокъ! и Турецкая Имперія такъ вѣха!) . . . Да и сіе неудобство главнаго нынѣшняго Рускаго порта, то есть Кронштадтскаго, можетъ быть побѣждено усиліями торговаго ума и промышленности. Корабль имѣетъ время

сходишь въ Лондонъ, въ Гавръ, въ Бордо; и чтобы не стоялъ ему праздно 6 мѣсяцевъ, для чего не воспользоваться симъ временемъ для *отдаленнаго* мореплаванія съ новымъ грузомъ; чтобы возвратишься льтомъ? Было время, когда сѣверные мореходцы — Норманы, не чужіе Рускимъ — считались первыми въ Европѣ; являлись безпрестанно на берегахъ Франціи, Италіи — правда, не для торговли, а чтобы славились храбростію. Рускимъ недостаешь одного для успѣховъ ихъ мореплаванія: смѣлаго духа предпріимчивости; но онъ созрѣетъ вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ умомъ — и любезный, благодушельный Монархъ нашъ способствуетъ тому сею важною Японскою экспедиціею. Теперь военные корабли снабдили купеческіе Офицерами и мапрозами: со временемъ купеческіе могутъ снабдить ими военные, какъ въ другихъ земляхъ бываетъ. Самолюбіе наше не должно оскорбляться тѣмъ, что мы, предпринимая окружить землю, должны были нынѣ купить Англійскіе корабли, или для скорости, или для того, что они лучше и надежнѣе Рускихъ: давно ли занимаемся искусствомъ мореплаванія? давно ли мы, какъ сказалъ Ломоносовъ, *сидѣли на лодкѣ въ лужѣ*? Вспомнимъ, что и самая Англія покупала нѣкогда чужіе корабли для

своей Индѣйской торговли: Ганзейскіе города продавали ихъ купцамъ Лондонскимъ. Теперь Англія есть первая морская Держава!

Пусть въпры благополучные несутъ нашихъ Аргонавтовъ по обширному Океану! Мы будемъ слѣдовать за ними взорами и сердцами. Пусть они обозрѣваютъ моря, какъ легкое передовое войско обозрѣваетъ мѣсто, гдѣ скоро должна явиться армія! Мы жгли флоты непріятельскіе на Эгейскомъ морѣ, испребляли ихъ на Балійскомъ, щасіемъ, великимъ духомъ Екатерины и Рускою храбростію: намъ остаеся доказать, что можемъ господствовать на семъ элементѣ и народною,商ю, умною предпримчивостію!

г. 1803.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ НА ПУТИ КЪ ТРОИЦѢ.

Троицкой монастырь святѣ не только для сердецъ набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣста великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Рускіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивая побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители основанной святымъ мужемъ и Патриархомъ: сердце его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству. Черезъ нѣсколько минулъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготавилъ Россію къ величію и славу.

Но шамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ онъ всегда останавливался на возвращномъ пути изъ монастыря Троицкаго и распоряджалъ торжественный въѣздъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину сажень тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ серединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушались; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, елики не съ благоговѣніемъ, но по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, иногда аллегорическими фигурами на изразцахъ. Внутреннія украшенія не могли испошить казны Царской: пошолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однихъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жесняными скобами; окна выкрашены зеленою краскою.

Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго шутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные Бояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сияливали съ нимъ единственно въ Совѣтъ или за обѣдомъ, и то за другимъ ошоломъ. Къ сожалѣнію, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большой части отъ иностранцевъ, которые, бывъ въ Россіи, описывали ихъ; на примѣръ Герберштейнъ, Пепреусъ, Олеарій, Маржеретъ и другіе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ; не думали, что сіи обыкновенія мѣняющъ, исчезающъ и дѣлающъ занимательнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое любопытно, чего и нельзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣщеніе дѣлаетъ умъ любопытнымъ: хочешь знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе. Мнѣ случилось видѣть памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце. Я съ какою-то любовію смотрѣлъ на нѣ вещи,

которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственнѣйшій предокъ мой, служившій Царю. Я чувствовалъ, что во мнѣ не просыпала Руская кровь!

Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшій съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не загладились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть: въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами распусти двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ самый домъ: можетъ быть, Царица Наталья Кириловна посадила ихъ! — Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этошъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ дупеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородиновые кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ вѣзали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ спариковъ, свѣдущихъ въ Рускихъ

преданіяхъ. — Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только ледъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самой холодной медъ! — Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстопоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на лѣвой сторонѣ видна сосновая роща. Большая каменная церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушитъ его до основанія, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугъ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданского искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ-надесять вѣкѣ жили еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы называть своихъ предковъ варварами; но должно заглянуть мысленно въ другія части свѣта, чтобы судить справедливо о степеняхъ гражданского просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десять, пятнадцать вѣковъ учаща въ школахъ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Рускіе во время Царей. Этошъ низень-

кой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своею огромностію Министровъ Сенарскаго Царя.

Но я увидѣвъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоводъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ Екатерининою благодарности! Она любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣвъ въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимѣе самыхъ Аншекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь, достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видѣвъ, что обвѣ немъ пекутся, и любитъ своихъ благотворителей. Москва вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли двадцатая часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. Екатерина хотѣла, чтобы всякой бѣдной человѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее струями изъ ключей Мышицскихъ; теперь она уже въ городъ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и шрудна, но благодаріе пре-

восходитъ труды; и время открышиа народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, по есть небогатыхъ, слѣдственно для большаго числа. — Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень сто. Я увѣренъ, что всякой иностранной путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы.

Коляска дождалась меня въ деревнѣ Ростопкинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи. Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣтилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обогранный кровію подданныхъ, истинныхъ Бояръ Рускихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новгородцевъ, славнѣйшихъ дѣшей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ предестинной Анастасіи, столь любезной для Историка, впервыхъ по ея крошкѣмъ добродѣтелямъ, восторыхъ и потому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Извѣстно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Теодо-

ровича было свойство его съ Иоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростовинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые, слѣдуя собственному побужденію, слѣшили скорѣе преклонить колѣна передъ своимъ Государемъ; слѣшили изъяснивъ ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россіи признаетъ сіе время щастливѣйшимъ и славнѣйшимъ временемъ Иоаннова царствованія. —

Я своротилъ вѣхо съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайнинское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Юза кажется большою рѣкою, и со

всѣхъ сторонѣ обшекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, которая (любя слѣды великаго ея дѣда) построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онѣ также разрушается и, какъ мнѣ слышали, продается на свозѣ. Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо оштукатурены. Госпожа Радклифф могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; шутишь есть все нужное для ея масперства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣсницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) вѣтеръ воешь въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаетъ дверьми, съ которыхъ валился позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его лѣсницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молніи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображеніе. — Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осѣненное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; кропива и полынь распушъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскій

островѣ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы
коспи. — — Прибавлю, что въ Тайнин-
скомѣ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичъ,
возвращаясь въ Москву по взятіи Казани.
Тамъ встрѣшили его главные Бояре и
Князь Юрій Васильевичъ, братья его. По
обычаю тогдашняго времени Царица Ана-
стасія должна была ожидать супруга въ
Московскомѣ дворцѣ и преодоливъ жела-
ніе сердца, которое стремилось на встрѣ-
чу къ нему, чтобы представитъ Іоанну
новорожденного сына ихъ, Димитрія. Ка-
залось, что Провидѣніе хотѣло тогда со
всѣхъ сторонъ осыпать сладкими чув-
ствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую
дорогу въ Мышищахъ, я ходилъ пѣшкомъ,
сквозь длинную насаженную алею, къ па-
мощнымъ славнымъ колодцамъ, откуда
проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ
42; каждый представляетъ издали видъ
маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся
небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ.
Тутъ я опивалъ воду: она чиста и не
имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно
очень хороша. Колодцы деревянные, кро-
мѣ одного, каменнаго, называемаго *громо-
вымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ
ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что
изъ отверстія, имъ сдѣланнаго, пошла
сама собою чистая вода.

Село Пушкино, (въ 26 верстахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторіи тѣмъ, что въ немъ Бояринъ Иванъ Андреевичъ Хованскій, оклеветанный Мило-славскимъ, взятъ былъ подъ спражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкош-рыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англіи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствіе усердія Московскихъ жителей къ Святому Сергію! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣзжихъ съ большою для себя выгодною. Они всѣ могли бы разбогатѣть, если бы гибельная спраша, кошорая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаетъ по крайней мѣрѣ столько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торгъвые дни, милостивыхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, правами для Апшекъ; но какъ опцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только нищета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ сего ужаснаго

порока. Руской чѣловѣкъ добродушенъ: ему надобно впасшь въ нѣкоторое безпамятство, чѣобы поднять руку на ближняго. . . Но чѣто говоришь о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда опдыхали на пуши въ Троицѣ, въ селѣ Братовщинѣ, я шакже ошановился, не ошолько для ошдыха, сколько для шого; чѣобы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они состоятъ въ деревянной церкви, поспроенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ вѣшхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это ими было для меня не ново: я слыхалъ, чѣто въ старину назывались шакъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Бояре прохлаждались лѣшомъ. Цари наши не шребовали ничего великолѣпнѣйшаго для своего дорожнаго ошдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ шравою для свѣжести, ошворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя окна*: шогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, чѣто другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространѣе. Близъ вѣшхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) поспроенъ дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ

Царей. Кв нему идешь отъ села прекрасная березовая алея. Рѣчка Скауба на лѣвой споронѣ, поля и луга сосавляють очень хорошій сельскій видъ. Онѣ полюбилися Екатеринѣ Великой, Кошорая, бывъ шуъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаменъ, изгошовлены матеріалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ надлежало бытъ новому зданію, насажена въ правую спорону еще другая березовая алея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и несовершено, есть для меня что-то печальное. Развалины древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; шуъ зданіе отслужило время свое: это почтенный спарецъ, лѣшами склоненный къ землѣ и гробу — а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о трудахъ потерянныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперши, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдали, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и швореній, но и самый видъ Нашуры перемѣняется со временемъ. Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болошомъ или гущымъ лѣсомъ. Гнѣ Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Залѣскимъ*, когда вокругъ

его нѣтъ даже и рощи! Видно, что онѣ безъ вниманія смотрѣли на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславию. Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи обитаемости; въ первые вѣки Христіанскаго лѣтосчисленія она состояла изъ обширныхъ пущей, гдѣ являлись иногда кочующіе народы, подобно караванамъ въ степяхъ Африканскихъ, и гдѣ въ десятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ Нашуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Впервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; вѣтеръ, деревья растутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, неиспощимые слои зем-

ляныхъ угольевъ ожидають въ Россіи только заступа, чшобы пылашь въ нашихъ печахъ и каминахъ. —

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Братовщины, замѣчена мною по любопытной встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣвъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долѣе часу. Ему около сѣлѣтъ; но онъ едва начинаеть сѣдѣть, и швердѣ на ногахъ какъ человѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видитъ. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣтей, которыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они питаются милосшынею и дома не пекутъ хлѣба, однакожь варятъ щи. Мужъ приноситъ воду и дрова, а жена зашопляетъ печь; онъ имѣетъ болѣе силъ, а она лучше видитъ. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другаго супружества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — «Какъ не любятъ! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра (*).» — Боишься ли вы смерти? — «Чего бояться? Мы, слава Богу! пожили. Смерть не бѣда.» — Тебѣ

(*) Думаю, что это старинная пословица.

не жаль будетъ старушки? — «Чего жалѣшь! Кому нибудь надобно умереть прежде.» — А еслили она переживетъ тебя? — «Ну что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.» — — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ пригошовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; упруженный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія. — Къ удовольствію всѣхъ спрассныхъ охотниковъ до здѣшняго свѣта замѣшимъ, что едвали въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ. Всякой годъ (какъ извѣстно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимыхъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и шрудолобивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ шруда — то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ Троицы, юные Цари, Голани

и Петръ, съ Царевною Софіею жили нѣсколько времени, боясь въ Москвѣ много злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичъ и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Спрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ. Спрѣльцы взяли сторону первого, и Милославскій, спрашась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню; но опшуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣетъ злодѣйскій умыселъ обагришь руки свои въ крови Царской, умершвишь Патріарха, всѣхъ главныхъ Боярѣ; что сынъ его всенародно хвалился свойствомъ съ Королями Польскими и говорилъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на пронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а опшуда съ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ прону Государи желаютъ совѣщоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и перебу-ютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительное доказательство его невинности!) спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подѣ

спрежѣ отца и сына, оковать и привезти въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ несчастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чшобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій — ему опрубили голову. Войско, собравшееся тогда вокругъ монастыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія идти въ Москву, истребить опасное полчище Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государи, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерскіе мятежники были нужны для тайныхъ замысловъ ея властолюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между поселянами сохранилось преданіе, что Петръ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами.

Верстѣ за семь отъ Троицы открывающся, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столпу. — Я взвѣхалъ на гору Волкушу.... Рускіе Памріоны! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благо

словлялъ крестомъ и кропилъ Святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ Гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужеземныхъ тирановъ!... Я спалъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новгорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владиміра, и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества!... Рускіе были тогда сиротами: не имѣли Государя, и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Свящій Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріатели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную юдоль плача, въ самой цвѣтущей юности удался отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею пищиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣ-

довашъ съ Творцемъ Натуры; здѣсь, опираясь сердцемъ и взоромъ ошъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь глагола ошъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божию! . . . Но Святый Угодникъ, какъ говорилъ почтенный Историки Лавры, сокрывъ себя въ пустынь, не могъ сокрыть имени своего.* Мѣрскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захоули молихся вмѣстѣ съ юношею. Вошъ происхождение сего обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! шо есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіанской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и гошическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ и шестомъ-надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не только отъ мѣрскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинныя монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ,

безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые ошельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды башарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бывають *тамъ* могилою непріателя, гдѣ два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружають защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы чешырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Спихотворца, привѣстствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Димитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ XV вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіанскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры, храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Избавивъ Христіанское усердіе къ святымъ Троицкаго монастыря, я

сѣ любопытствомъ осматривалъ досто-
 памянности церквей и ризницы. Два об-
 раза, даръ Царей Іоанна и Годунова Тро-
 ицкому Собору, осыпаны рѣдкой величи-
 ны драгоцѣнными камнями. Тутъ же Ру-
 скіе Патріоты сѣ особенною вѣрою при-
 кладываются къ образу Сергія, написан-
 ному на опломкѣ гръ бовой доски его и
 бывшему во всѣхъ походахъ сѣ Госуда-
 ремъ Петромъ Великимъ, и еще сѣ Ца-
 ремъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ
 славное знамя Россіи! — Между многими
 любопытными вещами я замѣтилъ пе-
 лену Софіи, Греческой Княжны, супруги
 Великаго Князя Ивана Васильевича, и мно-
 гія церковныя утвари, вышитыя самою
 Императрицею Анною, Которая ошмѣнно
 любила женскія рукодѣлья. Елисавета
 Петровна подарила монастырю богашую
 служебную шапку и панагію, а Великая
 Екатерина большіе золотые сосуды.
 Однимъ словомъ, здѣсь всякой Руской
 Государь ознаменовалъ Свое царствованіе
 какимъ нибудь даромъ, кромѣ, если не
 ошибаюсь, Петра Великаго. Иностранцы,
 которые видали богатство Италіянскихъ
 и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще
 подивиться богатству Троицкой ризни-
 цы, большимъ серебрянымъ паникади-
 ламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украше-
 ніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака

Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоценнѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости Государей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію. Сіе отъмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохладается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, вѣзятъ сюда на богомолье. Святыя Лавры порожествовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы — когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею — ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молещичиковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовью къ отечеству, осмѣлился наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ удивительной робости

Славянскаго потомства, сразисься съ Ташарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и шоржесство Димитрія были крашкo-временны; хотя злобный Тохтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Москву: однако жъ на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Рускихъ, главная вина ихъ поспыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ битемъ Небеснымъ, которому ни-что не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ, Герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Саршакомъ — не стыдился смиренно молишь ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его: Полочанинъ Храбрый, Миша Новгородецъ, Сава Сильный, Рашмиръ Смѣлый, не дерзали поднимать руки на Ташарина! Но Димитрій далъ примѣръ, и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнувъ его и — Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Ташарскихъ.

2. Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ По-

назначено было 25-го Сентября, повелѣла Генералу Ласси идти къ Варшавѣ, недожидаясь Смоленскаго корпуса. Въ слѣдствіе сего Ласси лично съ авангардомъ прибылъ 2-го Сентября въ Сидру, а 6-го въ Тикочинъ, гдѣ исправилъ мостъ на Наровѣ, разоренный Ташарскими уланами Станиславовой паршии, которые опснули по приближеніи Россіянъ.

Главнокомандующій, узнавъ, что Нуръ занятъ 20 Польскими хоругвями, опрядилъ 13-го Генераль-Маіора Бирона съ 3-мя драгунскими полками и 2,000 пѣхоты, чтобы очистишь сей городъ и навесилъ мостъ чрезъ Бугъ. Легко было исполнишь сіе порученіе, потому что Поляки опснули къ Варшавѣ не вступая въ дѣло. Россіане, перешедъ за Бугъ, пошли къ Прагъ; Генераль Ласси прибылъ туда съ тремя драгунскими и 5 пѣхотными

къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили; мяшежники были пронуты, ничего не взяли, и клялись быть вѣрными. — Столица освободилась отъ ига; юный Михайлъ царствовалъ, но Польскій Королевичъ Владиславъ называлъ себя Царемъ Рускимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраміемъ, и такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россіею.

4. Наконецъ юный Петръ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Спрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и швердосію прекратилъ умыслы Софіина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истинною Рускою защитою, и благочестивые спарцы

ея не только молишвами, но и дѣломъ
 ревностно служили отечеству. Вообще
 должно опідать справедливость Россій-
 скому Духовенству: оно во всѣхъ народ-
 ныхъ бѣдствіяхъ извѣявало геройскій
 патріотизмъ: для того свирѣпство По-
 ляковъ, желавшихъ спокойно шираться
 въ Россіи, болѣе всего устремлено
 было противъ нашего Духовенства. Такъ
 добродѣтельный Патріархъ Эрмогенъ
 сдѣлался жертвою ихъ лютоści и своей
 любви къ отечеству. Гетманъ Желков-
 скій пребывалъ отъ него, чтобы онъ за-
 прешилъ Пожарскому собирать войско;
 но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а
 кто же спасетъ Россію?* и кончая жизнь,
 грозилъ Гетману правосудіемъ Неба, хра-
 бростию вѣрныхъ сыновъ отечества.
 Патріоты! вамъ надобно знать, что
 прахъ Эрмогена покійся въ Чудовѣ мо-
 настырѣ (а нынѣ рака его въ Успенскомъ
 Соборѣ). Отъ того, что мы не имѣемъ
 порядочной Истории, славныя и великія
 дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но
 ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ
 нѣкошораго времени намъ наивѣрдили о
 Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ
 отечеству безъ сомнѣнія прогашельна;
 но еще прогашельнѣе для меня тогдаш-
 нее брацкое согласіе Рускихъ воиновъ,
 изображенное сею милою, простою чер-

тою въ нашихъ лѣтописяхъ: никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомысленно другъ съ другомъ поступали. Вотъ что должно бышь въ памяти всѣхъ Рускихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали гражданъ своихъ прошивъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Рускіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь опечесству. На примѣрѣ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жили окрестныхъ мѣстъ оставляють и дома и семейства свои въ жерству Полякамъ, чтобы спѣшить къ Пожарскому подъ знамя опечесства!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генералъ-Фельдцейгмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоишь изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Рускихъ, историческихъ,

нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч.; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ Троицкой библіотеки посланы къ Екатеринѣ Великой, которая столь ревностно занималась нашею Исторіею; но мнѣ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ ошмѣвъ противъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходитъ. Троицкіе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч. — Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженьями Ивана Великаго) ошмѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ

архивъ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построении. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; следовательно можно заключить, что онъ и построенъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды Петра Великаго, съ девизами не худо вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей отъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалями, которыя не весьма удачно изображены художникомъ. На примѣръ, Святославъ, чудесный Герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игуменомъ: ни одной черты геройской! Лице Годунова характернѣе другихъ; оно есть также вымыселъ, какъ думаю: въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи! — Петръ Великій могъ еще жить

въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Государь посылалъ Архимандрита въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь отвѣчалъ: «какъ не быть для Вашего Величества?» и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человека, которому онъ извѣстенъ по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей сѣнисныхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ Семинаристы, называющіяся также Пасаревскимъ.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Босюэша и Массильйона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною

по-Французски; а важные учителя вѣ-
щивали въ свой разговоръ Лапинскія
фразы. Они доказывали мнѣ, что уче-
ность приѣшлива: ходили со мною и все
показывали съ видомъ искренней услуж-
ливости. Наука даетъ человѣку какое-то
благородство во всякомъ состояніи.

Въ Лаврѣ погребены многіе знамени-
тые люди; и чищая списокъ ихъ, я на-
шелъ множество именъ, которыхъ уже
нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ:
на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горба-
тыхъ, Гагиныхъ, Риполовскихъ, Воро-
тынскихъ. Князя Долгорукіе имѣли бы
право возобновить фамилію Пожарскихъ,
которой послѣдній опраשלъ, внука (если
ли не ошибаюсь) Князя Дмитрія Михай-
ловича, вышла за Долгорукаго; съ нею ис-
чезло сіе имя, шолько любезное для Рус-
скихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго
Архимандриша Діонисія. Я спросилъ, гдѣ
лежалъ кости добродѣтельнаго Келаря
Аврамія? и къ сожалѣнію услышалъ, что
Преосвященный Платонъ, любя великихъ
мужей Россіи, напрасно искалъ его моги-
лы; время сокрыло ее завѣсою тайны.
Извѣстно шолько по запискамъ мона-
стырскимъ, что Аврамій оставилъ по
кончинѣ своей: мало богатства, но много
славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погре-
бена единственная Лифляндская Королева

въ свѣшѣ, Марѳа Владиміровна, двоюродная племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей Исторіи. Іоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго Принца; давалъ ему города, чтобы снова опинимать ихъ; велѣлъ Лифляндцамъ бытъ ему вѣрными, и жестоко наказывалъ ихъ за сію вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его; она по любви къ нему опказалась опъ Россіи, когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защищѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа, стоить гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ прошивился браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его опправиться въ Кириловскій монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя ошаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присущствуетъ, и что гораздо лучше

царствовать добродѣтельно, нежели ски-
пашься по опдаленнымъ монастырямъ.
Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его
совѣта, онъ предсказалъ ему кончину
Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій,
говоря, что благочестивый Максимъ при-
зывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго,
Адашева и его самого, заклиная ихъ удер-
жать Царя. Но Іоаннъ не послушался, и
предсказаніе сбылось. Сей анекдотъ дѣ-
лается еще любопытнѣе своимъ послѣд-
ствіемъ. Въ монастырѣ С. Николая, на
берегу рѣки Яхромы, путешествуя
Царь желалъ увидѣться съ однимъ ста-
рымъ монахомъ, который прежде былъ
Епископомъ, и котораго любилъ отецъ
его. Князь Щербатовъ говоритъ, что
дѣшописцы наши не сказываютъ имени
сего монаха, а сохранили только его про-
званіе *Топорковъ*. Почтенный Историкъ
ошибся: Князь Курбскій именуемъ его
Вассіаномъ, прибавляя, что онъ былъ ро-
домъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла
лишенъ Епископскаго сана по смерти Ва-
силія Іоанновича. Сей чернецъ совѣшо-
валъ Царю быть истинно самодержав-
нымъ, опираясь всю власть у Бояръ и
царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ
Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ со-
вѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его
съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой*

не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше! . . . Царевичъ Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтельная Царица Анастасія; Іоаннъ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ уштрамамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: потерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ рассказывать такіе анекдоты: ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать и сказки опличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вросла въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановишься шупъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преслупниками? Если бы Годуновъ не убійствомъ очисти́лъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги сто́ль важны, что Рускому Патриоту хотѣлось бы сомнѣваться въ самъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятію чело́вѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно прошивоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и спрасно хотѣлъ заслужить любовь

народа! Но что принято, утверждено общим мнѣніемъ, то дѣлается нѣкопорого роду святынею; и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ крики повсюду лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія. . . Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти; все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, если мы клеветаемъ на сей пепелъ; если несправедливо перзаемъ память чловѣка, вѣря ложнымъ мнѣніемъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысленъ или враждою? . . Но я пишу теперь не Исторію; свѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

Борисъ Годуновъ (*) былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ

(*) Неправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заставила меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

чудесную силу Нашуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспитать въ немъ того страстнаго властолюбія, научить той великой хитрости, которыя составляющъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца: для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ ошмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюшѣ Скурапова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ въ Кравчіе, былъ Дружкою на свадьбѣ Царя и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Θεодора: изъ чего можно заключить о великой милости Іоанновой къ Годуну. Кончина сего Государя и слабость Θεодора открыли ему дальнѣйшіе виды властолюбія. Будучи только 17 мѣ Членомъ Тайнаго Совѣта (*), онъ сдѣлался единственною его душою: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россіи. Иностран-

(*) Онъ состоялъ изъ 31 чловѣка,

ные Писатели называютъ его торжественно-объявленнымъ Прошкаторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбіе и разумъ Кромвеля, не имѣя его шишула: Рускіе лѣтописцы даютъ ему одно имя Конюшаго. Мирное и крошкое царствованіе Θεодора, послѣ ужасовъ Іоаннова, казалось народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Θεодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленія относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностію, благоразумною политикою въ разсужденіи иноспранныхъ Державъ, правосудіемъ внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу (*), заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего сообразно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; вызвалъ для того изъ Нѣмецкой земли ученыхъ мужей и явилъ въ Россіи примѣръ нравственнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было... Увѣривъ Россію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предви-

(*) Доходы его простирались до 90,000 руб.

дѣлѣ скорую кончину Θεодора, слабого душею и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ (*), когда на тронѣ пресѣлся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Папріархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хищрый Годуновъ хотѣлъ показати, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ прона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица просила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести ошвѣщствовалъ наконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается власствовать!

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ шонкой полишскѣ Годунова: онъ желалъ увѣриши Россіянъ, что безопасность отечества ему дороже сана Царскаго — ошложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собираться войску. Серпуховъ былъ свидѣлемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколько недѣлъ собралось болѣе 200,000

(*) Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ тому прощивались.

воиновъ (*): армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянство хошбли извѣявше ошмѣнное усердіе новому Государю; вооружили столько людей, сколько могли набрать въ своихъ помѣстьяхъ, и явились въ станѣ со всемъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый станъ какъ на пиръ великолѣпный, который давала ему довольная и щастливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнца Царскаго. Но Казигирей требовалъ мира и прислалъ Мурзъ своихъ бышь свидѣтелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, стоявшаго въ ружьѣ на пространствѣ семи верстъ, они отъ страха и шепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ станѣ начались пиршества, которыхъ описаніе кажется намъ даже романическимъ. Цѣлыя шесть недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10000 человекъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ деньги просымымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами и бархатомъ; наконецъ, утвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: извѣялъ ему

(*) Маржеретъ говоритъ: пять сотъ тысячъ.

благодарность за усердіе, и съ торжествомъ возвратился въ Москву, принявъ корону отъ Патріарха. Власлюбивая Годунова душа блаженствовала въ сіе время. Едва ли какое нибудь другое царствованіе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого конца ужаснаго?

Принимая внѣдѣ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, человеколюбивымъ, ошцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*, и что въ его время не лилась кровь человѣческая на эшафадахъ; но все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умолчено: на примѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа (*); какъ во время общихъ бѣдствій, кошорыми Богъ посѣдилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну Царскую на благодѣянія. . . Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Держа-

(*) См. Манифестъ Годунова, оысканный Милеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.

вами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны были признапельны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей (*), хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика Ди пріѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли (**) учиться; взялъ въ Рускую службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ, хотѣлъ употребить тѣ же способы для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ Петра Великаго. Но судьба не позволила ему царствовать долѣе осми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе крашкое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Пешрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасе-

(*) Мильтона, Пешрея и проч.

(**) Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при дворѣ Карла IX. въ Штокгольмѣ.

ниі народа во время страшнаго голода, кошорый два года свирѣпствовалъ въ Россіи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 30,000 рублей (*); отправлялъ лекарства и большія суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подѣ начальствомъ грознаго, ошчаяннаго Хлопка, сего Рускаго Капилины, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно швердоспи для ихъ ошраженія, спокойно и величественно принималъ въ Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣніемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ (**), сажалъ Царей на троны (***), заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпоспи; славился своимъ миролюбіемъ; дѣйствиємъ одной хитрой полишки, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы (****) уважать Россію

(*) См. Пешрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ строенія, чшобы бѣдные люди, имъ питаемые, могли трудами быть полезны государству. Иванъ Великій остался монументомъ сего благодаренія.

(**) Шведскому.

(***) Касимовскаго.

(****) Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской

болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Данскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Имперашора Рудольфа и наконецъ завоевателя воспочнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ шрономъ Годунова. . . . И сего Монарха, о копоромъ Петръ Великій отзывался съ уваженіемъ, и копорого имя самъ Царь Михайлъ велѣлъ сохранить на Иванѣ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борисомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдясь описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ, для приобрѣтенія любви народной, жегъ Москву; тайно умерщвлялъ старыхъ монахинь, изъ фамиліи Романовыхъ (*), научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и даже самъ грабилъ съ ними дома Бояръ (**)! Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена; въ которыхъ можемъ и должны разсуждать; извѣсняемъ характеръ чело-

Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь, или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ-то открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи.

(*) Евфимію Никитишну, жену Князя Ивана Васильевича Спскаго.

(**) См. Ядро Россійской Исторіи.

вѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ чело-
вѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ
людей не всегда бываетъ чуждо злодѣй-
ства, но что для вѣроятности сего зло-
дѣйства надобно доказать связь его съ
пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣп-
ленный страстію, могъ ужаснымъ обра-
зомъ пролить невинную, свящую кровь
для пріобрѣтенія короны: къ несчастію
рода человѣческаго мы находимъ такія
страшныя дѣла въ Исторіи; но почти
всѣ другія мнимыя преступленія его ка-
жутся намъ нелѣпостями, достойными
грубыхъ невѣждъ, которые хотѣли зло-
словіемъ льстивъ царствующей Фамиліи
Романовыхъ. Безприсрасный Историкъ
конечно осудитъ въ немъ безпокойную
подозрительность въ разсужденіи нѣко-
торыхъ знатныхъ фамилій: она была
причиною ссылки Романовыхъ; она за-
ставила Годунова мѣшать брачнымъ сою-
замъ Бояръ и терпѣть шпіонство; но
должно вспомнить характеръ того вре-
мени; должно вспомнить, что Борисъ
царствовалъ скоро послѣ Іоанна, кото-
рый позволялъ себѣ не такіе ужасы въ
случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Онъ не ро-
дился Государемъ; а подозрительность
гораздо извинительнѣе въ избранномъ,
нежели въ наслѣдственномъ Монархѣ.
Послѣдній въ самой колыбели уже казался

намъ властелиномъ; но люди шаковы, что имъ шрудно счишашъ земнымъ богомъ челоѡва, который нѣкогда былъ наровнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать, что знашныя Бояре не охотно ему повинуюшся; и хотѣвъ бытъ ошорожнымъ, сдѣлался пришѣснителемъ. Иноспранные Писатели (*) замѣчаютъ, что онъ весьма рѣдко показывался народу: не шрудно угадать причину: Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова-подданнаго — страхъ неизвѣстный наслѣдшвеннымъ Внѣщеносцамъ! — Къ чести нравшвеннаго характера его должно замѣшшть, что онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Москва въ царштво-ваніе Бориса не видала при Дворѣ шѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ явленій, которые описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царштво-ваніе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣніе и соблюдалась шрогая благопристойность. Усердная набожность принадлежишь также къ характеру Годунова; не лзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнию любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь (**).

(*) Маржеретъ.

(**) См. Флешчера.

Никто изъ Рускихъ Царей чаще Бориса не бывалъ въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителѣхъ. Можетъ быть угрызеніе совѣсти влекло его къ олшарямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаетъ, и льетъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія: рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать (*). . . Вдругъ все перемѣнилось! . . . Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтеніемъ Европа и Азія, уступаетъ пронѣ свой Польскому бродягѣ! . . . Вошъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольно число вѣроятностей для убѣжденія. . . . Хотя Историкъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однако жъ истина всегда зараниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно

(*) Маржеретъ, вѣрный слуга Лжедмитрія, и слѣдственно недоброжелатель Годунова, пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и счастливѣе прежняго.

опыскашь ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.

Естьли Небесное правосудіе хотѣло наказашъ Годунова, то Оно не могло избратьъ ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и естьли Годуновъ подлинно оправилъ себя ядомъ, то безразсудное его опчаяніе можно только извяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпкойной совѣсти (*): ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ бояться самозванца, на голову побившаго Царскою арміею и не смѣвшаго вышши изъ Пушिवля, гдѣ едва ли было у него и 3000 сброднаго войска (**). Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Феодора, несогласіе Боярѣ и наконецъ измѣна

(*) Маржеретъ и Петрей, бывшіе тогда въ Россіи, говоряшъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; а которые иностранцы думали, что измѣнникъ Пешръ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждающъ, что Борисъ самъ себя отравилъ.

(**) Въ тогдашнее состояніе дѣлѣ: самозванецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Пушивль съ своими Іезуитами; Воевода Сендомирскій, отецъ Маринъ, уѣхалъ назадъ въ Польшу; часъъ Борисовой арміи не могла взять Рыльска, заняшаго единомышленниками Ошрельева; главная армія осаждала Кромъ, и начальники ея ссорились между собою.

неблагодарнаго Басманова опирьгли ему
пушь къ Москвѣ. — Что принадлежишь
до тогдашней народной ненависти къ
Царю Борису, о которой говоримъ
Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣши-
тельныхъ ея доказательствъ. Извѣстно
непостоянство народа: онъ могъ быть
обольщенъ чудесною новостію и слѣдо-
вать за Лжедимириевыми знаменами
безъ всякой особенной ненависти къ
Борису, который правленіемъ своимъ не
заслужилъ ее. Скорѣ повѣрю я Ташище-
ву, что Бояре не любили тогда Годуно-
ва: ибо онъ, запрещивъ крестьянамъ пе-
реходить съ мѣста на мѣсто, отнялъ у
сильныхъ и богатыхъ господъ средство
разорять бѣдныхъ дворянъ, то есть пе-
реманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ.
Ташищевъ находить въ семъ законѣ при-
чину гибели Царя Бориса и несчастнаго
семейства его. Но Пашріоту не хотѣлось
бы оскорблять памяти старинныхъ Бо-
яръ Рускихъ и думать, что грубое коры-
столюбіе могло привязать ихъ къ успѣ-
хамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ
намъ жалѣть о добродѣтельной Борисо-
вой супругѣ (о которой онъ, по сло-
вамъ одной лѣтописи нашей, шилъ не-
похвальныя дѣла свои) — о юномъ и пре-
красномъ Феодорѣ, котораго умъ и свой-

сства единодушно прославляють всѣ Рускіе лѣтописцы, и который, подобно Англіійской Аніѣ Грей, нашелъ на проиѣ одну преждевременную смершь — — наконецъ о любезной Ксеніи, сшоль милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдсшвіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, Принца Дадскаго, она лишилась родителя — видѣла убіеніе матери, брата, и была жертвою гнуснаго сластолюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевезши шѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *гестно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ. Симъ извѣявилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова, который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежишъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ прешьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвершомъ Феодоръ.

Всякой, кто знаетъ исторію опечесства, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палашку; усшремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: «вошъ чѣмъ должно кончиться земное власшлюбіе!» и примолвитъ: «Богъ

«судитѣ тайныя злодѣянiя; а мы дол-
 жны хвалишь Царей за все, что они
 «дѣлають для славы и блага отече-
 «ства!» — — —

Изъ монастыря побѣхалъ я въ село Деу-
 лино, до котораго будетъ версты 4 отъ
 Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками
 миръ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ,
 не славный, однакожь въ тогдашнихъ об-
 стоятельствахъ благодѣтельный для Рос-
 сiи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ и
 еще нѣсколько городовъ; за то Короле-
 вичъ Владиславъ отказался отъ своихъ
 притребованiй на престолъ Россiйскiй, и
 возвратилъ изъ плѣна Филарета Ники-
 тича. Три раза сбѣзжались Министры:
 въ первый разъ (по словамъ лѣтописцевъ)
 они побранились, въ другой едва не по-
 дрались, а въ третiй заключили миръ на
 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россiи, ко-
 нечно не думали, что имъ уже никогда
 не возвращаться въ ея предѣлы. Деулин-
 скiй договоръ былъ послѣднимъ дѣйстви-
 емъ трагедiи, которую они столько лѣтъ
 играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая
 ихъ неисповѣства — грабежи, убiйства,
 всякаго роду насилiя — я вижу дѣйстви-
 е Небеснаго правосудiя, которое дозволило
 потомству опмстити за предковъ, из-
 бравъ Екатерину Великую для совер-
 шенiя удара. Взаимная ненависть двухъ

народовъ рано или поздно кончится погибелю одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались пр�кташы съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили свои имена; такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладогои, онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ пр�кташъ съ Шведами. Заполье и Андрусово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру, служащъ донынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ, знающихъ свою Исторію. — Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій: Рускихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамошній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, сколько ли онъ свидѣлъ въ Рускихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любо-

пышными. Исторія въ нѣвошорыхъ лѣ-
тахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе ро-
мановъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ
особенную прелесть, которой нѣтъ въ
вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ рас-
положеніи, въ которомъ цвѣты разума и
воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ
можетъ еще съ какимъ-то меланхоличе-
скимъ удовольствіемъ заниматься Исто-
рією: тамъ все говоритъ о томъ, что
было, и чего уже нѣтъ! . . .

г. 1803.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ и ХОЛОДНЫЙ.

ДВА ХАРАКТЕРА.

Духъ системы заставлялъ разумныхъ людей утверждать многія странности и даже нелѣпости: такъ нѣкоторые писали и доказывали, что наши природныя способности и свойства одинаковы; что обстоятельства и случаи воспитанія не только образуютъ или развиваютъ, но и даютъ характеръ человѣку, вмѣстѣ съ особеннымъ умомъ и талантами; что Александръ въ другихъ обстоятельствахъ могъ быть миролюбивымъ Браминомъ, Эвклидъ Авторомъ чувствительныхъ романовъ, Апполина нѣжнымъ пастушкомъ, а Петръ Великій — обыкновеннымъ человѣкомъ! Если бы надобно было опровергать явную ложь, то мы представили бы здѣсь множество хорошовоспитанныхъ, множество ученыхъ людей, которые имѣютъ все, кромѣ — чувства и разума... Нѣтъ! одна Природа шворитъ и даетъ: воспитаніе только образуетъ. Одна Природа сѣетъ: искусство

или наставленіе только поливаетъ сѣмя, чтобы оно лучше и совершеннѣе распустилось. Какъ умъ, такъ и характеръ людей есть дѣло ея: отецъ, учитель, обшественства, могутъ помогать его дальнѣйшимъ развитіямъ, но не болѣе. — Привязываетъ ли Натура умственныя способности и нравственныя свойства къ нѣкоторымъ особннымъ формамъ или дѣйствіямъ физическаго состава, мы не знаемъ: это ея тайна. Система Лафатера и Доктора Галля кажется намъ по сіе время одною игрою воображенія. Самъ почтенный и благоразумный Кабанисъ, извѣщая свойствомъ твердыхъ частей и жидкостей счастье и несчастіе жизни — нравъ, спрасси, печаль и веселье — не берется разбѣрись и развѣсись по-Аппекарски, сколько чего надобно для произведенія Генія, Математика, Философа, Спихотворца, злодѣя или добродѣтельнаго мужа.

Какъ бы то ни было, мы видимъ въ свѣтѣ людей умныхъ и чувствительныхъ, умныхъ и холодныхъ, *отъ колыбели до гроба*, согласно съ Рускою пословицею; и нравственное свойство ихъ такъ независимо отъ воли, что всѣ убѣжденія разсудка, всѣ твердыя намѣренія переѣмнишься нравомъ, остающагося безъ дѣйствія. Лафонтенъ сказалъ:

Мы вѣчно то, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено.
Гони Природу въ дверь: она влѣзетъ въ окно!

Правда, что сію неволю знаютъ одни чувствительные; холодные всегда довольны собою, и не желаютъ переѣмниться. Одно такое замѣчаніе не доказываетъ ли, что выгода и счастье на сторонѣ послѣднихъ? Первые безъ сомнѣнія живѣе наслаждаются; но какъ въ жизни болѣе горестей, нежели удовольствій, то слабѣе чувствовать тѣ и другія есть выигрышъ. Боги не даютъ, а продаютъ намъ удовольствія, сказалъ Греческій Трагикъ: и слишкомъ дорого, можно примолвить, такъ, что мы съ покупкою остаемся въ глупцахъ. Но чувствительный есть природный мотъ: онъ видитъ свое разореніе, борется съ собою и все покупаетъ.

Однакожь, любя справедливосшь, замѣшимъ и свойственные ему преимущества. Равнодушные люди бывають во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе въ свѣтѣ, менѣе дѣлають бѣдъ и рѣже разстроивають гармонию общества; но одни чувствительные приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляють свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Моншаня, нуженъ всегда *небольшой прикусъ безразсудности*, un peu de folie; они то блистають талантами воображенія

и творческаго ума: Поэзія и краснорѣчіе есть дарованіе ихъ. Холодные люди могутъ быть только Машемашиками, Географами, Натуралистами, Аншикваріями и — если угодно — Философами! . . .

Мы имѣли случай узнать исторію двухъ человѣкъ, которая представляла въ лицахъ сіи два характера.

Эрастъ и Леонидъ учились въ одномъ пансіонѣ и рано сдѣлались друзьями. Первой могъ назваться красавцемъ: второй обращалъ на себя вниманіе людей опмѣнно-умнымъ лицомъ. Въ первомъ съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность: второй, казалось, родился благоразумнымъ. Эрастъ удивлялся своимъ понятіямъ, Леонидъ прилѣжаніемъ. Казалось, что первой не учился, а только воспоминаетъ старое; второй же никогда не забывалъ того, что узнавалъ однажды. Первой, отъ излишней надежности на себя, откладывала всякое дѣло до послѣдней минутой, иногда не выучивалъ урока: второй зналъ его всегда заблаговременно, все еще пвердилъ и не вѣрилъ своей памяти. Эрастъ дѣлалъ иногда маленькія проказы, ссорился съ товарищами и не рѣдко заслуживалъ наказаніе; но всѣ его любили. Леонидъ велъ себя тихо, примѣрно и не оскорблялъ никого; но его только хвалили. Одного

считали искреннимъ, добродушнымъ: таковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Другаго подозрѣвали въ хитроспеси и даже въ лукавствѣ: но онъ былъ только остороженъ. — Ихъ взаимная дружба казалась чудною: споль были они не сходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла прелесть удивительнаго. Чувствительность одного требовала сообщенія: равнодушіе и холодность другаго искали занятія. Когда сердце и воображеніе пылають въ человѣкѣ, онъ любитъ говорить; когда душа безъ дѣйствія, онъ слушаетъ съ удовольствіемъ. Эрастъ еще въ дѣтствѣ плѣнялся романами, Поэзіей, а въ Исторіи болѣе всего любилъ чрезвычайности, примѣры геройства и великодушія. Леонидъ не понималъ, какъ можно заниматься небылицами, то есть, романами! Стихотворство казалось ему трудною и бесполезною игрою ума, а стихотворцы людьми, которые хотѣли прыжко бѣгать въ кандалахъ. Онъ читалъ Исторію съ великою прилѣжностію, но единственно для того, чтобы знать ее, не для внутренняго наслажденія, но какъ вакабулы или Грамматику. Мудрено ли, что мнѣнія друзей о герояхъ ея были не

согласны? Эрастѣ превозносилъ до небесъ великодушіе и храбрость Александра: Леонидѣ называлъ его отважнымъ безумцемъ. Первой говорилъ: *онѣ побѣдилъ вселенную!* Второй отпѣщивовалъ: *не зная для тего!* Эрастѣ обожалъ Катона, добродѣтельнаго самоубійцу: Леонидѣ считалъ его помѣшеннымъ гордецомъ. Эрастѣ восхищался бурными временами Греческой и Римской свободы: Леонидѣ думалъ, что свобода есть зло, когда она не даетъ людямъ жить спокойно. Эрастѣ вѣрилъ въ Историю всему чрезвычайному: Леонидѣ сомнѣвался во всемъ, что не было согласно съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей. Одинѣ спрашивался съ воображеніемъ пылкимъ, а другой съ флегматическимъ своимъ характеромъ.

Какъ мнѣнія, такъ и поступки нашихъ друзей были различны. Однажды домъ, гдѣ они учились и жили, загорѣлся ночью: Эрастѣ вскочилъ съ постели neodѣтый, разбудилъ Леонида и другихъ пансіонеровъ, тушилъ огонь, спасалъ драгоценныя вещи своего Профессора и не думалъ о собственныхъ. Домъ сгорѣлъ, и Эрастѣ, обнимая друга, сказалъ съ великодушнымъ чувствомъ: *я всего лишился; но въ общихъ бѣдствіяхъ хорошо забывать себя...* «Очень дурно», отпѣчалъ Леонидѣ съ хладнокровіемъ: «человѣкъ создалъ ду-

«машь сперва о себѣ, а шамь о другихъ;
 «иначе не лѣзя спояшь свѣшу. Хорошо,
 «что мнѣ удалось поправиль швою без-
 «разсудность: я спасъ и сундуки и книги
 «наши.» Такъ Леонидъ мыслилъ и посту-
 палъ на шестнадцатомъ году жизни. —
 Въ другой разъ они шли по берегу рѣки:
 въ глазахъ ихъ мальчикъ упалъ съ мосту.
 Эрастъ ахнулъ и бросился въ воду. Лео-
 нидъ хотѣлъ удержатъ его, но не успѣлъ;
 однакожь не потерялъ головы, даже не
 закричалъ, а шолько изо всей силы пу-
 снулся бѣжать къ рыбакамъ, которые
 въ дали расправляли сѣти; — бросилъ имъ
 рубль и велѣлъ спасти Эраста, который
 уже понулъ. Рыбаки черезъ пять минушъ
 выпасили его вмѣстѣ съ мальчикомъ.
 Леонидъ бранилъ своего друга: называлъ
 глупцомъ, безумнымъ; однакожь плакалъ...
 Рѣдкая чувствительность холодныхъ лю-
 дей бываешь шѣмъ замѣшнѣе и прога-
 шельнѣе. Эрастъ цѣловалъ его и воскли-
 цалъ: я жертвовалъ собою для спасенія те-
 ловѣка, обязанъ жизнью другу и вижу слезы
 его: какое щастіе!

Они въ одно время оставили пансіонъ
 и вмѣстѣ отправились въ армію. Эрастъ
 швердилъ: надобно искать славы! Леонидъ
 говорилъ: долѣзъ велитъ служить дворяни-
 ну... Первой бросался въ опасности —
 другой шелъ, куда посылали его. Первой

онѣ излишней запальчивости скоро попался въ пѣни къ непріятелю; другой заслужилъ имя хладнокровнаго, благоразумнаго Офицера, и крестѣ Георгія при концѣ войны. Мирѣ освободилъ Эраста... Какѣ искренно радовался онѣ возвышенію друга, который далеко опередилъ его въ чинахъ воинскихъ! Ни малѣйшая тѣнь зависти не омрачила его добраго, чистаго сердца. — Оба вмѣстѣ перешли они въ гражданскую службу. Леонидѣ занялъ мѣсто совсѣмъ не блестящее и шрудное: Эрастѣ вступилъ въ канцелярію значнѣйшаго вельможи, надѣясь своими талантами заслужить его вниманіе и скоро играть великую роль въ государствѣ. Но для успѣховъ честолюбія нужны гибкость, постоянство, холодноств, терпѣніе: Эрастѣ же не имѣлъ ни котораго изъ сихъ необходимыхъ свойствъ. Онѣ писалъ хорошо; но вручая бумагу Министру, гордымъ взоромъ не просилъ снисходительнаго одобренія, а требовалъ справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только передъ нимъ унизиться. «Пусть онѣ знаетъ — говорилъ Эрастѣ Леониду — что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время шрудиться въ неизвѣстности, чтобы стать нѣкогда на ту степень, которая достойна благороднаго честолюбія, и на

которой дѣла мои будутъ славны въ отечествѣ!»... Любезной другъ! отвѣчалъ Леонидъ: никакіе таланты не возвысятъ теловѣка въ государствѣ безъ цгожденія людѣмъ; естли не хочешь служить имъ, то они не дадутъ тебѣ способа служить и самому отечеству. Не презирай нижнихъ ступеней лѣсницы: онѣ ведутъ къ верхней. Искусный тестолобецъ только изрѣдка взглядываетъ на отдаленную цѣль свою, но безпрестанно смотритъ себѣ подъ-ноги, чтобы идти къ ней вѣрно и не обступиться.... Сей медленный, благоразумный ходъ не могъ нравиться пылкому Эрасму. Иногда онъ работалъ съ удивительнымъ прилѣжаніемъ; иногда, утомленный дѣлами, искалъ отдохновенія въ свѣтскихъ разсѣяніяхъ. Но сей опасный, мнимый отдыхъ мало по малу обратился для него въ главное дѣло жизни. Эрасмъ былъ молодъ, прекрасенъ, уменъ и богатъ: сколько правъ наслаждаться свѣтомъ! Женщины ласкали его, мужчины ему завидовали: сколько пріятностей для сердца и самолюбія! Онъ сократилъ вечера для работы, чтобы продлить ихъ для удовольствій общества, находя, что одобрительная улыбка Министра не такъ любезна, какъ нѣжная улыбка прелестныхъ женщинъ. Къ чести его скажемъ, что онъ, забывая должность, ссыдился внутренно

своей неисправности; однакожь не хотѣлъ сносить ни малѣйшихъ выговоровъ, и всякой разъ оправдывалъ на нихъ требованіемъ отставки. Министръ его былъ человѣкъ доброй и разсудительной, но человѣкъ: онъ вышелъ изъ терпѣнія — и Эрастъ сдѣлался наконецъ свободнымъ, то есть празднымъ.

«Поздравь меня съ любезною вольностию!» сказалъ онъ Леониду, вбѣжавъ въ кабинетъ къ нему: «мнѣ запретили быть полезнымъ государству: никто не запретилъ мнѣ быть щастливымъ.» Леонидъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ оправдывалъ другу: «жалѣю о тебѣ! Человѣку въ двадцать-пять лѣтъ не позволено жить для одного удовольствія.»

Разумѣется, что Эрастъ, взявъ отставку, шѣмъ ревностию служилъ Граціямъ. Онъ былъ испинно чувствителенъ: слѣдственно хотѣлъ еще болѣе любить, нежели правиться. Скоро очарованіе нѣжной спрасхи представило ему свѣтъ въ одномъ предметѣ и жизнь въ одномъ чувствѣ. . . Блаженный любовникъ, забывъ вселенную, вспомнилъ только одругъ, и летѣлъ къ нему говорить о своемъ щастіи. — Снисходительный Леонидъ оставлялъ приказныя бумаги, и слушалъ его; но часто, облокотясь на каминъ, дремалъ среди самыхъ живыхъ опи-

саній новаго Сен-Прё, который иногда въ жару сердечнаго краснорѣчія не видалъ того; иногда же, пораженный усыпительнымъ дѣйствіемъ своихъ, какъ ему казалось, чрезмѣрно любопытныхъ разсказовъ, говорилъ съ жалкимъ видомъ: *ты дремлешь!*... «Мой другъ! отвѣчалъ Леонидъ: «вы, любовники, имѣете обыкновеніе швердить сто разъ одно; а всякія ненужныя повторенія склоняють меня къ дремотѣ.» — Леонидъ держался Бюффовою системою, и нравственная любовь казалась ему дурною выдумкою ума человѣческаго. Эрастъ называлъ его грубымъ, безчувственнымъ, камнемъ и другими подобными ласковыми именами. Леонидъ не сердился, но стоялъ въ томъ, что благо-разумному человѣку надобно въ жизни заниматься дѣломъ, а не игрушками разгоряченнаго воображенія. — Споры друзей продолжались — и нерѣшились; но Эрастъ оставлялъ иногда обожаемую красавицу, чтобы ѣхать къ Леониду и доказывать ему неописанное щастіе, какимъ любовникъ наслаждается въ присутствіи любовницы! Хладнокровный Философъ нашъ улыбался...

Онъ находилъ и другіе случаи шоржествовать надъ своимъ противникомъ. Давно уже сравнивають любовь съ розою, которая плѣняетъ обоняніе и глаза,

но колѣбъ руку: къ несчастію, перніе
долговѣчиѣ цвѣта! . . . Эрастѣ, наслаж-
даясь восторгами, испытывалъ и недо-
вольствія: иногда самъ скучалъ, иногда
имъ скучали; иногда спрадалъ отъ своей
вѣрности, иногда мучился отъ непосто-
янства любовницѣ. Надобно замѣтить,
что и самые блестящіе молодые люди
по большей части входилъ въ связи съ
женщинами вѣтренными, которыя избав-
ляютъ ихъ отъ труднаго исканія: му-
дрено ли, что любовь и непостоянство
имѣютъ почти одно значеніе въ свѣтѣ?
Эрастѣ со слезами бросался иногда въ
объятія къ вѣрному другу, чтобы жало-
ваться ему на милыхъ обманщицѣ. Лео-
нидѣ въ такихъ случаяхъ поступалъ ве-
ликодушно: утѣшалъ его и не думалъ
смѣяться надъ бѣднымъ спрадалцемъ.
Но искренній Эрастѣ самъ любилъ обви-
нять себя, проклиналъ заблужденія спра-
щей, писалъ ѣдкія сапиры на кокетокъ,
и сперва чисталъ ихъ только другу — а
черезъ нѣсколько дней женщинамъ — а
черезъ нѣсколько дней бросалъ въ огонь,
снова плѣняясь какимъ нибудь *Ангеломъ*:
ибо всякая томная прелестница, которая
брала на себя трудъ увѣрить его въ люб-
ви своей, обыкновенно казалась ему су-
щесствомъ небеснымъ, и Леонидѣ снова
долженъ былъ засыпать, слушая красно-

рѣчивыя описанія милыхъ ея свойствъ и чувствительности. — Однимъ словомъ , Эрастъ или блаженствовалъ или терзался; или, въ ошуществіи живыхъ чувствъ, помирался несносною скукою. Леонидъ не зналъ щастія, но не искалъ его и былъ доволенъ мирнымъ спокойствіемъ души леной и крошкой. Первой умомъ обожалъ свободу, но сердцемъ зависѣлъ всегда отъ другихъ людей: второй соглашалъ волю свою съ порядкомъ вещей и не зналъ тягости принужденія. Эрастъ иногда завидовалъ равнодушію Леонидову: Леонидъ всегда жадѣлъ о пылкомъ Эрастѣ.

Сей послѣдній уѣхалъ наконецъ изъ П* — слѣдомъ за одною красавицею — оставивъ Леонида больного; дорогою безпокоился, считалъ себя пресупникомъ въ дружбѣ, хотѣлъ десять разъ ворошиться, но между тѣмъ вѣхалъ уже въ М*у — откуда черезъ нѣсколько дней извѣстилъ друга о своей женишьбѣ. . . «Увѣреный, писалъ онъ, многими опытами, что всѣ нѣжныя связи, основанныя только на удовольствіи, не могутъ быть надежны и, разрываясь, оставляютъ въ сердцѣ горесть о минувшемъ заблужденіи, я прибѣгнулъ къ союзу, освященному мѣнѣмъ и закономъ! Вѣчность его павляетъ душу мою, утомленную непостоянствомъ.» — Эрастъ заклиналъ

друга спѣшитъ къ нему въ объятія и бытъ свидѣтелемъ его истиннаго щастія. Леонидъ скоро явился въ М*. . . . Обрадованный Эрасмъ бросился къ нему на встрѣчу, говоря: «теперь вижу опытъ нѣжной дружбы швоей!» . . . Я отпросился въ отпускъ, сказалъ Леонидъ равнодушно, тобы — ѣхать въ свою деревню. Мыъ терезъ М* и дорога. . . И въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ черезъ два дни.

Эрасмъ и самому себѣ и другимъ казался щасливымъ: Нина, супруга его, была прекрасна и мила. Онъ наслаждался вмѣстѣ и любовію и покоемъ; но скоро примѣшилъ въ себѣ какое-то чудное расположение къ меланхоли: задумывался, унывалъ и радъ былъ, когда могъ плакать. Мысль, что судьба его навсегда рѣшилась — что ему уже нечего желать въ свѣтѣ, а должно только бояться потери — удивительнымъ образомъ превозжила его душу. Мы никогда не изяснимъ сего чувства холоднымъ людямъ: оно покажется имъ безуміемъ, но дѣлаешь самыхъ щасливыхъ нещасными. Воображеніе, которому навѣки-занятое сердце не позволяешь уже искасть таинственнаго блаженства за отдаленнымъ горизонтомъ, какъ будто бы скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ и раждаетъ печальные фаномы вокругъ насъ.

Въ семъ расположеніи Леонидъ нашелъ Эраспа, возвращаясь изъ деревни въ М^{*у}, и далъ слово прожить съ нимъ нѣсколько времени. Нина желала показаться ему любезною: мудрено ли? Эраспъ такъ неутомленно хвалилъ его! и друзья мужей, какъ извѣстно, имѣютъ великія права на ласку женъ. Леонидъ, всегда равнодушный и спокойный, былъ шѣмъ занимательнѣе въ обществѣ: сердце никогда не мѣшало уму его искать на досугъ пріятныхъ идей для разговора. Къ тому же мы замѣтили, что холодные люди иногда болѣе чувствительныхъ правятся женщинамъ. Послѣдніе съ излишнею скоростію и безъ всякой *экономіи* обнаруживаютъ себя; а первые долѣе скрываются за щитомъ равнодушія и возбуждаютъ любопытство, которое сильно дѣйствуетъ на женское воображеніе. Хочется видѣть въ пылкой дѣятельности сердце флегматическое; хочется оживить стапую... Но безъ дальнѣйшихъ извѣщеній скажемъ, что Леонидъ вдругъ — уѣхалъ въ П^{*}, не простившись ни съ хозяиномъ, ни съ хозяйкою.

Эраспъ изумился и спѣшилъ къ женѣ своей... Нина обливалась слезами, писала и хотѣла скрыть отъ него бумагу. Онъ вырвалъ письмо изъ рукъ ея... Бѣдный мужъ, но другъ щастливый!... Откры-

лось, что Нина обожала Леонида, но что онъ не хотѣлъ измѣнить дружбѣ, и для того удалился. Безразсудная въ письмѣ своемъ къ нему заклинала его возвратиться, а въ противномъ случаѣ грозилась отправить себя ядомъ. . . . Эрастъ оцѣнилъ ошъ ужаса. . . . Виновная супруга лежала у ногъ его безъ памяти. . . . Видя смертную блѣдность ея, онъ забылъ все, и старался только привести ее въ чувство. . . . Нина открыла помные глаза свои. Не знаю, что она говорила Эрасту; но Эрастъ черезъ нѣсколько минутъ, прижавъ ее къ своему сердцу, громко воскликнулъ: *такое Ангельское раскаяніе милѣе самой непорочности; все забываю, и мы будемъ счастливы!* . . . Въ тотъ же день онъ написалъ къ Леониду: «О другъ вѣрный и безцѣнный! послушай твой защмѣваетъ добродѣтель Сципіонову; но смѣю думать, что въ подобныхъ обстоятельствахъ я сдѣлалъ бы то же!» Леонидъ въ отвѣтъ своемъ изъяснилъ сожалѣніе о домашней его неприязни, и сказалъ между прочимъ: «Женщины любезны и слабы какъ дѣти; надобно многое спускать имъ; но какой благо-разумной человѣкъ пожертвуетъ стариннымъ другомъ минушней ихъ прихопи?»

Сердца нѣжныя всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслию, что

они приобрѣтають шѣмъ новыя права на любовь виновнаго; но раскаяніе души слабой не надолго укрѣпляетъ ее въ добродѣтельныхъ чувствахъ: оно, какъ прѣпешаніе музыкальной струны, постепенно ушихаетъ, и душа входитъ опять въ то расположеніе, которое довело ее до порока. Легче удержаться отъ первой, нежели отъ второй вины — и бѣдный Эрастъ развелся съ женою, ибо не всѣ его знакомые, подобно Леониду, спасались бѣгствомъ отъ прелестей Нины.

Мы видимъ несчастныхъ мужей въ свѣтѣ, и почти привыкли къ нимъ; но есть-ли они чувствительны, то можемъ ли искренно не сожалѣть объ нихъ? Мы любимъ плакать со вдовцемъ горестнымъ: онъ щастливъ въ сравненіи съ мужемъ, который долженъ ненавидѣть или презирать супругу!... Эрастъ въ отчаяніи своемъ жаловался на судьбу, а еще болѣе на женщинъ. «Я любилъ васъ пламенно и нѣжно,» говорилъ онъ: «умѣлъ бытъ по-«стояннымъ для самыхъ вѣпреницъ; умѣлъ «бытъ честнымъ въ самыхъ неправст-«венныхъ связяхъ; видѣлъ, какъ забывае-«ше ваши должності, но помнилъ свои—«и въ награду за то, бывъ нѣсколько «разъ оставленнымъ любовникомъ, сдѣ-«лался наконецъ обманутымъ мужемъ!» Эрастъ недѣли двѣ плакалъ, недѣли двѣ

скишался одинъ по окрестностямъ города, а шамъ, желая чѣмъ нибудь занявшись, вздумалъ бытъ — Авторомъ.

Чувствительное сердце есть богатый источникъ идей: ежели разумъ и вкусъ помогающъ ему, то успѣхъ несомнителенъ, и знаменитость ожидаетъ Писателя. Эрастъ жилъ уединенно, но скоро обратился на себя общее вниманіе; умные произносили его имя съ почтеніемъ, а добрые съ любовію: ибо онъ родился нѣжнымъ другомъ чловѣчества, и въ швореніяхъ своихъ изображалъ душу спрашную ко благу людей. Призракъ, называемый славою, явился ему въ лучезарномъ сіяніи и воспламенилъ его ревностію безсмертія. «О слава!» думалъ онъ въ восторгѣ сердца: «я искалъ тебя нѣкогда въ дыму сраженій и на полѣ кровопролитія: нынѣ, въ шихомъ кабинетѣ, «вижу блестящій образъ швой передъ собою, и посвящаю тебѣ остатокъ моей жизни. Я не умѣлъ бытъ щасливымъ, но могу бытъ предметомъ удивленія; «вѣнки миршвые вянутъ съ юностію: «вѣнокъ лавровой зеленѣетъ и на гробѣ!»... Бѣдной Эрастъ! ты промѣнялъ одну мечшу на другую. Слава благшворна для свѣша, а не для тѣхъ, которые приобрѣтающъ ее.... Скоро зашипѣли ехидны зависши, и добродушный Авторъ

нажилъ себѣ непріятелей. Сіи чудные
 люди, которыхъ онъ не зналъ въ лицо,
 блѣднѣли и страдали отъ его Автор-
 скихъ успѣховъ; сочиняли гнусные, ядо-
 витые пасквили, и гоповы были распер-
 зать челоуѣка, который не оскорбилъ
 ихъ ни дѣломъ, ни мыслию. Напрасно
 Эрастъ вызывалъ завистниковъ своихъ
 писать лучше его: они умѣли только изли-
 вать ядъ и желчь, а не блистать талан-
 томъ. Эрастъ имѣлъ слабость огорчаться
 ихъ ненавистію, и писалъ къ своему другу:
 «Узнавъ вѣтреность женщинъ, вижу те-
 перь злобу мужчинъ. Первыя извиняю-
 ся хотя удовольствіемъ: вторыя дѣла-
 ютъ зло безъ всякой для себя выго-
 ды.» — «Всего вѣрнѣе (отвѣчалъ ему Лео-
 нидъ) итти въ свѣтъ большою доро-
 гою и запасаться такими деньгами, ко-
 торыя вездѣ принимаются. Служба
 есть у насъ вѣрнѣйшій путь къ уваже-
 нію (котораго сродно искалъ людямъ
 въ гражданскомъ соединеніи), а чины хо-
 дячая монета; положимъ, что слава дра-
 гоцѣннѣе: но многіе ли знаютъ ея клей-
 мо и высокую пробу? Это не монета,
 а медаль: одинъ значокъ возьмешь ее
 вмѣсто денегъ. Къ тому же дарованія
 ума всегда оспариваются, и причина
 ясна: души малыя, но самолюбивыя, ка-
 кихъ довольно въ свѣтѣ, хотяшъ возве-

«личись униженіемъ великихъ. Но дѣло
«сдѣлано, и ты спойшь на пуши славы:
«имѣй же пвердосшь презирашь усиліе
«зависши, которая есть необходимое ус-
«ловіе громкаго имени! Не только пре-
«зирай, но и радуйся ея: ибо она дока-
«зываетъ, что ты уже славенъ.» — Пись-
мо Леонидово заключалось сими словами:
«Я черезъ мѣсяцъ женюсь, чтобы изба-
«вишь себя отъ хозяйственныхъ заботъ.
«Женщина нужна для порядка въ домъ.»

Эрастъ забылъ свои Авторскія неудо-
вольствія, чтобы спѣшить въ П* къ
свадьбѣ друга... Они уже давно не вида-
лись. Леонидъ, не смотря на прилѣж-
ность дѣловаго человѣка, цвѣлъ здоровь-
емъ; ибо всякая Діагностика начинается
предписаніемъ: *будь спокоенъ духомъ!*
Эрастъ, нѣкогда прекрасной молодой
человѣкъ, высохъ какъ скелетъ; ибо
огненные страсти, по словамъ одного Ан-
гличанина, *суть курьеры жизни: съ ними*
не долго ѣхать до кладбища. Любовь и
слава питаютъ душу, а не тѣло. Леонидъ,
не смотря на свою холодность, съ при-
скорбіемъ замѣтилъ Эрастову блѣд-
ность... Онъ не обманулъ друга, и въ
самомъ дѣлѣ женился только для порядка
въ домъ, заблаговременно объявивъ невѣ-
стѣ условія: 1) «ѣздишь въ гости одна-
жды въ недѣлю; 2) принимаешь гостей

«однажды въ недѣлю; 3) входить къ нему
 «въ кабинетъ однажды въ сутки, и по
 «на пять минутъ.» Она, исполняя волю
 отца, на все согласилась и строго наблю-
 дала предписанія мужа, шѣмъ охошѣе,
 что меланхоликъ Эрастъ жилъ въ ихъ
 домѣ, любилъ сидѣть съ нею у камина
 и читалъ ей Французскіе романы. Иногда
 они плакали вмѣстѣ какъ дѣти, и скоро
 души ихъ свыклись удивительнымъ об-
 разомъ. Первые движенія симпатіи пре-
 буютъ опкровенности: сердце въшакомъ
 случаѣ имѣетъ всю догадку проницатель-
 наго разума, и знаетъ, что искренность
 дѣйствуетъ сильнѣе самыхъ краснорѣ-
 чивыхъ увѣреній въ дружбѣ. Каллиста
 свѣдала подробнѣе Эрастовой жизни,
 неизвѣстныя и мужу ея — не чудно: она
 слушала Эраста съ живѣйшимъ удоволь-
 ствіемъ, а Леонидъ съ холодностію. Пла-
 шя довѣренностію за довѣренность, Кал-
 лиса жаловалась ему на равнодушіе Лео-
 нидово, и сказала однажды: «я хотѣла
 «бы узнать безразсудную Нину, чтобы
 «имѣть понятіе о женщинѣ, которая не
 «умѣла быть съ вами щастливою!»...
 Но она уже и безъ словъ объяснялась съ
 Эрастомъ. Тронушая чувствительность
 имѣетъ языкъ свой, которому всѣ дру-
 гіе уступаютъ въ выразительности; и
 естли глаза служатъ вообще зеркаломъ

души, то чего не скажешь ими женщина страстная? Всякая минута, всякое движение Каллисты доказывало, что Эраспу надлежало — удалиться! Онъ хотѣлъ себя обманывать, но не могъ; ужасался бытъ любимымъ, но не переставалъ бытъ любезнымъ; хотѣлъ навѣки расстаться, но съ утра до вечера видѣлъ Каллисту. Чпожь дѣлалъ между тѣмъ благоразумный Леонидъ? занимался приказными дѣлами. Однакожь холодные люди не слѣпцы — и бѣдному Эраспу въ одно утро объявили, что онъ хозяинъ въ Леонидовомъ домѣ! . . . То есть, флегматикъ нашъ безъ дальнихъ сборовъ посадилъ жену въ карету и благополучно уѣхалъ съ нею изъ П*, написавъ слѣдующую записку къ другу: «Ты вѣчно будешь «ребенкомъ; а Каллиста женщина. Знаю «тебя и хочу спасти отъ упрековъ со- «вѣсти. Мнѣ поручили кончить важное «государственное дѣло за тысячу верстъ «отсюда. Вѣрный другъ твой до гро- «ба». . . . Читатели могутъ пощадишь Эраспа: угрызенія совѣсти довольно наказали его. Для нѣжнаго сердца всѣ возможныя бѣдствія ничто въ сравненіи съ тѣми случаями, гдѣ оно должно упрекать себя. «Безразсудной!» думалъ онъ: «я «прельстилъ жену друга, который не хо- «телъ воспользоваться слабостію моей

«жены! Вотъ награда за его добродѣтель!
 «О сшѣдъ! я смѣлъ не удивляться ей, и
 «думалъ, что самъ могу поступить такъ
 «же!»... Къ чести Эраспа скажемъ, что
 онъ не досадовалъ на Леонида за разлуку
 свою съ Каллистой.

Судьба послала ему утѣшеніе. Онъ свѣдалъ, что шесть Леонидовъ имѣлъ важное судное дѣло, и по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ лишиться своего имѣнія. Эрасъ тайно далъ на себя вексель его сопернику въ большой суммѣ, съ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ тяжбу миромъ. Сія великодушная жертва шѣмъ болѣе ему нравилась, что и Леонидъ и Каллиста были вмѣстѣ ея предметомъ: онъ не хотѣлъ любить, но позволялъ себѣ жалѣть о слабой женщинѣ, которая для него забыла должность свою!

Эрасъ искалъ разсѣянiя въ путешествiи, пѣлнтельномъ въ шѣ годы, когда свѣтъ еще новъ для сердца; когда мы, въ очарованiяхъ надежды, шолько готовимся жить, дѣйствовать умомъ и наслаждаемся чувствительностью; когда, однимъ словомъ, хотимъ запасаться прiятными воспоминанiями для будущаго и средствами нравиться людямъ. Но душа, изнуренная спрасями — душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни — можетъ ли еще быть любопытною? Что

остається ей знать, когда она узнала опы-
томъ восторги и муки любви, прелестъ
славы и внутреннюю пустоту ея? —
Эрастъ не имѣлъ удовольствія завидовать
людямъ, ибо сердце его не хотѣло уже
вѣрить щастію. Смотри на великолѣп-
ныя палаты, онъ мыслилъ: «здѣсь пла-
чущъ такъ же, какъ и въ хижинѣ» —
вступая въ храмы Наукъ, говорилъ себѣ:
«здѣсь учашъ всему, кромѣ того, какъ
найти благополучіе въ жизни» — смотря
на молодого красавца, щастливого нѣж-
ными улыбками прелестницъ, думалъ:
«ты оплачешь свои побѣды.» Эрастъ во-
ображалъ, что сердце его наконецъ оже-
сточилось: такъ мыслятъ всегда люди
чувствительные, наперѣввшись довольно
горя; но слушая музыку нѣжную, онъ
забывался, и грудь его орошалась слеза-
ми; видя бѣднаго, хотѣлъ помогать ему,
и встрѣчая глазами взоръ какой нибудь
миловидной незнакомки, тайно отъ ума
своего искалъ въ немъ ласковаго привѣ-
ствія. Эрастъ иногда писалъ, и внут-
ренне утѣшался мыслию, что зависть и
вражда умираютъ съ Авторомъ, и что
творенія его найдутъ въ потомствѣ одну
справедливость и признательность; слѣд-
ственно онъ все еще обманывалъ себя
воображеніемъ: развѣ холодныя души не
удивляютъ насъ жаромъ своимъ, когда

онѣ шерзають память бѣднаго Жанъ-Жака? Злословіе есть наслѣдственный грѣхъ людей: живые и мертвые равно бывають его предметомъ.

Эрасмъ возвратился въ отечество, чтобы не оставилъ костей своихъ въ чужой землѣ: ибо здоровье его было въ худомъ состояніи. Онъ пылалъ неперпѣніемъ видѣвъ друга, но помнилъ вину свою, и боялся его взоровъ. Леонидъ, уже знашій человѣкъ въ государствѣ, обрадовался ему искренно и представилъ молодую красавицу, вѣдую жену свою. Каллиспа не было уже на свѣтѣ: супругъ ея, еще не скинувъ шраура, помолвилъ на другой, и ровно черезъ годъ обвѣнчался. Эрасмъ не смѣлъ плакать въ присушествіи Леонида, но огорчился душевно: Каллиспа была послѣднимъ предметомъ его нѣжныхъ слабостей!... Другъ обходился съ нимъ ласково, но не предлагалъ ему жишъ въ домъ своемъ!

Эрасмъ думалъ посвящать остатокъ жизни шихому уединенію и Липшерашурѣ; но, къ несчастію, ему ошдали медальонъ съ волосами Каллиспы и письмо, которое она писала къ нему за шесть дней до кончины своей. Онъ узналъ, что Каллиспа любила его спрочно, нѣжно и постоянно; узналъ, что ея любовь, прошивная добродѣтели, сократила самую

жизнь ея. Бѣдной Эрастѣ! . . . Меланхолія его обратилась въ отчаяніе. Ахъ! лучше сто разъ быть обманутымъ невѣрными любовницами, нежели уморить одну вѣрную! . . . Въ изступленіи горести онъ всякой день ходилъ обливать слезами гробъ Каллисты и терзалъ себя упреками; однакожъ бывали минушы, въ которыя Эрастѣ тайно наслаждался мыслию, что его хотя одинъ разъ въ жизни любили пламенно! . . .

Онъ скоро занемогъ, но успѣлъ еще отдать половину своего имѣнія Нинѣ, свѣдавъ, что она терпитъ нужду. Сія женщина, наказанная судьбою за невѣрность, и шронущая великодушіемъ супруга, оскорбленнаго ею, спѣшила упасть къ ногамъ его. Эрастѣ умеръ на ея рукахъ, съ любовію произнося имя Каллисты и Нины: *душа его примиралась съ женщиною, но не съ судьбою!* . . . Леонидъ не вздилъ къ больному, ибо Медики объявили его болѣзнь заразительною; онъ не былъ и на погребеніи, говоря: *бездѣшный трущъ уже не есть другъ мой!* . . . Два человека погребли его и съ искреннею горестію оплакали: Нина и добродушный камердинеръ Эрастовъ. . . .

Леонидъ дожилъ до самой глубокой старости, наслаждаясь знашностію, богатствомъ, здоровьемъ и спокойствіемъ.

Государь и государство уважали его за-
слуги, разумъ, трудолюбіе и честность;
но никто, кромѣ Эрасма, не имѣлъ къ
нему истинной привязанности. Онъ дѣ-
лалъ много добра, но безъ всякаго внуш-
ренняго удовольствія, а единственно для
своей безопасности; не уважалъ людей,
но берегся ихъ; не искалъ удовольствій,
но избѣгалъ огорченій; *не-страданіе* каза-
лось ему наслажденіемъ, а равнодушіе та-
лисманомъ мудрости. Если бы мы въ-
рили прохожденію душъ, то надлежало
бы заключить, что душа его наспрада-
лась уже въ какомъ нибудь первобыт-
номъ состояніи и хотѣла единственно
отдыхать въ образѣ Леонида. Онъ ли-
шился супруги и дѣтей; но воображая,
что горѣшь бесполезна, старался за-
быть ихъ. — Любимою его мыслию было,
что здѣсь все для человѣка, а человѣкъ
только для самаго себя. При концѣ жиз-
ни Леонидъ согласился бы снова начать
ее, но не желалъ того: ибо счѣдился же-
лать невозможнаго. Онъ умеръ безъ на-
дежды и страха, какъ обыкновенно засы-
палъ всякой вечеръ.

г. 1803.

ЗАПИСКА О МОСКОВСКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ (*).

Писано въ 1817 году для нѣкоторой Особы
вхавшей въ Москву.

Мы знаемъ по несомнѣтельнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, что въ 1147 году Москва уже существовала: ибо въ семъ году, Марша 28, Князь Суздальскій, Юрій или Георгій Долгорукій, роскошно угощалъ въ ней друга и союзника своего, Князя Святослава Ольговича Сѣверскаго. Вѣроятно, что Князь Юрій былъ ея первымъ основателемъ. Она прежде называлась *Кутковымъ*: ибо тамъ жилъ, какъ рассказываютъ, богачій Дворянинъ Степанъ Ивановичъ *Кутко*, имѣя домъ на Чистыхъ Прудахъ. Мѣсто нынѣшняго Кремля было покрыто густымъ лѣсомъ, гдѣ въ маленькой хижинѣ обиталъ пустын-

(*) Авторъ согласился напечатать здѣсь эту записку единственно для того, что она, безъ его вѣдома, была напечатана въ Украинскомъ Вѣстникѣ съ ошибками.

никъ *Букалѣ*: тамъ стоить нынѣ церковь *Спаса на Бору*.

Въ 1238 году Татарскій Наполеонъ, Батый, сжегъ Москву. Сынъ Александра Невского, Даниилъ, былъ ея первымъ *знаменитымъ* Княземъ, а сынъ Данииловъ, Иоаннъ Калица, первымъ *Беликимъ* Княземъ (въ 1328 году). Въ то время Св. Митрополитъ Пётръ, оставивъ древнюю столицу Великаго Княженія, Владиміръ, переехалъ въ Москву и шѣмъ способствовалъ ея возвышенію.

До самаго XVI вѣка одинъ Кремль, обнесенный каменною стѣною въ Княженіе Димитрія Донскаго (въ 1367 году), былъ *городомъ*, а прочія части Москвы назывались *Посадомъ*, *Загородьемъ*, *Зарѣсьемъ*.

Нынѣшняя *Стрѣтенка* въ XIV вѣкѣ была еще внѣ Москвы и называлась *Кутковымъ Полемъ*: тамъ при Донскомъ казнили государственныхъ преступниковъ; тамъ въ 1395 году, во время нашествія Тамерлана, Духовенство и народъ Московскій воспрѣтили Владимірскій образъ Богоматери; тамъ, въ память чудеснаго спасенія Москвы, Великій Князь Василій Димитріевичъ соорудилъ церковь и монастырь *Стрѣтенскій*. Въ Лѣтописяхъ XV вѣка упоминается объ *Арбатѣ*, *Неглинной*, *Подолѣ*, то есть, нижней части города, между Кремлемъ и Москвою-рѣкою. Въ

началъ XVI столѣтія уже были улицы *Рождественка, Мясницкая, Варварская, Покровская, Тверская*, составляя *Большой Посадъ*. Такъ называемая *Великая улица* шла берегомъ Москвы-рѣки, мимо Кремля, нѣ нынѣшнему Воспитательному Дому. Въ 1535 году заложенъ *Китай-городъ*, машерью Царя Іоанна Васильевича, а Бѣлый въ 1586 году. При Василии, оцѣ Іоанна Грознаго, считалось въ Москвѣ до сорока тысячъ домовъ, если вѣрять Герберштейну; церквей же при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ около двухъ тысячъ (нынѣ же ихъ менѣе трехъ сотъ).

Кремль нынѣшній есть памятникъ XV вѣка или Іоанна Васильевича Iго, который призвалъ въ Россію многихъ Италіанскихъ Архитекторовъ славнаго вѣка Медицисовъ. Стѣны и башни воздвигнуты сими художниками оцѣ 1485 до 1492 году. *Грановитая Палата* основана въ 1491 году Маркомъ Фрязиномъ и Пешромъ Антоніемъ. Дворецъ старый или *теремный* заложенъ въ 1499 году Миланскимъ Архитекторомъ Алевизомъ,

Соборъ Успенскій, освященный въ 1479 году, построенъ славнымъ *Аристотелемъ*, извѣстнымъ въ Италіи подъ именемъ *Фіоравенти*. Тамъ надобно видѣть: 1) ризу Спасителя, привезенную въ Москву при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ Персіи;

2) Владимірскій образъ Богоматери, зна-
менишѣишій въ Россіи, Палладіумъ Суз-
дальскаго Великаго Княженія, принесен-
ный въ XII вѣкѣ Андреемъ Боголюб-
скимъ изъ Вышегорода въ Владиміръ, а
сыномъ Донскаго въ Москву (см. выше);
3) гробы древнихъ Московскихъ Святи-
телей, Митрополимовъ и Патриарховъ;
4) ризницу, въ коей много и богатаго и
любопытнаго.

Нынѣшніе Соборы Архангельскій и Бла-
говѣщенскій также основаны при Вели-
комъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Въ Ар-
хангельскомъ лежатъ всѣ наши Государи,
отъ Калишы до Царя Іоанна Алексіевича.
Вотъ святылище Истории Россійской!
Сіи безмолвные гробы краснорѣчивы для
того, кто, смотря на нихъ, воспомина-
етъ преданія Московскихъ лѣтописей
отъ XIV до XVIII столѣтія. Тамъ искалъ
я вдохновенія, чтобы живо изобразить
Донскаго и двухъ Іоанновъ Васильеви-
чей. Древнѣйшій гробъ заключаетъ въ
себѣ прахъ Калишы, основателя Москов-
ской или нынѣшней Россійской Держа-
вы... Тамъ знаменитые Романовы; Ми-
хаилъ, Алексій, Феодоръ; тутъ Св. мла-
денецъ Димитрій, коего тѣло въ видѣ
Самозванца низвергла умнаго, во многихъ
отношеніяхъ Великаго Царя Бориса Го-
дунова, ознаменованнаго печашію тайнаго

злѣдѣйства (онѣ лежишѣ уединенно въ Троицкой Обищели). Тамѣ же погребенѣ и юный Царь Казанскій, Александрѣ, сынѣ знаменитой нещастіемѣ Сююнбеки.

Соборѣ Благовѣщенскій достопамятенѣ шѣмѣ, что его Протоіереи, онѣ временѣ Іоанна Грознаго до нашихѣ, бывали обыкновенно Духовниками Государей. Сей Соборѣ вмѣстѣ съ Успенскимѣ зависѣтѣ единственно онѣ Синода.

Самая древнѣйшая церковь въ Москвѣ есть Кремлевскій Соборѣ Преображенія или *Спаса на Борцѣ*: она создана Іоанномѣ Калишою въ 1328 году. Тамѣ мощи Св. Стефана Пермскаго, мужа добродѣтельнаго, обратившаго Пермь въ Вѣру Христіанскую при Димитріи Донскомѣ.

Спасѣ за золотую рѣшеткою, возобновленный при Императрицѣ Аннѣ, основанѣ въ XVII вѣкѣ. Тамѣ любопытны сосуды Церковныя съ рѣзными надписями.

На мѣстѣ нынѣшней Кремлевской церкви *Николы Гостынскаго* (*) было нѣкогда Ординское подворье, гдѣ живали чиновники Хановѣ, надсматривая за Великими Князьями. Супруга В. Кн. Іоанна Васильевича, Греческая Царевна Софія, не хотѣла терпѣть ихѣ опасныхѣ лазутчиковѣ въ Кремлѣ, послала дары къ женѣ

(*) Она уже сломана.

Ханской (около 1477 года) и писала къ ней, что она (Софія), имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать церковь на Ординскомъ подворьѣ, проситъ его себѣ и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица, жена Ханова, согласилась: домъ разломали, и Ташары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища; ихъ уже не впустили въ Кремль. На развалинахъ подворья выстроили деревянную Церковь *Николая Лняного*, а при Князѣ Василии Іоанновичѣ, каменную *Николы Гостунскаго*.

Колокольня *Иванъ Великій* есть памятникъ Царя Годунова и спрашнаго голода, бывшаго тогда въ Россіи (около 1600 г.) Бѣднымъ людямъ выдавали хлѣбъ и деньги съ щѣмъ, чтобы они помогали каменщикамъ въ строеніи. Пишутъ гдѣ-то, что Архитекторомъ былъ Нѣмецъ *Іоаннъ Вильке*; и что отъ его имени названа колокольня *Иваномъ Великимъ*. Это несправедливо: сіе имя дано ей отъ церкви Св. Іоанна, находящейся подъ оною. Тамъ 33 колокола. Въ числѣ ихъ долженъ быть и славный Новгородскій *Вѣтевый*. Огромнѣйшій въ свѣтѣ колоколъ, вылитый при Императрицѣ Аннѣ, вѣсомъ въ 12 тысячъ пудъ, лежалъ въ ямѣ. Увѣряли, что онъ висѣлъ на башнѣ, упалъ во время пожара 1735 года и расшибся:

што басня. Его дили въ сей ямбъ, повредили ошб неискуства и шакб оставили.

Чудовъ Монастырь, гдѣ со временъ Елисаветы Пешровны находишся Каеэдра Московскихъ Архіепископовъ, основанъ Св. Алексіемъ Митрополистомъ при Димитріи Донскомъ. Сей добродѣтельный Свяшитель умѣлъ своимъ ходашайствомъ въ Ордѣ смиряшъ Хановъ для блага умѣсненной Россіи. Тамъ мощи его. Тамъ погребены и многіе Вельможи прошедшихъ вѣковъ: *Философъ* Іеремонахъ Епифаній, именованный въ надписи мудрѣйшимъ толковашелемъ Св. Писанія, и Тимоѣей Юродивый, который 28 лѣтъ юродствовалъ въ домъ у Царицы Параскевы Феодоровны, супруги Іоанна Алексіевича, опца Императрицы Анны. Тамъ лежишъ и послѣдній Царь Казанскій Симеонъ. Сей Царь былъ умный человекъ. Видя на Кремлевской площади знашныхъ Лифляндскихъ плѣнниковъ, онъ сказалъ имъ: «Каковы Рускіе? Вы, Нѣмцы учили ихъ; а выи и васъ и насъ проучили!»

Вознесенскій Дѣвичій Монастырь основанъ супругою Донскаго, Евдокіею, славною опмѣннымъ благочестіемъ. Тамъ гробница ея и почти всѣхъ Московскихъ Великихъ Княгинь, всѣхъ Царицъ до XVIII вѣка. Достопамятнѣйшія сущь: 1) сама Евдокія, 2) хишрая Гречанка Софія, су-

пруга Іоанна Васильевича Іго; 3) Елена, маць Іоанна Грознаго, умная, хоця и не добродѣтельная; 4) благодушная, милоспивая Анастасія, его первая супруга, и 5) маць Петра Великаго, Нашалья Кириловна.

Домъ Папріаршій (нынѣ Синодалъная или Крешовая Палата) построенъ Никономъ Папріархомъ въ 1155 году. Тамъ древняя Папріаршеская библіотека и ризница, достойныя особеннаго вниманія.

Изъ старыхъ зданій Кремлевскихъ упомянемъ еще о *Потѣшномъ дворцѣ* Царя Алексія Михайловича (гдѣ онъ забавлялся музыкою и театральными представленіями), о *Житномъ Дворѣ* или запасномъ; а изъ новѣйшихъ зданій отъ временъ Петра Великаго до нашихъ главныхъ сушь: огромный Арсеналъ, дворецъ Елисаветы Петровны, Сенатъ, новая оружейная и Масперская Палата, куда нынѣ перенесены всѣ наши любопытныя древности, Царская ушварь Мономахова, сосуды, доспѣхи, одежды древнихъ Государей и Вишней Россійскихъ: чему есть особенное подробное описаніе, изданное П. С. Валуевымъ, но сочиненное А. О. Малиновскимъ.

Въ Кремлевской Экспедиціи надобно видѣть славную модель великолѣпнаго Баженовскаго дворца, заложеннаго между

Архангельскимъ Соборомъ и Москвою-
рѣкою въ 1773 году, но скоро оставлен-
наго по неудобности мѣста. Видимъ толь-
ко замыслъ прекрасный, и читаемъ над-
писи на камняхъ, на мѣди, недоспойныя
даже и бумаги. Вошъ одна:

Да процвѣшетъ Москва подобьемъ райска крина:
Возобновляетъ Кремль и градъ Екатерина.

Это еще не самая худая. Планы знаме-
нишаго Архитектора Баженова уподоб-
лялись *Республикѣ Платоновой* или *Цтоліи*
Томаса Моруса: имъ можно удивляться
единственно въ мысляхъ, а не на дѣлѣ.

Во многихъ мѣстахъ Кремля, въ землѣ,
видны оштатки кирпичныхъ сводовъ: это
были погреба Князей и Боярѣ, имѣвшихъ
шамъ свои дома. Въ древнемъ Кремлѣ
находилось болѣе двадцати улицъ. Отъ
дворца къ Москвѣ-рѣкѣ былъ подземель-
ный ходъ или *Тайникъ*, на случай опас-
ности.

Кремль есть мѣсто великихъ истори-
ческихъ воспоминаній. Здѣсь, среди раз-
валинъ порядка гражданскаго, возникла
мысль спасительнаго Единодержавія, какъ
жизнь среди могилъ и пѣлій. Здѣсь,
подъ звукомъ цѣпей Ханскихъ воспыла-
ла ревность государственной независи-
мости, изготавились средства побѣды
и свободы. Здѣсь Донскій развернулъ

черное знамя Великокняжеское, чтобы
 идти на Мамая. Здѣсь Іоаннъ Василье-
 вичъ распиналъ Басму, или образъ Ха-
 на. Здѣсь началось, утвердилось Само-
 державіе, не для особенной пользы Само-
 держцевъ, но для блага народнаго. Отсю-
 да священныя шѣни добродѣтельныхъ
 предковъ изгнали Іоанна Грознаго, когда
 онъ измѣнилъ добродѣтели. Кремль былъ
 душенъ для тирана! . . . Въ Спаскія воро-
 та вѣхалъ на конѣ Василій Шуйскій,
 держа въ одной рукѣ Св. крестъ, а въ
 другой мечъ обнаженный, чтобы сверг-
 нуть Лжедимитрія. Показываютъ мѣсто,
 гдѣ лежалъ Самозванецъ, выскочивъ изъ
 окна заднихъ переходовъ дворца. На па-
 перши храма Успенскаго нововѣнчанный,
 юный Царь Михаилъ лилъ горькія слезы,
 когда Россіяне лобызали ноги его, также
 со слезами, но радостными.

Сія священная ограда бывала и есащ-
 ромъ ужасовъ: шумъ кипѣли волны бун-
 товъ Спрѣлецкихъ; шумъ издыхалъ на
 копьяхъ знаменитый Машвѣевъ! Мыслен-
 но видимъ улыбку торжествующей Со-
 фіи; видимъ десятилѣтняго Петра, уже
 Монарха взоромъ и гласомъ повелитель-
 нымъ. Сей великій Государь, прославивъ
 Россію, опиналъ у Кремля славу быль
 всегдашнимъ жилищемъ Царей: но здѣсь
 пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и Оте-

чества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени до времени являющіяся передъ нами въ важныя, рѣшительныя эпохи своего Царствованія! . . . Такъ мы видѣли здѣсь Александра въ роковой, незабвенный годъ (1812), когда надлежало испусить великодушіе и швердосъ Россіяны! Здѣсь померкла блудящая звѣзда Наполеонова. . . . Вотъ славнѣйшее изъ всѣхъ воспоминаній Кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ!

Осмошрѣвъ достопамятности Кремля, иноземные путешественники всегда съ живѣйшимъ любопытствомъ, съ искреннѣйшимъ удивленіемъ осматриваютъ Сиротскій Домъ, Институты, больницы. Говорить о сихъ прекрасныхъ, великолѣпныхъ заведеніяхъ челоѣколюбія есть слава Августѣйшую ихъ Покровительницу, равно добродѣтельную и скромную. . . .

Говоря о Москвѣ, забудетъ ли Исторіографъ то мѣсто, гдѣ собраны всѣ наши Государственные Хартии пяти вѣковъ, отъ XIII до XVIII? *Архивъ Коллеги* Иностранныхъ Дѣлъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Его начальники, отъ незабвеннаго Миллера до А. Ѳ. Малиновскаго, съ величайшею ревностію, съ неописаннымъ трудомъ привели всѣ бумаги въ наилучшій порядокъ, коему

удивлялся Императоръ Иосифъ, сказавъ:
 «Я прислалъ бы сюда нашихъ Вѣнскихъ
 Архивистовъ.» Тамъ любопытные чипа-
 ютъ древнѣйшія грамоты Новгородскія
 и Московскія, Харщю Максимиліанову,
 въ которой уже ошецъ Іоанна Грознаго
 названъ *Императоромъ*; письма славной
 Англійской Королевы Елисаветы, и проч.
 Тамъ же можно видѣть и портреты на-
 шихъ первыхъ Царей.

Обратимся къ зданіямъ. Въ Китаѣ-
 городъ (то есть, *среднемъ*, по смыслу сего
 имени на языкѣ Таттарскомъ) представ-
 ляется глазамъ нашимъ богатѣйшій, ог-
 ромнѣйшій *Гостинный дворъ* въ Россіи. Онъ
 стоить на семъ мѣстѣ уже пятый вѣкъ.
 Древнѣйшіе иноземные путешественники
 удивлялись тамъ богатству и дешевизнѣ
 Азіатскихъ товаровъ. Старыя имена нѣ-
 которыхъ рядовъ нынѣ уже непонятны,
 на прим: *Суровскаго*, *Москатилинаго*; пер-
 вый названъ такъ отъ города *Сурожа*,
 или *Судака*, откуда шли въ Москву шел-
 ковыя шкани.

Близъ Спасскихъ воротъ замѣшимъ
 Готическую церковь *Василія Блаженнаго*.
 Она воздвигнута Іоанномъ Грознымъ въ
 память завоеванія Казанскаго Царства.
 Пишутъ, что Іоаннъ велѣлъ ослѣпить ея
 строителя, Италіанскаго художника,
 сказавъ: «хочу, чтобы эта церковь оста-

«лась единственнѣмъ славнѣмъ памяш-
«никѣмъ его искусствѣ.» Къ щасію,
это ложь. Тогда сей Царь назывался еще
Любимѣмъ, а не *Грознѣмъ*.

Другая новѣйшая Гошическая церковь
Успенія, если не ошибаюсь, въ Бѣломъ
городѣ, на Покровѣ, также достойна
замѣчанія: нашъ славный Зодчій Баже-
новъ хвалилъ соразмѣрность и красосу
ея. Она построена на иждивеніе гостя
Сверткова въ концѣ XVIII вѣка. Въ надпи-
си сказано: «се дѣло рукъ человѣче-
скихъ!»

На Лубянкѣ у Никольскихъ воротъ
церковь *Гребенскія Богоматери* основана
Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильеви-
чемъ въ XV вѣкѣ, когда онъ шелъ усми-
рить Новгородъ.

Древнѣйшіе монастыри суть: 1, Бого-
явленскій (въ немъ не нашелъ я ничего
достопамятнаго, кромѣ гробницъ Бояр-
скихъ); 2, Пешровскій (гдѣ погребены
братъ Царицы Напаліи Кирилловны,
убиенные мятежными Спрѣльцами); 3,
Симоновъ, (близъ коего, на *Старомъ Си-
моновѣ*, находится древняя церковь Рожде-
ства, гдѣ лежатъ прахъ двухъ сподвиж-
никовъ Донскаго, Иноковъ Пересѣвша и
Осляби, убиенныхъ въ Куликовскомъ сра-
женіи); 4, Новоспаскій (гдѣ схоронена
мать Царя Михаила Ѳеодоровича, Марфа

Іоанновна, чешыре его брата и дочь, Царевна Ирина); 5, Андроніевъ, основанный Св. Алексіемъ Митрополипомъ, по обѣ-
 шу данному имъ на морѣ въ часъ ужас-
 ной бури; 6, Даниловъ, гдѣ мощи Св. Да-
 ніила, перваго Кн. Московскаго; 7, Ново-
 дѣвичій, созданный Василиемъ, опцемъ
 Іоанна Грознаго, въ память завоеванія
 Смоленска (тамъ лежалъ: Анна, дочь Гроз-
 наго, при дочери Царя Алексія, Евдокія,
 Екатерина и Софія, споль знаменитая
 честшлюбіемъ и нещастіемъ, умершая
 схимницею въ слезахъ, но безъ раскаянія,
 и Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, бабка
 Петра II го, въ санѣ Царицы, лишенная
 чести супругомъ, Петромъ Великимъ, и
 въ Монашесствѣ честная какъ Царица
 юнымъ внукомъ своимъ); 8, Донскій, Па-
 мятникъ Царя Ѳеодора Іоанновича и по-
 бѣды одержанной надъ Крымцами (имя
 сей Обители происходишь отъ Донскаго
 образа Богоматери, бывшаго съ Димит-
 ріемъ Іоанновичемъ въ Куликовской би-
 вѣ). Не многіе изъ шѣхъ, которые про-
 вели большую часть жизни въ Москвѣ,
 смотрѣвъ равнодушно на Донской Мо-
 нашерь: почши всѣ приближающіе къ
 нему съ умиленіемъ и слезами: ибо тамъ
 главное кладбище Дворянства и богатаго
 купечества. Жить долго есть шерьшъ
 милыхъ. Тамъ нѣкоторыя Эпишафіи

младенцевъ сочинены мною (*). . . . Но гробы дѣшей моихъ не имѣютъ Эпитафій.

Монастыри *Законоспаскій* и *Греческій*, на Никольской улицѣ, основаны во время Царя Алексія: первый Бояриномъ Кн. Θεодоромъ Θεод. Волконскимъ. Главная церковь Греческаго монастыря построена бывшимъ Господаремъ Молдавскимъ Димитріемъ Кантемиромъ. Законоспаское Училище, названное послѣ Академіею, заведено при Царѣ Θεодорѣ Алексіевичѣ. Первые учители были Греки. Сей достойный братъ Великаго Петра любилъ Просвѣщеніе: имъ построенъ и Печатный Дворъ (на Никольской улицѣ). Типографія же существовала въ Москвѣ еще со временъ Іоанна Грознаго. Первая напечатанная въ ней книга была *Апостолъ*: его можно видѣть въ Библіотекѣ Типографской на семъ дворѣ, равно какъ и многія другія, нынѣ уже рѣдкія книги. Подобіе Англійскаго герба, изображенное тамъ на ворохахъ, заставило нѣкоторыхъ думать, что сей домъ былъ Англійскимъ подворьемъ.

Къ описанію Московскихъ достопамятностей прибавимъ слѣдующее:

(*) См. Т. I, стр. 26.

На Варварской улицѣ, гдѣ нынѣ Знаменскій мужескій Монастырь, былъ домъ знаменитой Фамиліи Романовыхъ.

Въ Кишаѣ-городѣ, на старой Троицкой площади, гдѣ нынѣ Церковь *Троицы на Поляхъ*, было мѣсто нашихъ древнихъ *судебныхъ поединковъ*.

За Москвою-рѣкою, гдѣ нынѣ Церковь *Спасъ на Балвановкѣ*, Великіе Князья Московскіе обыкновенно вспрѣчали Пословъ Ханскихъ, которые проѣзжали съ *Басмою* (или съ рѣзнымъ изображеніемъ Хана).

Между Покровкою и Мясницкою, не далеко отъ Меншиковой башни, былъ домъ Боярина Машвѣева и церковь, гдѣ Царь Алексій увидѣлъ въ первый разъ дѣвицу Напалію Нарышкину, воспитанную у сего Боярина.

Высокую башню Московскую, называемую *Сухаревою*, строилъ въ 1695 году вѣрный Спрѣлецкій Полковникъ Сухаревъ. Тамъ, около 1700 года, было заведено первое Математическое училище, которое перенесено въ С. Петербургъ и названо Морскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Иностранцы со временъ Великаго Князя Иоанна, начали селишься въ Москвѣ; жили прежде за Москвою-рѣкою и на берегу Яузы, а послѣ въ разныхъ частяхъ

города. Царь Алексій снова переселилъ ихъ на берегъ Яузы въ нынѣшнюю Нѣмецкую Слободу. Старое кладбище иноземцевъ было въ Марьиной рощѣ: шамъ, какъ въроятно, лежишь славный путешественникъ Тавернье, умершій въ Москвѣ. Другъ Петра Великаго, Лефоръ, погребенъ въ Московской Протестантской церкви; но мы, къ сожалѣнію, не знаемъ его гроба.

Въ селѣ Преображенскомъ, которое даетъ Москвѣ лучшую воду, среди огородовъ нашелъ я то мѣсто, гдѣ гнѣздилась первая Тайная Канцелярія со всѣми своими ужасами. Воспоминаніе несчастное царствованія Петрова! Какія времена! и въ сравненіи съ нашими! Да онѣмѣешь языкъ, который не похвалишь образованія!

Мы говорили о монастыряхъ: прибавимъ, что они большою частію стоятъ на прекрасныхъ мѣстахъ: Андроніевъ, Новоспаскій, Симоновъ, гдѣ я провелъ сколько пріятныхъ лѣтнихъ вечеровъ, смотря на заходящее солнце съ высокаго берега Москвы-рѣки!

Въ самомъ городѣ безъ сомнѣнія лучший видъ изъ Кремля, съ колокольни Ивана Великаго; но есть и другіе виды прелестные: на примѣръ, съ бывшаго мѣста Кн. Безбородка, въ Яузской Часни.

Но ничто не можешь сравняться съ Воробьевыми горами: тамъ извѣстная Гжа Лебрюнь неподвижно стояла два часа, смотря на Москву, въ безмолвномъ восхищеніи. Дѣдѣ, отецъ Іоанна Грознаго живали на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ былъ сельскій дворецъ и Екатерины II. . . . Березовую рощу на сихъ горахъ сажилъ Пётръ Великій.

Вообще Москва хвалятся своими прилиными окрестностями: означимъ еще нѣкошорыя изъ ближнихъ и дальнихъ:

1) *Поклонная гора*, на Тульской дорогѣ. Вся Москва передъ глазами. Тутъ извошки снимають шапки, и кланяются ей золошымъ куполамъ.

2) *Васильевское*, нынѣ Князя Н. Б. Юсупова, а прежде Долгорукаго-Крымскаго: тамъ сей заслуженный воинъ и досшойный Градоначальникъ угощаль Москвитянъ. Домъ не великолѣпенъ, но мѣсто живописное.

3) Прекрасное видами *Кунцово*, въ шести верстахъ отъ Москвы, подаренное Царемъ Алексіемъ тешю своему, Нарышкину.

4) *Коломенское*, любимое мѣсто Царей Романовыхъ. Оно славно плодовишыми садами. Тамъ былъ каменный Дворецъ Алексія Михайловича. Многіе думаютъ

что Петръ Великій родился въ Коломенскомъ: нѣтъ, въ Кремлѣ.

5) Прошивъ Коломенскаго за Москвою-рѣкою *Перерва*, гдѣ нынѣ бывшая Заиконоспаская Академія, и Самарова гора (гдѣ Авторъ живалъ весною, лѣтомъ въ своей молодости, когда онъ еще занимался мечтами воображенія).

6) *Царицыно*, купленное Екатериною въ 1775 году у Кн. Кантемира, съ нѣкотораго времени любимое гульбище Московскихъ богатыхъ купцовъ. Сады, звѣринецъ (парк), деревья, растѣнія прекрасны. Дворецъ похожъ на шемницу. Екатерина любила Гошическую Архитектуру: велѣла сломать Баженовскій дворецъ и построить эшомъ новый, кошорый еще хуже сломаннаго. Не легко найти мѣсто пріятнѣйшее для сельскаго жилища Царей.

7) *Архангельское*, прежде Князей Голицыныхъ, нынѣ Князя Н. Б. Юсупова, прекрасно не только мѣстоположеніемъ, но и садами; домъ также хорошъ. Тамъ хранилось знажное собраніе историческихъ древнихъ рукописей умнаго Кн. Димитрія Михайловича Голицына. Сейто Князь, въ минушу, когда Императрица Анна при радостныхъ восклицаніяхъ Двора перервала надвое договоръ, заключенный ею съ Государственнымъ Тай-

нымъ Совѣщомъ, сказалъ зрителямъ:
«Господа! Пиръ былъ изготовленъ, гости
«позваны: никто не явился; прости!»
Искусный Генералъ-Фельдмаршалъ Кн.
Михайло Михайловичъ Голицынъ жилъ и
дѣйствовалъ его умомъ.

8) *Горенки*, Графа Алексѣя Кирилло-
вича Разумовскаго, извѣстны ботаниче-
скимъ садомъ, гдѣ много рѣдкаго.

9) *Петровское* (въ 7 верстахъ отъ го-
рода) Графа Льва Кирилловича Разумов-
скаго: мѣсто не высокое, но садъ едва ли
не лучший въ окрестностяхъ Москвы.

10) *Останьково* нравилось Графу Ше-
ремешеву развѣ близостию къ городу.
Положеніе совсѣмъ не красиво. Домъ ве-
ликъ; въ украшеніяхъ замѣненъ мелоч-
ный вкусъ. Въ саду есть хорошія де-
ревья; всего лучше древніе кедры, при-
везенные Кн. Михайломъ Яковлевичемъ
Черкасскимъ изъ Сибири, гдѣ онъ былъ
Губернаторомъ. Останьково принадле-
жало ему.

11) *Кусково*, нѣкогда славное. Тамъ
опдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ,
сподвижникъ Петра Великаго (тамъ, въ
числѣ шрофеевъ Оружейной Камеры,
я видѣлъ сѣдло Карла XII); тамъ Графъ
Петръ Борисовичъ угощалъ Екатерину и
Графа Фалькенштейна; тамъ всякое Вос-
кресеніе, отъ Маія до Сентября, сбѣз-

жалось лучшее Московское Дворянство веселился въ сельскомъ домѣ Рускаго Боярина. . . .

12) *Свирлово*, (въ 7 верст. отъ Москвы), Н. П. Высоцкаго, пріятно разнообразіемъ своихъ прогулокъ. Съ нѣкошораго времени живутъ тамъ многіе изъ Дворянъ и богатыхъ купцовъ въ наемныхъ сельскихъ домикахъ.

13) *Дубровицы*, нынѣ Графа Мамонова, верстахъ въ 30 отъ Москвы, славится мѣстоположеніемъ (на слияніи двухъ рѣкъ, Десны и Похры) и церковію, сдѣланною изъ бѣлаго камня, Петръ Великій часто ѣздилъ смотрѣть ея строеніе. На дорогѣ къ Дубровицамъ показываютъ мѣсто, гдѣ Онъ всегда останавливался пить чай подѣшнію высокихъ липъ.

14) Въ *Алексѣевскомъ* (въ 5 верст. отъ города, на Троицкой дорогѣ) еще не давно стоялъ великій дворецъ и баня Царя Алексѣя Михайловича. Не далеко отсюда прекрасный Мытищенскій водоводъ.

15) Въ селѣ *Тайнинскомъ* (верстахъ въ 20 отъ Москвы) Великіе Князья и Цари часто забавлялись охотою. Тамъ былъ дворецъ Елисаветы Петровны. Нынѣ въ саду поляны и крапива, а въ прудахъ тишина.

Вы безъ сомнѣнія будете въ Троицкой Даврѣ; я описалъ главныя досщопамят-

ности сего важнаго Историческаго мѣста (*).

Монастырь Воскресенскій, или Новый Іерусалимъ, въ 40 верст. отъ Москвы) также достоинъ Вашего вниманія. Огромная церковь сего монастыря, совершенное подобіе Іерусалимской, заложена при Царѣ Алексіи Михайловичѣ Патриархомъ Никономъ, а достроена въ малолѣтство Петра Великаго. Не одни Рускіе, но и многіе любопытные чужеземцы ей удивлялись (на прим. Іосифъ II). Тамъ погребено шло знаменишаго Никона; тамъ его пустынная келья, верегі и проч. Онъ безъ сомнѣнія не лицемѣрилъ въ дѣйствіяхъ своей отъкровенной набожности, но шомъ не менѣе былъ честолюбивъ. Не далеко отъ Новаго Іерусалима на голову разбили мятежныхъ Спрѣльцевъ, когда Петръ Великій находился въ чужихъ краяхъ.

Мѣсто Воскресенской обители прекрасно: еще лучше мѣсто Саввинской, верстахъ въ 20 отътуда, близъ Звенигорода, на Москвѣ рѣкѣ. Основанный еще въ XIV вѣкѣ на горѣ, гдѣ обыкновенно стояла воинская стража тамошняго Удѣльнаго Князя, сей Монастырь названъ Сторожевскимъ. Цари Романовы отъменно любили

(*) См. стр. 200 сего Тома.

его. Алексій Михайловичъ живалъ въ немъ дней по десяти, и самъ входилъ во всѣ экономическія дѣла онаго. Тамъ хранятся письма, а въ ризницѣ одежда сего Царя. На большомъ Саввинскомъ колоколѣ вырѣзана непонятная надпись. Вѣроятно, что это не буквы, а цифры разныхъ азбукъ. Ни гдѣ въ Московской Губерніи не видалъ я такого богатства растѣній, какъ вокругъ Саввина. Цвѣты, травы, деревья исполнены какой-то особенной силы и свѣжести. Липы, дубы прекрасны. Дорога опшуда къ Москвѣ есть самая пріятная для глазъ, гориста; но какіе виды!

Я писалъ на память; могъ иное забыть, но не забылъ главнаго.

Въ заключеніе скажемъ, что Москва будетъ всегда истинною столицею Россіи. Тамъ средоточіе Царства, всѣхъ движеній торговли, промышленности, ума гражданскаго. Красивый, великолѣпный Петербургъ дѣйствуетъ на Государство, въ смыслъ Просвѣщенія, слабѣе Москвы, куда опцы везутъ дѣшей для воспитанія, и люди свободные вдушъ наслаждаются пріятностями общежитія. Москва непосредственно даетъ Губерніямъ и повары и моды и образъ мыслей. Ея полу-Азіатская фізіогномія, смѣсь пышности съ неопрятностію, огромнаго съ мелкимъ,

древняго съ новымъ, образованія съ грубостію, представляеѣтъ глазамъ наблюдателя нѣчто любопытное, особенное, характерное. Кто былъ въ Москвѣ, знаетъ Россію.

Со временъ Екатерины Великой Москва прослыла *Республикою*. Тамъ безъ сомнѣнія болѣе свободы, но не въ мысляхъ, а въ жизни; болѣе разговоровъ, толковъ о дѣлахъ общественныхъ, нежели здѣсь въ Пешербургѣ, гдѣ умы развлекаются Дворомъ, обязанностями службы, исканіемъ, личностями. Тамъ болѣе людей, которые живущъ для *удовольствія*: слѣдственно не рѣдко *скутаютъ* и рады всякому случаю поговорить съ живостію, но весьма невинною. Здѣсь сцена, тамъ зрители; здѣсь дѣйствующіе, тамъ судящъ, не всегда справедливо, но всегда съ любовью къ справедливости. Гласъ народа, гласъ Божій: а въ Москвѣ болѣе народа, нежели въ Пешербургѣ.

Во время Екатерины доживали тамъ въѣкъ свой многіе люди, знаменитые родомъ и чиномъ, уважаемые Дворомъ и Республикою. Въ домахъ ихъ собиралось лучшее Дворянство: слушали хозяина и пересказывали другъ другу слова его. Сіи почтенные старцы управляли образомъ мыслей. Нынѣ уже мало такихъ домовъ. Надобно ѣхать въ Англійскій Клобъ,

чтобы узнать общее мнѣніе; можно знать его и дома, послушавъ нѣсколько разъ, какъ судятъ Москвичи. У нихъ есть какія-то неизмѣнныя правила, но всѣ въ пользу Самодержавія: Якобинца выгнали бы изъ Англійскаго Клоба! Сіи правила вообще благородны. Въ Москвѣ съ жаромъ хвалятъ заслуги Государственные, помнятъ старое добро, и донинѣ славятъ бывшихъ ея знаменитыхъ Градоначальниковъ: Долгорукова-Крымскаго, Графа З. Г. Чернышева, Еропкина, и пр. Однимъ словомъ: Москва заслуживаетъ имя *доброй*.

Р Ъ Ч Ъ ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМІИ,
5 ДЕКАБРЯ 1818 ГОДА.

Милостивые Государи!

Первымъ словомъ моимъ должна быть благодарность, за честь, кою Вы меня удостоили: честь дѣлать съ Вами труды полезные, въ то время, когда Великій Монархъ, новыми щедростями, изліянными на Академію, даровалъ ей новыя средства дѣйствовать съ успѣхомъ для образованія языка, для ободренія талантовъ, для славы отечества. Цѣль важная и достойная ревности знаменитаго Общества, основаннаго Екатериною Второю, утвержденнаго Александромъ Первымъ! Не здѣсь нужно доказывать пользу сихъ благородныхъ упражненій разума. Вы знаете, Милостивые Государи, что языкъ и Словесность суть не только способы, но и главные способы народнаго просвѣщенія; что богатство

языка есть богатство мыслей; что онъ служилъ первымъ училищемъ для юной души, незамѣтно, но тѣмъ сильнѣе впечатлѣвая въ ней понятія, на коихъ основываются самыя глубокомысленныя Науки; что сіи Науки занимаютъ только особенный, весьма немногочисленный классъ людей; а Словесность бываетъ достояніемъ всякаго, кто имѣетъ душу; что успѣхи Наукъ свидѣтельствуютъ вообще о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка и Словесности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя степень его образованія, умъ и чувствительность къ изящному.

Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего швореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для Авторѣвъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный Словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ: наша, безъ сомнѣнія счастливая судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими Писателями, еще не имѣя Словаря: мы

имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли Спихотворцевъ, Писателей, но только одного истинно *классическаго* (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академіи Флорентійской и Парижской. Екатерина Великая. . . . кто изъ насъ и въ самой цвѣтущей вѣкѣ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности? . . . Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ и мирную славу разума, приняла сей щасливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все досховальное, и которое осмалось для Васъ, Милостивые Государи, незабвеннымъ, драгоценнѣйшимъ воспоминаніемъ.

Утвердивъ значеніе словъ, избавивъ Писателей отъ многотрудныхъ изысканій, недоумѣній, ошибокъ, Академія предложила и систему правилъ для составленія рѣчи: твореніе не первое въ семъ родѣ: ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы вдохновенной Поэзіи и сильнаго Краснорѣчія, далъ и Грамматику; но Академическая рѣшивъ болѣе вопросовъ, содѣрживъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для Писателей.

Не имѣвъ участія въ сихъ трудахъ, я только пользовался ими: слѣдственно могу хвалить ихъ безъ нарушенія скромности и съ чувствомъ внутренняго удовольствія.

Но дѣятельность Академіи, при новыхъ лестныхъ знакахъ Монаршаго къ ней вниманія, не должна ли, если можно, удвоиться? Изданіемъ Словаря и Грамматики заслуживъ нашу благодарность, Академія заслуживъ конечно и благодарность поощрѣнія ревностнымъ, неутомимымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ, всегда богатыхъ, такъ сказать, бѣлыми листами для дополненія, для перемѣнъ необходимыхъ по естественному, безпрестанному движенію живаго слова къ дальнѣйшему совершенству: движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ. Сколько еще трудовъ ожидаетъ Васъ, Милостивые Государи! Выгодою или пользою всякаго общества бываетъ свободное, взаимное сообщеніе мыслей, наблюдений, судъ, возраженія, утверждающія истину. Здѣсь нѣтъ личности, нѣтъ самолюбія: честь и слава принадлежатъ всей Академіи, не лицамъ особеннымъ. Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ *систематическое образованіе языка*: непосредственное же его обогащеніе зави-

ситѣ отѣ успѣховѣ общежитія и Словесности, отѣ дарованія Писателей — а дарованія единственно отѣ Судьбы и Природы. Слова не изобрѣщаются Академіями: они раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслию одушевленныя слова, входятъ въ языкъ самовласно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣщаются, а въ немъ уже существуящѣ: надобно только открыть или показати оныя.

Но Академія, облегчая для таланта способы приобрѣтати нужныя ему свѣдѣнія, можетъ еще содѣйствовать успѣхамъ его и другими средствами: наградами, опредѣленными въ *Уставѣ*, и еще болѣе справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія, хотя еще и незрѣлаго, хотя еще и слабаго, неукрашеннаго искусствомъ: ибо слабый лучъ бываетъ иногда предпечью яркаго свѣта и кедръ выходитъ изъ земли наравнѣ съ низкимъ злакомъ. Никто не предпишетъ законовъ Публикѣ: она власна судитъ и книги и Сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно,

всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры: если Академія посвящитъ часъ досуговъ своимъ критическому обозрѣнію *Россійской Словесности*, то удовлетворитъ безъ сомнѣнія и желанію общему и желанію Писателей, слѣдую правилу, внушаемому намъ и любовію къ добру и самою любовію къ изящному: *болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно*. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее. Упопробимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣшущихъ растѣній, то излишно строга Кришика для юныхъ способностей души: мерзвитъ, уничтожаетъ; а мы должны оживлять и питать — привѣщивованъ славолубіе, не у спрашиваешь его: ибо оно ведетъ къ славі, а слава Автора принадлежитъ опечесству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ оужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься униженіемъ другихъ: но Вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все — молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя

въ языкѣ, замѣшимъ, предостережемъ безъ
язвительной укоризны. Судя о произве-
деніяхъ чувства и воображенія, не забу-
демъ, что приговоры наши основываются
единственно на вкусѣ; неизвѣстномъ
для ума; что они не могутъ быть всегда
рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ
людяхъ и въ народахъ; что удовольствіе
чистаго раждается отъ ихъ пайной
симпатіи съ Авторомъ, и не подлежитъ
закону разсудка; что мы никогда не согла-
симся съ Англичанами или Нѣмцами во
мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что
примѣръ изящнаго сильнѣе всякой Кри-
тики дѣйствуетъ на успѣхи Литературы;
что мы не столько хотимъ учить Пи-
сателей, сколько ободряемъ ихъ, нашимъ
къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ,
исполненнымъ доброжелательства. Какъ
ни пріятна для Автора хвала Публики
и самое одобреніе Академіи, но будетъ
еще пріятнѣе, если соединится съ бла-
гонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ
показаніемъ ея красотъ особенныхъ; ко-
гда опытный любитель Искусства углу-
бился взоромъ, такъ сказать, въ сокро-
венность души Писателя, чтобы вмѣстѣ
съ нимъ чувствовать, искать выраженій
и стремиться къ какому-то образцу мыс-
ленному, который бываетъ цѣлю, болѣе
или менѣе ясною, для всякаго дарованія.

Самолюбіе грубое довольствується и нѣмою хвалою : она нѣма, когда не извѣняе своего предмета ; но самолюбіе нѣжное пребуе хвалы краснорѣчивой : она краснорѣлива, когда изображае хвалимое.

Академія, желая возбудишь дѣятельность умовъ, и прежде задавала темы Писателямъ, общая награды успѣху : сей способъ, одобряемый примѣромъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Обществъ, Французской Академіи и другихъ, безъ сомнѣнія также весьма дѣйствителенъ, когда выборъ предметовъ, соопредѣляя образованію народа, заманивъ для ума и воображенія, благопріятствуетъ новостямъ, богачеству идей или картинъ, обращаетъ вниманіе на истинное достоинство Искусства, гдѣ вещество ждетъ руки Художника или мысль изображенія. Скажутъ, что всякой Писатель слѣдуетъ собственному внутреннему влеченію : избираетъ, что ему нравится, и не имѣетъ нужды въ указаніяхъ. Нѣтъ, сіи указанія бывають иногда плодотворны : чуждое, новое, неожиданное имѣетъ особенную силу для разума дѣятельнаго ; онъ спѣшитъ присвоить данную ему мысль, въ слѣдъ за нею спремится къ другимъ, и находить сокровища, которыхъ безъ сего вѣшняго побужденія остались бы для него, можетъ

быть, недоступными. Обширное поле предъ нами: Философія нравственная съ своими наблюденіями, Исторія съ преда- ніями, Поэзія съ вымыслами, свѣтская и семейственная жизнь съ картинами и характерами: вездѣ предметы для Генія, не чуждаго Россіянамъ и въ самыя тем- ныя времена невѣжества: ибо онъ не ждеши иногда Наукъ и просвѣщенія, ле- пшиши и блескомъ своимъ озаряеши пус- тыни. Такъ въ остаткахъ нашей древ- ности, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ нѣ- которыхъ пѣсняхъ народныхъ — сочи- ненныхъ, можеши быть, дѣйствительно во мракъ пустынь — видимъ явное при- существо сего Генія; видимъ живость мыс- лей, ему свойственную; чувствуемъ, такъ сказать, его дыханіе. Но онъ лю- биши Искусство и гражданское образо- ваніе; мелькаеши и во мракъ, но красует- ся постоянно во свѣтъ разума; не есть Наука, но заимствуетъ отъ нее силу для вышняго паренія. Не Дикіе имѣютъ Го- меровъ и Виргиліевъ. Прекрасный союзъ Дарованія съ Искусствомъ заключенъ въ колыбели человечества: они братья, хо- тя и не близнецы. Жалѣемъ объ утра- ченныхъ пѣсняхъ древняго соловья, Бояна; жалѣемъ, что Слово о полку Игоревѣ одно служиши для насъ памятникомъ Россій- ской Поэзіи XII вѣка: но вѣкъ Перик-

довѣ, Августовѣ, еще впереди для Россіи: да настанетъ онѣ въ благословенное царствованіе Александра I, и да назовешся Его великимъ именемъ!

По крайней мѣрѣ желаемъ того. Видимъ новыя училища, новыя средства воспитанія, новыя ободренія для Наукъ и талантовъ; видимъ счастливыя дарованія, любовь ко знаніямъ и къ изящному, несомнительные успѣхи языка и вкуса, сильнѣйшее движеніе въ умахъ — и слѣдственно можемъ надѣяться. Пусть смѣлые приговоры нѣкоторыхъ Критиковъ осуждаютъ нашу Словесность на подражаніе, утверждая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего самороднаго, особеннаго: можемъ согласиться съ ними, не охлаждая ревности нашихъ Писателей, или не согласиться, доказавъ неосновательность сего приговора. Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ Европейцамъ. Жалобы бесполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалася навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ; ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго

ихъ просвѣщенія. Красоты особенныя, составляющія характеръ Словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно итти позади другихъ, то можемъ итти рядомъ съ другими, къ цѣли всемірной для человѣчества, пушемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова: ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красоты Слова о полку Игоревѣ, ни красоты Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ бездушнаго подражанія, гдѣ говоришь умъ или сердце, хотя и общими языкомъ времени; тамъ есть особенность личная, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической Природы входитъ въ классъ, въ сташю, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное знаменіе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго Русскаго: для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власъ Самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сии ошашки, дѣйствіе ли Природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное

свойство Россіянъ, подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты его младенчества, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими Европейскими народами, мы и различуемъ съ ними, въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, на-
выкахъ, такъ, что хотя и не можно иногда отличить Россіянина отъ Британца, но всегда отличимъ Россіяна отъ Британцевъ: во *множествѣ* открываея *народное*. Сію истину отнесемъ и къ Словесности: будучи зеркаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ Авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалили; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца Русскаго, есть игра ума Русскаго въ произведеніяхъ нашей Словесности, которая еще болѣе отличилась ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые Писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, должно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцовъ Искусства: если бы сіи Писатели не знали творцовъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? *подражали бы своимъ; но и тогда списки ихъ остались бы бездушными.* А что рожденъ съ

избыткомъ внутреннихъ силъ, потъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойствен-
нымъ юной слабости, будешь наконецъ
самъ собою — оставивъ пушеводителей,
и свободный духъ его, какъ орелъ дерз-
новенный, уединенно воспаривъ въ гор-
нихъ пространствахъ,

Сему-то возвышенію отечественныхъ
талантовъ мы должны содѣйствовать,
Милосливые Государи, для ихъ и нашей
славы, для ихъ и нашего удовольствія.
Слава! чье сердце, пока живо, можетъ
совершенно охладѣть къ ея волшебнымъ
прелестямъ, не смотря на всю обман-
чивость ея наслажденій? Пѣня юношу
своими лучезарными призраками, въ томъ
лавровымъ и плескомъ народнымъ, она
манивъ и спарца къ своимъ монументамъ
долговѣчнымъ, къ памятникамъ за-
слугъ и благодарности. Мы желали бы
изъ самаго гроба дѣйствовать на людей
подобно невидимымъ добрымъ Геніямъ,
и по смерти своей еще имѣть друзей на
землѣ. Но ежели слава измѣняется, то
есть другая, вѣрнѣйшая, существеннѣй-
шая награда для Писателя, отъ Рока и
людей независимая: *внутреннее удовле-
нѣ дѣятельнаго таланта*, извѣщающее
для насъ удивительную любовь къ тру-
дамъ и перпѣніе, коему мы обязаны столь
многими безсмертными швореніями, и

которое Бюффонъ называлъ *превосход-
 нѣйшимъ даромъ*: ибо не одни Сочинители
 фоліаншовъ, не одни Антикваріи имѣютъ
 нужду въ терпѣніи: оно, можетъ быть,
 еще нужнѣе для великаго Поэта, для ве-
 ликаго Орашора или великаго живописца
 Природы. «Удаленный отъ свѣта и (ска-
 залъ мнѣ, въ юности моей, старецъ Ви-
 ландъ) «не имѣя ни чинашелей, ни слу-
 «шателей, въ дикой пустынѣ, среди не-
 «обитаемаго острова, я въ восторгъ бе-
 «сѣдовалъ бы съ уединенною Музою, не-
 «ушомимо исправляя стихи мои, хощя
 «бы и не извѣстные міру.» Вотъ тайна
 Писателей, часто, но не всегда ласкае-
 мыхъ Славою! Сильная мысль, истина,
 красота образа, выразишельное слово,
 внезапно представляясь уму, оживляющъ
 душу и питающъ ее такимъ чистымъ,
 полнымъ, ей *сроднымъ* удовольствіемъ,
 что она въ сіи счастливыя минуты за-
 бываетъ всякое иное земное счастье. Ко-
 гда, въ торжественномъ безмолвіи храма
 и пышнаго Двора Людовикова, указывая
 на гробъ Великаго Конде, безсмертный
 Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ
 Вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ
 суешнаго величія, обнажалъ ничтожность
 мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но
 возвышалъ душу опкровеніями Неба: по-
 гда, волну сердца, видя вездѣ слезы и

самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полною чувствъ своихъ и дѣйствій ихъ на слушателей; но, можешь быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда, углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли! Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ: въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизбѣжныя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы!

Внутреннее удовольствіе любимца Музъ дѣйствуетъ всегда и на душу чистителей: они вмѣстѣ съ нимъ восхищаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, переселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыхъ одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе. Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ развраша скоро увядаютъ и шлѣютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добромъ тайно

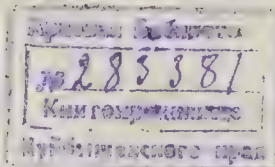
для разума, но извѣстно сердцу. Низкія
спраси унижаютъ, охлаждають даро-
ваніе; пламень его есть пламень добро-
дѣтели.

Будучи источникомъ душевныхъ удо-
вольствій для человѣка, Словесность воз-
вышаетъ и нравственное достоинство
Государствъ. Великія тѣни Паскалей,
Боссюэговъ, Фенелоновъ, Расиновъ, спа-
сали знаменитость ихъ отечества и въ
самыя ужасныя времена его мятежей на-
родныхъ. Если бы Греки, если бы самые
Римляне только побѣждали: мы не произ-
носили бы ихъ имени съ такимъ уваже-
ніемъ, съ такою любовію; но мы плѣ-
нялись Илиадою и Энеидою, вмѣстѣ съ
Аѳинянами слушали Демосѣена, съ Рим-
лянами Цицерона. Побѣждали и Моголы:
Тамерланы зашмили бы Темиспокловъ и
Цесарей; но Моголы только убивали, а
Греки и Римляне питають душу самого
ошдаленнаго потомства вѣчными красо-
тами своихъ твореній. Для того ли об-
разуются, для того ли возносящаяся Дер-
жавы на земномъ шарѣ, чтобы единст-
венно изумлять насъ грознымъ колос-
сомъ силы и его звучнымъ паденіемъ;
чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣ-
сколько вѣковъ обширною своею могилою
служила вмѣсто подножія новой Держа-
вѣ, которая въ чреду свою падеть неми-

нуемо? Нѣтъ! и жизнь наша и жизнь Имперіи должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль, среди гробовъ и шлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. — Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума безсмертнаго; да умножаетъ богатства Наукъ и Словесности; да слава Россіи будетъ славою человѣчества — и да исполнится такимъ образомъ желаніе Екатерины Второй и Александра Перваго!

К О Н Е Ц Ъ

ДЕВЯТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

СО Д Е Р Ж А Н І Е IX Т О М А.

	Стран.
Рыцарь нашего времени.	5
Спашьи политическія извѣстїи Вѣстника Европы 1802 и 1803 года.	55
О Московскомъ землетрясеніи 1802 года. . . .	98
Пріянные виды, надежды и желанія нынѣшня- го времени.	101
Извѣстіе о Марѣ Посадницѣ, взятое изъ жи- тія Св. Зосимы.	119
О Руской Грамматикѣ Француза Модрю. . . .	127
Странность.	135
Путешествіе вокругъ Москвы.	141
О публичномъ преподаваніи Наукъ въ Москов- скомъ Университетѣ.	152
Руская сшарина.	160
О Россійскомъ посольствѣ въ Японію. . . .	188
Историческія воспоминанія и замѣчанія на пу- ти къ Троицѣ.	200
Чувствительный и холодный. Два характера. .	253
Записка о Московскихъ достопамятностяхъ. .	280
Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ со- браніи Императорской Россійской Акаде- міи, 5 Декабря 1818 года.	305

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

ВЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

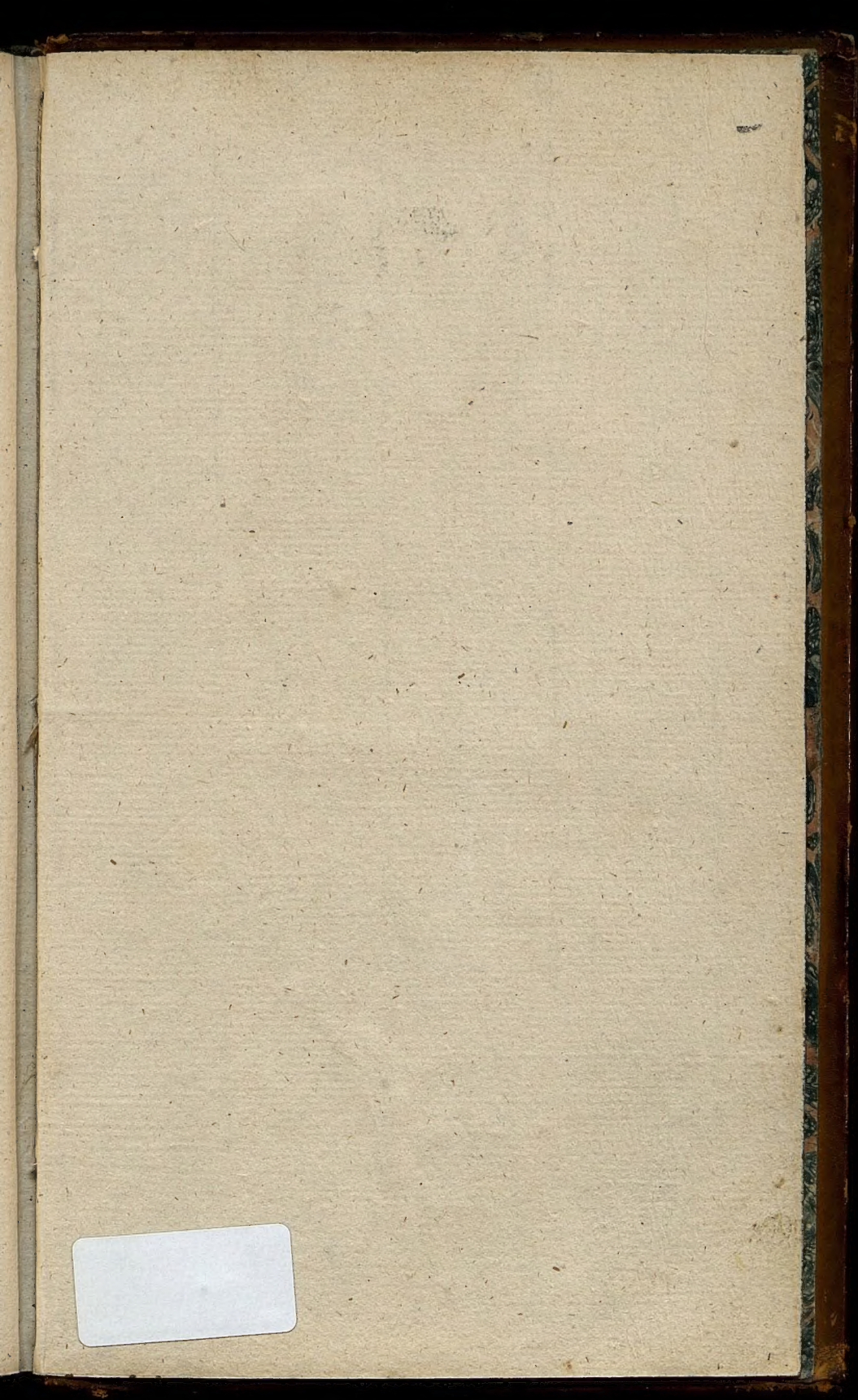
Стран.	Строк.	Напечатано:	Читай:
41	6	не вѣришь	не вѣришь
42	15	убившвеннаго	убійшвеннаго
46	5	навишся	навишься
47	23	ходишь;	ходишь,
70	6	не вѣрояшно	но вѣрояшно
71	18	кто	что
72	25	Вестникѣ	Вѣстникѣ
76	1	странною	странною
85	14	въ теченіи	въ теченіе
86	21	благодарнаго	благодарнаго,
98	16	сѣ окружности.	въ окружности.
134	3	видѣли	видѣли,
—	30	ansi	ainsi
140	23	мельницами,	мельницами,
142	6	Бывало	Бывало,
147	16	Вонифаншій	Вонифатій
163	13	Олеаріа,	Олеарія,
168	17	феризи,	ферези,
169	10	въ деревняхъ,	въ деревянныхъ,
215	22	вносимыхъ	вносимымъ
216	21	сѣ Воздвиженское,	въ Воздвиженское.
223	6	Ослабя,	Ослаби,
257	30	вакабулы	вокабулы
284	28	ихъ	еихъ
287	9	1155	1655
290	13	инозенные	иноземные
291	3	Архвистовъ,,	Архивистовъ,,

ОПЕЧАТКИ IX ТОМА.

<u>Стран.</u>	<u>Строк.</u>	<u>Напечатано:</u>	<u>Читай:</u>
292	31	Марфа	Мареа
293	15	Царицы,	Царицы
—	18	Памятникъ	памятникъ
295	11	прѣзжали	прѣзжали
—	29	Іоанна,	Іоанна
298	26	умного	умнаго
299	2	Пиръ	пиръ
301	14	верегн	вериги
306	8	людей;	людей,
318	7	отъ свѣта и	отъ свѣта“

NB. На стран. 134 ошибкою поставлены въ началѣ строкъ 22 и 23 двойныя запятыя.

Ep 60

повыхъ непріятелей со всею своею силою оной на помощь приишши подлинно дѣйствовать и ошъ того не опсавашъ, ниже орудія прежде не сложишь, пока чрезъ безопасной и съ обоихъ договаривающихся сторонъ и ихъ высокихъ союзниковъ пользою и интересами сродственной миръ общая тишина совершенно возстановлена и шако Его Курфиршская Свѣтлость въ спокойномъ владѣніи Королевства Польскаго утверждень не будетъ.

Вышеписанные пять секретные артикулы имѣють равной силы и дѣйства бытъ, якобы оныя въ постановленной сего числа и подписанной оборонительной и гварантіи пракшашъ и союзъ ошъ слова до слова внесены и для того съ нихъ два равногласящіе экземпляры изгошвлены, изъ кошорыхъ одинъ Ея Императорское Величество Всероссийская, а другой Его Курфиршская Свѣтлость Саксонскій своеручно подписали, и къ тому печати свои приложишь повѣляи имѣють оригиналы купно съ главнымъ пракшашомъ до 20-го Іюля по старому календарю въ Варшавѣ чрезъ обрѣщающихся шамо съ обоихъ сторонъ Министровъ размѣнены и опданы бытъ. Дано въ Санктпетербургѣ

Іюля 1733 года, Государшвованія нашего четвешаго года.

На подлинномъ подписано: **АННА.**

Контрасигнировалъ (М. П.) Графъ Головкинъ.

Таковъ же точно пракшашъ съ пятью секретными спашьями подписанъ со стороны Саксонскаго Курфирша Фридриха Августа, 1-го Сентября 1733 года.

mmmm

